

№ 1 (65)
2020

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

ВЕКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 45** *Низовец Т. И.*
Языковая репрезентация английской правовой системы в современных СМИ
- 62** *Толстопятенко Г. П., Федотова И. Г., Богданова И. А.*
Английский язык. Научная школа лингвоправоведения международно-правового факультета (на англ. яз.)
- 77** *Царева М. С.*
Французский кодекс административной юстиции: опыт перевода (на фр. яз.)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

- 85** *Дегтярева Е. А.*
Проведение имитационного судебного процесса для подготовки студентов-юристов к иноязычному профессиональному общению (на англ. яз.)

№ 1 (65)
2020

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

Грачева Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского государственного университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция.

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления содействия международному развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ПИКАЛОВА Виктория Владимировна — доцент кафедры юридического перевода Института юридического перевода Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 26.02.2020 Объем 19,53 усл. печ. л. (13,50 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор	Л. А. Мункеева
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

№ 1 (65)
2020

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
FOREIGN LANGUAGES

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Law of Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France.

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Head of the Department of International Cooperation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2020

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Dr. Sci. (Politic.), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

PIKALOVA Viktoriya Vladimirovna — Associate Professor of the Legal Translation Faculty of the Department of Legal Translation of the Kutafin Moscow State Law University, Cand. Sci. (Philology)

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	26.02.2020 Volume: 19,53 conventional printer's sheets (13,50 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor	L. A. Munkueva
Proof-reader	A. B. Rybakova
Computer layout	D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	8
ВЕКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Витлинская Т. Д. Лингвистическая концептуализация понятия «правосудие» в речах Ф. Н. Плевако	27
Калиновская В. В. Речевое воздействие в юридическом дискурсе	32
Миловидова А. И. Грамматические дистракторы в CLIL-ориентированных тестах по международному юридическому английскому языку (на англ. яз.)	37
Низовец Т. И. Языковая репрезентация английской правовой системы в современных СМИ	45
Толстопятенко Г. П., Федотова И. Г., Богданова И. А. Английский язык. Научная школа лингвоправоведения международно-правового факультета МГИМО (на англ. яз.)	62
Шрамкова Н. Б., Малыхина И. А. Кросс-культурные различия в переговорном процессе как аспект элективного курса «Английский язык в договорном праве»	70
Царева М. С. Французский кодекс административной юстиции: опыт перевода (на фр. яз.)	77
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА	
Годдард Ч. Английский язык и право — возможности в Университете (на англ. яз.)	82
Дегтярева Е. А. Проведение имитационного судебного процесса для подготовки студентов-юристов к иноязычному профессиональному общению (на англ. яз.)	85
Ежова Н. Ф. Использование проектного метода в изучении профессионального английского языка студентами юридического вуза	90
Яшина О. В. Применение современных образовательных технологий при обучении иностранному языку в рамках дополнительного профессионального образования	97

Трибуна молодого ученого

Бородина Е. А.

- Функции юридического дискурса в рамках
когнитивно-дискурсивного подхода
на примере международно-правовых актов 101

Проба пера

Дзедзеев Т. С.

- Венчурные инвестиции в контексте
международного частного права (на англ. яз.) 108

Дайджест мероприятий

- II Олимпиада по юридическому английскому языку
в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 111
- Международная научно-практическая конференция
«Профессионально ориентированное обучение
иностранному языку в юридическом и экономическом вузе» 113
- XVIII конференция «Традиции и новации в системе
современного российского права». Секция «Юридический английский язык» 116
- IV Международный научный симпозиум
«Предпринимательство и право. Французский язык в эру цифровых технологий» 119

Книжная полка 122

Лингвистическое наследие

Мартыненко И. А.

- Питер М. Тиерсма: «Реформа юридического
языка является важной целью» 123

Tiersma P.

- What is Language and Law? And does anyone care? 131

Познавательное о разном

- Экзамены на знание юридического английского языка 149
- Знакомьтесь, это — blinkist! 153
- Юридический триллер как уникальный
инструмент обучения юридическому языку 156

Grisham J.

- The Scandal (Theodore Boone) 157

Постскриптум

Январь в мировой истории 166

Слово к читателю

Предлагаем Вашему вниманию очередной выпуск «Иностранные языки» журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», в котором мы снова обратимся к изучению языка для специальных целей (Language for Specific Purposes, LSP).

Возникнув как результат разделения труда, язык специальности до сих пор остается крайне востребованным в любом профессиональном сообществе. Процесс глобализации, который начался уже относительно давно, продолжает набирать скорость в различных сферах, не исключая и правовой сегмент, и, конечно, по-прежнему участникам этого процесса требуется инструмент, с помощью которого возможно осуществлять коммуникацию в своей области с коллегами и клиентами из других стран.

В XX в. английский язык занял главенствующие позиции на международной арене и в XXI в. продолжает оставаться языком глобального общения в процессе межкультурной коммуникации. Возросла и роль английского языка для специальных целей (English for Specific Purposes, ESP). Поэтому любой юрист понимает, что Legal English — неотъемлемая часть его профессиональной жизни и им необходимо владеть. Но когда и как начать изучать не просто «общий» английский, а английский, который поможет найти контакт с миром юриспруденции?

Сегодня уже ни для кого не секрет, что изучение иностранного языка в целом — это тяжелый и кропотливый труд, а изучение языка права — вдвойне, поскольку по-настоящему освоить этот инструмент возможно, лишь имея хорошую фонетическую, лексическую, грамматическую и прагматическую базу. Приступая к изучению English for Legal Purposes, обучающийся обязан не только видеть конечную цель, но и осознавать свою языковую подготовку и сложность поставленной задачи.

Несомненно, путь предстоит нелегкий, однако для тех, кто рискнет начать его уже сегодня, положительные результаты не заставят себя ждать. Уже одно то, что изучение терминологии и в целом языка иных правовых систем может оказать большую практическую пользу даже юристам, специализирующимся в российском праве, дорогого стоит. Ни один другой предмет не дает возможности взглянуть на собственную правовую систему через призму иного юридического мышления. А самое, пожалуй, ценное, что содержит любой курс юридического английского языка, — это сравнительно-правоведческий компонент, который может снабдить слушателей многими инструментами лингвистического анализа, ведь право существует в первую очередь в языковом выражении.

Не раз за много лет работы в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) я наблюдала ситуацию, когда у изучающих английский язык юриспруденции опускались руки, приходила неуверенность в своих силах и казалось, что терминология и грамматика этого языка слишком сложны, чтобы стать органичной частью ежедневной профессии. В такие моменты опытные преподаватели всегда оказывались рядом, чтобы напомнить, что этот этап временный и что студенты находятся на правильном пути к достижению цели, ведь специализация — сама лучший мотиватор.

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что для любого преподавателя LSP важно на каждом практическом занятии, учитывая мотивы слушателей, изучающих язык специальности, не забывая о конечной цели, которой всегда является реальная жизнь, уметь подать сложный узкоспециальный материал так, чтобы слушатель уже сегодня имел возможность иметь четкое понимание того, как применить в профессиональной жизни новый инструмент познания и общения. За этой, на первый взгляд, просто выполнимой задачей на деле стоит колоссальный труд педагога. При всей очевидности мотивов и конечной цели преподаватели в процессе обучения их конкретизируют, объединяют, заново активизируют, укрепляют, дополняют, чтобы они стали актуальными.

Преподаватели юридического английского изо дня в день стараются найти новые формы и методы подачи материала, размышляют, что может стать источником текстов, из которых слушатели получают информацию о терминологии и языковом строе языка их профессии, и как помочь им разобраться в различных подходах к осмыслению юридических категорий, пробиться сквозь хитросплетения юридического стиля, лучше усвоить понятия и категории соответствующей правовой системы, понять международные правовые документы; а самое главное — как приблизиться к заветному итогу освоения курса юридического английского языка — умению применить на практике полученные знания для решения конкретных профессиональных задач.

Все это заставляет каждый день пересматривать устоявшуюся методику преподавания ESP/LSP с новых позиций и с неизбежностью требует более детального ее изучения для оптимизации специального межкультурного общения.

Выпуск «Иностранные языки» журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» как всегда предоставляет возможность преподавателям специализированного иностранного языка поделиться своим видением юридико-лингвистических проблем на современном этапе.

В. В. Пикалова,
доцент кафедры юридического перевода
Института юридического перевода
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических наук, доцент

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ МЕСЯЦА

Подготовка предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации

Распоряжением Президента Российской Федерации Владимира Путина ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев включен в состав рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации.

В состав рабочей группы включены 75 политиков, законодателей, ученых, общественных деятелей. Сопредседателями комиссии назначены глава Конституционного комитета Совета Федерации Андрей Клишас, председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников (по согласованию) и академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Талия Хабриева.

В послании Федеральному Собранию Президент РФ предложил внести ряд поправок в главный закон страны, в том числе доверить Государственной Думе право утверждения кандидатуры Председателя Правительства РФ, вице-премьеров и федеральных министров.

Рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ приступила к обсуждению соответствующего законопроекта, внесенного Президентом РФ Владимиром Путиным в Государственную Думу. Заседание прошло 21 января 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Открывая заседание, сопредседатель рабочей группы, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников заявил, что текст президентского законопроекта является отправной точкой для дальнейших обсуждений и подготовки поправок ко второму чтению:

«В Конституции есть специальная норма, согласно которой этот документ будет рассматриваться по процедуре федерального конституционного закона в трех чтениях. Между первым и вторым чтением предусмотрена процедура приема поправок, затем — третье чтение, правовая и лингвистическая экспертиза».

До второго чтения членам рабочей группы предстоит поработать над развитием и дополнением норм законопроекта, рассмотреть и подготовить к внесению в Госдуму собственные поправки и предложения, поступающие из регионов.

По словам другого сопредседателя рабочей группы, председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрея Клишаса, предложения могут касаться и других статей Конституции РФ, за исключением глав 1, 2 и 9, которые должны оставаться не-

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

зыблемыми и не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Запланирован также ряд встреч членов рабочей группы в регионах для разъяснения сути поправок и сбора предложений граждан:

«Конституция — это Основной закон, и главное, что мы должны выяснить — в чем состоит общественный запрос людей на изменение текста Конституции».

Секретарь Общественной палаты России, заслуженный юрист РФ Лидия Михеева отметила, что такие предложения уже поступают в адрес организации:

«Мнения граждан нужно обобщать и учитывать, в том числе — на профессиональных общественных площадках».

Лидия Михеева предложила в дальнейшем проводить заседания рабочей группы в Общественной палате РФ.

Позицию Лидии Михеевой поддержал член рабочей группы, председатель Комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ Вячеслав Никонов:

«Конституция — не документ, написанный юристами для юристов. Она касается каждого из нас и, естественно, должна учитывать настроения в обществе».

Андрей Клишас сообщил, что Общероссийское голосование предлагается провести по модели выборов Президента России в 2018 г.:

«Безусловно, мы обсудим, как обеспечить прозрачность и понятность процедур голосования, его доступность для всех граждан, потому что самое важное — доверие людей к результатам. Уверен, что у нас получится сформулировать такие правила, которым люди будут доверять».

В частности, рабочей группе вместе с представителями ЦИК России предстоит ответить на вопрос о целесообразности использования электронного голосования.

Член рабочей группы, глава Комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев, в свою очередь, отметил, что Россия не пытается уйти от своих международных обязательств, внося поправку в Конституцию о неисполнении решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров РФ. Он отдельно остановился на предлагаемой поправке в Конституцию, согласно которой решения межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров РФ, истолкованных в противоречии с Основным законом РФ, не подлежат исполнению Россией. Сенатор подчеркнул, что предложенное изменение не затрагивает ст. 15 Конституции РФ, которая предусматривает приоритет международного права для России при условии, что «эти обязательства не могут противоречить Конституции РФ, не могут нарушать права и свободы граждан РФ».

По окончании заседания рабочей группы, отвечая на вопрос о ее составе, в которую помимо юристов вошли известные общественные, культурные и спортивные деятели, Андрей Клишас назвал логичным и естественным тот факт, что поправки к Основному закону готовят представители самых широких общественных кругов.

Президент России Владимир Путин в ходе Послания Федеральному Собранию РФ 15 января выступил с предложением внести ряд поправок и дополнений в Конституцию России. Они связаны, в частности, с необходимостью закрепления социальных гарантий для населения, обеспечения суверенитета страны, построения единой системы публичной власти, усиления роли парламента, губернаторов и органов местного самоуправления. Отдельная поправка ограничивает время пребывания одного и того же человека на должности Президента двумя сроками в целом, а не подряд, как это предусмотрено действующей редакцией Конституции. 20 января законопроект внесен в Государственную Думу. По предложению Президента, его окончательному принятию будет предшествовать общероссийское голосование.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Елена Грачева: «Переизбыток подготовленных юристов в России — это миф»

Первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя ВККС Елена Грачева рассказала в интервью Legal.Report, что ученые думают об адвокатской монополии, какое образование должно быть у судей и прокуроров, а также о плюсах и минусах Болонской системы.

— В последнее время вновь развернулась дискуссия о целесообразности для нашей страны Болонской системы. Если говорить о подготовке юристов, в ней больше плюсов или минусов?

— *Вопросы о целесообразности или, наоборот, нецелесообразности Болонской системы возникают не случайно. Как и любой системе, ей присущи свои плюсы и минусы. В советское время у нас в стране сложились несколько иные традиции подготовки юристов. Но дореволюционная Россия знала и такой подход к получению высшего образования. Другое дело, насколько Болонская система отвечает современному уровню подготовки юристов.*

Я полагаю, что одна из проблем заключается в том, что мы не совсем готовы к осознанию того, что диплом бакалавра — это свидетельство того, что его обладатель получил полноценное высшее образование, для целого ряда профессий и направлений в области юриспруденции этого диплома вполне достаточно. В обществе должно сформироваться такого рода понимание.

Но есть ряд направлений юридической деятельности, которые требуют более серьезной и всесторонней профессиональной подготовки. Конечно, это судейская профессия. У нас существуют требования, в соответствии с которыми судьей может стать только человек, у которого есть высшее юридическое образование, или по программе специалитета, или «бакалавр и магистр юриспруденции». Это вполне обоснованно, потому что судьи призваны решать самые сложные конфликты, возникающие между людьми, организациями, между гражданами, организациями и государством. И решение это должно быть всесторонним, обоснованным, взвешенным, основанным на глубоких теоретических знаниях и правоприменительной практике.

В целом же подготовка юристов по целому виду юридической деятельности по Болонской системе видится мне в полной мере оправданной. Изначально это глубокие, фундаментальные знания, и дело не в самой программе, а в юристах, которые прошли эту подготовку, в том, как они учились, как готовились. Если хорошо, то в дальнейшем они обязательно покажут высокий профессионализм, а если к своей учебе они относились поверхностно, то и уровень их подготовки будет соответствующим.

У Болонской системы немало достоинств. Во-первых, она дает возможность поступить в вуз по результатам ЕГЭ. Конечно, к самой системе ЕГЭ есть сегод-

ня немало нареканий, но она постоянно совершенствуется, и это приносит свои плоды: мы на собственном опыте убеждаемся, что с каждым годом к нам приходят все более подготовленные ребята.

Наряду с получением фундаментального юридического образования на уровне бакалавриата Болонская система позволяет в дальнейшем пройти и более углубленную подготовку по самым различным программам уже в магистратуре. К примеру, сегодня вы работаете в уголовно-правовой сфере и вас интересуют именно эти дисциплины, но завтра жизнь повернется иначе, вам придется переориентироваться на какую-то иную сферу. И у вас остается возможность пройти обучение по магистерской программе в иной сфере, получить дополнительные, более современные знания. В этом я вижу неоспоримое достоинство Болонской системы — по сути, это система постоянного обучения, получения новых знаний, навыков, компетенций.

В целом мы реально оцениваем Болонскую систему. Видим ее безусловные плюсы, видим и недостатки — их мы нивелируем за счет повышения требовательности к бакалавриату в целом и к тем, кто обучается по этой системе. При этом стремимся разнообразить учебный процесс, чтобы ребята получали не только теоретические, но и практические навыки, нарабатывали больше компетенций.

— Сейчас рассматривается законопроект, по которому прокурором может стать только гражданин РФ, имеющий диплом специалиста или магистра по направлению подготовки «юриспруденция». Необходимым условием для замещения этой должности также станет наличие у магистра степени бакалавра юриспруденции. Насколько оправданны такие ужесточения?

— *Что касается требований в части юридического образования, которые предъявляются к отдельным видам профессии, то в обществе в целом и в юридическом сообществе в частности существует солидарное мнение: человек, претендующий на занятие должности судьи, должен обладать юридическим образованием на уровне бакалавриата и магистратуры или специалитета, как это было в нашей старой системе. Потому что принятие значимых, подчас судьбоносных для граждан, компаний, организаций и государства решений всецело зависит от уровня подготовки судейского корпуса, а он возможен только на этих двух уровнях — бакалавриата и магистратуры.*

Я могу только приветствовать, что такой же подход к уровню знаний предлагается применить и в отношении прокуроров. Мне кажется, что они, люди, занимавшиеся самыми сложными вопросами правоприменительной деятельности, конечно, должны обладать самыми глубокими знаниями. Любой неверный шаг прокурора — это удар по судьбе человека, и не только его одного. Избежать же ошибок позволяют только глубокие юридические знания и серьезная подготовка, а это, конечно, уже уровни бакалавриата и магистратуры. В настоящее время разработана новая специализированная учебная программа, нацеленная именно на работников органов прокуратуры.

Нужны ли вообще образовательные цензы для тех или иных юридических профессий? Для таких специалистов, как судьи и прокуроры, — да. Требования получения определенного уровня высшего образования для них совершенно обоснованы. Это не только бакалавриат, это должна быть магистратура или специализированные специалитеты программы.

— С одной стороны, разговоры о том, что в стране готовят слишком много юристов и экономистов, уже стали притчей во языцех. С другой — потребность в юристах только растет. Например, с 1 октября 2019 г. представителями сторон в суде при рассмотрении гражданских и арбитражных дел могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности. Что вы думаете по этому поводу?

— Я считаю, что разговоры о переизбытке подготовленных юристов — миф. У нас слишком много непрофессиональных юристов, подготовленных непрофессиональными вузами. Что же до хороших юристов, обладающих фундаментальными юридическими знаниями, навыками, компетенциями, — таких юристов у нас недостаточно. Поэтому жесткие требования, которые предъявляют Министерство и Рособрнадзор к вузам, готовящим юристов, можно только приветствовать. Эта политика уже привела к тому, что доля непрофильных вузов, которые готовили юристов, значительно сократилась.

В настоящее время локализована подготовка юристов именно в сильных вузах с традициями, в которых есть юридические школы, а подготовка отличается высоким уровнем профессионализма. Именно так и должно быть. В обществе, в Конституции которого закреплено положение о том, что мы формируем правовое государство, хороших юристов не может быть много.

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

Зимняя школа молодых ученых

27 января 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) начала работу VI Зимняя школа молодых ученых «Юрисдикция государства: пределы осуществления и проблемы реализации».

Зимняя школа в МГЮА по праву считается одной из самых авторитетных площадок для общения молодых ученых — аспирантов, соискателей, кандидатов наук в возрасте до 30 лет. Лекции, мастер-классы и неформальные беседы с ведущими российскими юристами — учеными и практиками, представителями ведущих юридических научных школ страны и сотрудниками международных организаций, возможность участия в тематических круглых столах, дискуссионных площадках не только способствуют формированию глубоких профессиональных междисциплинарных научных компетенций, но и расширению взаимодействия молодых ученых из различных юридических вузов.

В нынешнем году в работе Зимней школы принимали участие свыше 70 молодых ученых из Москвы, Казани, Санкт-Петербурга, других городов России.

«Полномочия, связанные с государственной юрисдикцией, поднимают множество вопросов об их видах и формах. Основные мероприятия школы будут затрагивать правовую природу государственного суверенитета, законодательную, судебную и административную компетенции государства, развитие международно-правовых инструментов регулирования пределов осуществления юрисдикции», — отметил в обращении к участникам Зимней школы ректор МГЮА Виктор Блажеев.

Проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по учебной и методической работе Мария Мажорина, в свою очередь, напомнила участникам о том, что любая наука начинается с вопросов, на которые идет поиск ответов: «Наша школа — площадка, где в первую очередь вы будете ставить вопросы и сами искать на них ответы под руководством ведущих российских ученых, которые охотно поделятся с вами новейшими научными знаниями».

С напутственным словом к молодым участникам Зимней школы обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков:

«Наша школа во главу угла ставит индивидуальность, творчество, собственные траектории познания, формирование исследовательского мышления. У всех участников разные темы научных работ. Школа помогает нащупать междисциплинарные связи, особые закономерности, расширить исследовательский кругозор. Самое главное — никогда не останавливаться, а продолжать совершенствовать исследовательские компетенции».

В первый день работы VI Зимней школы молодых ученых перед ее участниками с лекцией-наративом «Явление государственной власти: политико-правовое измерение» выступил заведующий кафедрой истории государства и права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор Владимир Томсинов. С большим интересом встретили участники и другого спикера, доктора юридических наук, профессора, судью Конституционного Суда РФ, заслуженного юриста РФ Николая Бондаря. Он выступил перед аудиторией с проблемной лекцией «Конституционная юрисдикция России: судебный суверенитет в соотношении с наднациональной юрисдикцией».

Во второй день утренняя часть программы открылась круглым столом «Реформа законодательства об административной ответственности: проблемы и перспек-

тивы». В ней приняли участие профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Лев Попов и Борис Россинский, а также ведущий научный сотрудник отдела административного права и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ профессор Сергей Зырянов.

Второй учебный день продолжился лекцией-дискуссией заведующего кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Никиты Лютова «Вмешательство государства в трудовые отношения: слишком много или мало?» и мастер-классом доцента

кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Ярослава Кожеурова «Экстерриториальная юрисдикция в практике ЕСПЧ: “империализм прав человека” или “большая путаница”?», вызвавших среди участников оживленную дискуссию.

Завершился учебный день круглым столом «Юрисдикция государств и компетенция международных организаций в области спорта: вопросы соотношения и реализации». На ней выступил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев. В дискуссии приняли участие начальник департамента Управления по обеспечению деятельности Государственного Совета Администрации Президента РФ Сергей Никитин, заместитель руководителя Правового управления Олимпийского комитета России Виктор Березов, руководитель Центра спортивного права, старший преподаватель кафедры спортивного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Ксения Машкова.

Третий день работы Зимней школы открыла лекция-дискуссия руководителя отдела Главного следственного управления Следственного комитета РФ, полковника юстиции Дениса Кунева «Проблемные аспекты международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства». Положения, высказанные лектором в первой части занятия, слушатели Зимней школы потом закрепили в процессе интерактивного практикума.

Во второй половине учебного дня перед участниками с лекцией-презентацией выступила доктор публичного права (Франция), кандидат юридических наук, член-корреспондент Международной академии сравнительного права, заведующий НОЦ сравнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Захарова. Лекция-презентация «“Все еще Элис?”, или Будущее права / право без будущего в XXI веке» затрагивала вопрос трансформации права в современных условиях на примере фильма «Все еще Элис?»

Четвертый день работы Зимней школы начался со встречи участников с судьей Верховного Суда РФ, Председателем Совета Судей РФ, членом Президиума Верховного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором Виктором Момотовым, выступившим с лекцией «Юрисдикция Верховного Суда Российской Федерации: пути совершенствования и развития на современном этапе».

Учебную программу продолжили три лекции-дискуссии: доцента кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елены Стрельцовой «Перспективы суда и альтернативного разрешения споров в сфере гражданской юрисдикции», доцента кафедры международного частного права Людмилы Терентьевой «Пределы распространения юрисдикции в сети Интернет и проблемы ее реализации при разрешении трансграничных частноправовых споров» и и.о. заведующего этой кафедрой Владимира Канашевского «Деофшоризация экономики: правовые меры для восстановления экономического суверенитета».

Заключительный, пятый, день работы VI Зимней школы молодых ученых открыл мастер-класс «Конкуренция юрисдикций в международной судебной практике». Его провел адвокат Адвокатской палаты Иркутской области Сергей Колосок.

Затем перед слушателями с лекцией-презентацией «Юрисдикция в киберпространстве» выступил региональный координатор Международного комитета Красного Креста по правовым вопросам в Восточной Европе и Центральной Азии Андрей Козик.

Большой интерес аудитории вызвала также лекция-дискуссия заместителя руководителя Федеральной антимонопольной службы России, заведующего кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергея Пузыревского, посвященная проблемам и перспективам антимонопольной юрисдикции государства в экономической сфере.

Заключительное занятие в VI Зимней школе молодых ученых прошло в формате направленной дискуссии. Участники, с первого дня работавшие в малых группах, представили подготовленные ими презентации с изложением своих точек зрения на такие актуальные вопросы, как современные проблемы юрисдикции в федеративном государстве, международная подсудность по гражданским делам и выбор юрисдикции, юрисдикция и экстерриториальное применение уголовного права, влияние информационных технологий на осуществление юрисдикций.

Руководил дискуссией, в которой приняли участие директор Научно-исследовательского центра МГЮА Сергей Зенин, заведующая кафедрой международного права Наталья Соколова и руководитель НОЦ сравнительного права Мария Захарова, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков.

Занятия в VI Зимней школе молодых ученых завершила торжественная церемония вручения ее выпускникам сертификатов и удостоверений. Поздравляя выпускников, первый проректор Университета Елена Грачева выразила надежду, что молодые ученые продолжают собираться на площадке МГЮА для обсуждения актуальных проблем, возникающих во всех сферах права:

«Проводя школы молодых ученых, мы преследуем несколько целей: будучи учебным заведением, мы думаем о том, какой будет наша юридическая наука завтра. Поэтому мы хотим, чтобы вы были чрезвычайно образованными, грамотными и знающими людьми, которые могли бы отстаивать интересы государства на международной арене».

Также Елена Грачева отметила, что «юриспруденция как наука не развивается в одиночку», и поэтому выразила надежду, что молодые ученые будут поддерживать друг друга в дальнейшем.

Владимир Синюков, в свою очередь, поблагодарил участников школы за активное участие в проводимых лекториях, мастер-классах, круглых столах, проблемных дискуссиях и акцентировал внимание на том, что за ними — молодыми учеными — будущее.

Гайдаровский форум — 2020

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, первый проректор Елена Грачева и начальник Управления международного сотрудничества Мария Егорова приняли участие в работе Гайдаровского форума «Россия и мир. Вызовы нового десятилетия».

Гайдаровский форум — одна из наиболее авторитетных экспертных площадок, которая на протяжении последних одиннадцати лет традиционно задает вектор общественной и научной дискуссии.

Панельная дискуссия «Юридическое образование и рынок труда. Трансформация или стагнация в условиях цифровой экономики» объединила руководителей ведущих российских и зарубежных юридических вузов, научного, педагогического сообщества.

В центре обсуждения участников были вопросы, связанные с новым содержанием учебных программ, методами преподавания права и требованиями к ним, а также новыми способами регулирования юридического образования.

В рамках мероприятия прошла презентация нового учебника «Цифровое право» под общей редакцией Виктора Блажеева и Марии Егоровой.

Цифровой след как объект судебной экспертизы

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла Международная конференция «Цифровой след как объект судебной экспертизы». Организаторами форума выступили кафедра судебных экспертиз, Институт судебных экспертиз совместно с АНО «Содружество экспертов МГЮА имени О.Е. Кутафина».

«Нынешняя конференция — свидетельство глубинных изменений, происходящих в структуре научного знания, возникновения совершенно новых междисциплинарных связей», — заявил, приветствуя участников, проректор по научной работе МГЮА Владимир Синюков.

«До недавних пор юристы спокойно относились к новациям, которые влекли за собой промышленные революции. Но ситуация изменилась, и в доселе “заповедные” зоны права стали вторгаться современные технологии, требующие своего правового регулирования. В этом плане судебная экспертиза — замечательный пример того, чего могут достичь юристы с их базовым гуманитарным мышлением, активно приобщаясь к естественно-научным знаниям».

С докладом «Проблемы исследований цифровых следов в судебной экспертизе» на конференции выступила директор Института судебных экспертиз Елена Россинская. Она отметила, что сегодня в судебных экспертизах все чаще приходится исследовать не традиционные материальные объекты, а их цифровые аналоги, и здесь на первый план выходят компьютерно-технические судебные экспертизы, проведение которых требует от тех, кто их проводит, серьезной специальной подготовки.

Уголовное право: стратегия развития в XXI веке

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) начала работу XVII Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке».

Приветствуя участников конференции, ректор МГЮА Виктор Блажеев отметил, что сегодня правоприменители сталкиваются с новыми вызовами, и они требуют самого глубокого анализа и профессионального осмысления.

С докладом «Уголовное право: тенденции развития на современном этапе» на конференции выступила Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор Татьяна Москалькова.

Государственно-церковные отношения: теория и практика

Кафедра конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провела круглый стол «Государственно-церковные отношения: теория и практика».

С приветственными словами к участникам круглого стола обратились его сопредседатели — член ЦИК России Борис Эбзеев и заместитель председателя Синодального миссионерского отдела Русской православной церкви, заместитель руководителя экспертной группы по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений Экспертного совета Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений игумен Серапион (Митько).

С интересными докладами выступили гости: пресс-секретарь Синодального миссионерского отдела иеромонах Лев (Скляр), директор Высшей школы юриспруденции Национального исследовательского университета «Высшая школа

экономики», заместитель председателя Экспертного совета Комитета по образованию и науке Государственной Думы Дмитрий Кузнецов, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса, заслуженный юрист России Алексей Величко.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

Новая образовательная программа: синергия традиций и инноваций

В рамках приемной кампании 2020 в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) открывается набор на новую, беспрецедентную образовательную программу «Инновационная юриспруденция». На программу выделены бюджетные места, прием будет осуществляться на основе результатов ЕГЭ по трем предметам: иностранному языку (вместо истории), обществознанию и русскому языку.

Об особенностях данной образовательной программы рассказала руководитель группы разработчиков новой программы, проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина:

«Мы ждем сильных, мотивированных ребят, владеющих иностранным языком и серьезно задумывающихся о собственном будущем в юридической профессии. Они получат не только фундаментальные юридические знания под руководством наших лучших профессоров, но и впервые на уровне бакалавриата приобретут опережающие знания о будущем права и юриспруденции.

В учебный план образовательной программы «Инновационная юриспруденция» в том или ином виде заложены все инновации, которыми сейчас занимаются ведущие научные школы Университета и которые осваиваются юристами на практике. Здесь уместен такой девиз: «Лучшее — для лучших!»

Своего рода геномом нашего Университета является синергия традиций и инноваций. Университет славен своим фундаментальным академическим юридическим образованием. При этом неоспоримым конкурентным преимуществом Университета является сплав ученых — основателей и представителей мощнейших научных школ и самых авторитетных практиков, ведущих специалистов в области юриспруденции, представителей самых разных структур и компаний. Это позволяет заниматься инновационной юриспруденцией, быть в авангарде, формировать будущее права и юридического образования.

Проект «Инновационная юриспруденция» сформировался на таком серьезном фундаменте и одновременно служит стартовой площадкой для наиболее актуальных магистерских программ, для раннего погружения наших ребят в передовую юридическую науку и практику.

В XXI в. в условиях развития информационно-коммуникационных технологий и формирования сетевого общества происходит смена парадигмы права, и мы знаем, что наши выпускники будут к этому готовы.

Проект контролируется непосредственно ректором Университета Виктором Блажеевым.

Мы привлекли лучших специалистов, выдающихся ученых и практиков, которые сформировали концепцию — душу программы, участвовали в разработке учебного плана, встроив в него дисциплины, отражающие самые передовые процессы эволюции современного права.

Все они будут выступать в качестве лекторов и лично станут профессиональными наставниками для наших ребят. Немногочисленность слушателей этой программы позволит последним работать рука об руку с легендами юриспруденции, быть уже на ранней стадии знакомства с правом вовлеченными в самые актуальные грантовые исследования, сделать первые шаги в большую науку под руководством людей, с именами которых сегодня связаны многие открытия в области права. Нами также уже собран пул практиков — ведущих в своих областях работодателей, в чьих компаниях ребята будут оттачивать профессиональные умения и навыки, проходить практики и стажировки. Преимущественно это международные компании, имеющие свои представительства в России.

Четыре года обучения включают все требуемые федеральным государственным образовательным стандартом дисциплины, которые будут преподаваться ведущими профессорами на академическом уровне. Углубленно преподается английский язык, включая юридический английский, изучение отдельных юридических дисциплин также ведется на английском. Это важно в условиях масштабирования киберпространства и деллокализации права.

Кроме того, программа предусматривает возможности выстраивания индивидуальной образовательной траектории с учетом трех направлений подготовки: 1) экономически ориентированные сферы права, в том числе в контексте вызовов киберпространства (частное право, гражданское право, бизнес-право, цифровое право, экономический анализ права и др.); 2) международно-правовое направление (международное публичное и частное право, право интеграционных образований и др.); 3) правовое регулирование биоэкономики и развития биотехнологий (медицинское право, спортивное право, киберправо, геномные исследования и право и др.). Обратите внимание, что это не автономные юридические системы знаний, это стыковые области, где сливаются технологии и право, естественные науки, философия, этика, экономика и право.

При этом независимо от того, какое направление изберет наш студент, он будет погружен в повестку, актуализированную разрастающимся киберпространством, будет выстраивать связи между аналоговым и цифровым правом, понимать модели формирующегося киберправосудия и заниматься исследованиями в тех областях, где наблюдаются опережающее развитие и трансформация традиционных институтов права. Мы уверены, что новое знание и его носители будут очень востребованы в профессиональном сообществе.

Уникальная междисциплинарность, индивидуальные траектории освоения программы, а также обогащение слушателей самым востребованным и передо-

вым знанием в области юриспруденции — это то, что принципиальным образом отличает новую программу бакалавриата «Инновационная юриспруденция»».

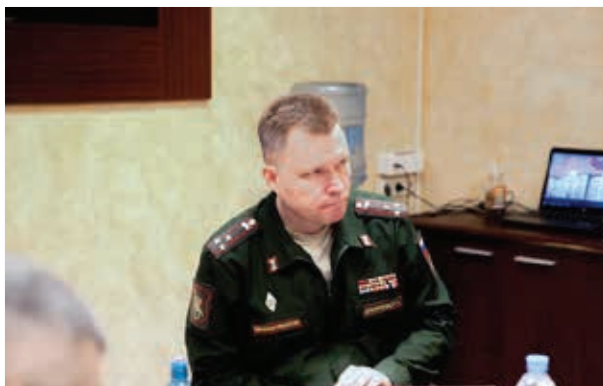
В МГЮА открылся Военный учебный центр

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в соответствии с приказом Министерства обороны РФ открылось новое учебное подразделение — Военный учебный центр.

Центр будет готовить студентов Университета по программе военной подготовки сержантов и солдат запаса. ВУЦ — структурное подразделение Университета, зачисляться в него будут студенты, обучающиеся по очной форме, и их подготовка будет вестись параллельно основной университетской образовательной программе. Со стороны Министерства обороны РФ в качестве заказчика выступает Главное командование Сухопутных войск, оно же утверждает соответствующие квалификационные требования и общий расчет часов по программам военной подготовки. Программа подготовки сержантов запаса рассчитана на 2 года обучения, солдат запаса — на 1,5 года.

Чтобы поступить в ВУЦ, студенты Университета должны пройти конкурсный отбор. Кандидатами могут стать только граждане Российской Федерации в возрасте до 30 лет, обучающиеся в МГЮА по очной форме обучения, состоящие на воинском учете и отвечающие требованиям, установленным для поступающих на военную службу по контракту.

Министерство обороны намерено регулярно контролировать, как проходят занятия, следить за успеваемостью и посещаемостью. Отдельное внимание будет уделено внешнему виду студентов, соблюдению ими воинской дисциплины и вежливости.

МЕРОПРИЯТИЯ РЕКТОРАТА

Заседание Ученого совета МГЮА

27 января в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета.

В начале заседания почетными грамотами Министерства юстиции РФ за эффективное содействие в решении задач, возложенных на Минюст России и в связи с празднованием Дня юриста наградили директора Научно-исследовательского института Сергея Зенина, профессора кафедры судебных экспертиз Елену Галяшину, профессора кафедры теории государства и права Владимира

Лафитского, проректора по учебной и методической работе Марию Мажорину, доцента кафедры судебных экспертиз Николая Бодрова, директора Института судебных экспертиз Елену Россинскую, а также проректора по научной работе Владимира Синюкова.

Об оценке результатов ректорского тестирования обучения (ректорском тестировании и балльно-рейтинговой системе) членам Ученого совета доложила начальник Учебно-методического управления Наталья Софийчук.

На заседании обсудили ход выполнения решения Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Об учебно-методической работе на кафедре гражданского права». С докладом на эту тему выступила и.о. заведующего кафедрой гражданского права Елена Богданова.

Заместитель начальника Учебно-методического управления Александр Чанышев представил вниманию членов Ученого совета отчет о деятельности кафедры налогового права. Ученый совет признал деятельность кафедры удовлетворительной.

На заседании также были утверждены темы диссертаций, ряд учебных планов и основных образовательных программ Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Положение о проведении Интеллектуального конкурса «Юный кутафинец», темы магистерских диссертаций студентов Институты публичного права и управления, прокуратуры, правового консалтинга и Международно-правового института.

Обмен опытом — задача стратегическая

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось Всероссийское совещание заведующих кафедрами уголовного права юридических вузов и факультетов. Его организатором выступила кафедра уголовного права МГЮА.

Как отметил ректор МГЮА Виктор Блажеев, проведение совещаний заведующих кафедр необходимо в целях выработки стратегий как образовательных учреждений, так и научных школ. Обмен опытом профессорско-преподавательскими составами разных учебных заведений, по его словам, помогает лучше понять нужды будущего поколения юристов.

С докладами на совещании выступили первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ, заместитель председателя Высшей квалификационной коллегии судей РФ Елена Грачева, начальник Учебно-методического управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Наталья Софийчук, директор библиотеки Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Антонина Болова, руководитель Научно-образовательного центра применения уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Алексей Рарог, доцент кафедры уголовного

права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Вячеслав Воронин, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета Александр Коробеев, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета Алексей Кибальник, доцент кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Арсений Бимбинов и др.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Новый учебник МГЮА — первый шаг к глубокому доктринальному осмыслению новой отрасли права

Январский номер журнала «Юрист» публикует интервью с доктором юридических наук, профессором, начальником Управления международного сотрудничества, профессором кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директором Международного научно-образовательного Центра сравнительного правоведения Московского отделения Ассоциации юристов России, заместителем председателя Исполнительного комитета и председателем Комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России, сопresidentом Международного союза юристов и экономистов Франции Марией Егоровой.

Мария Александровна рассказала о вышедшем в свет новом учебнике Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Цифровое право» (под ред. В. В. Блажеева и М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020):

«Тема цифровой экономики в последнее время стала очень популярной. Редкие выступления руководителей государства, публичные мероприятия, научные (и не очень) публикации, обходятся без упоминания, а порой и выделения в главную тему вопросов, связанных с «цифрой». Происходящие изменения формируют новый диапазон отношений в различных социальных институтах, выходящих за рамки регулирования правового поля. Отсутствие адекватного, последовательного механизма законодательного реагирования на вновь образуемых общественных отношениях приводит к отставанию системы правового регулирования государства и, как следствие, системы противодействия.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) всегда был и остается центром генерации новых идей юридической теории и практики. Идея создать такой учебник возникла в нашем Университете в декабре 2018 г. Созданный учебник является первым в Российской Федерации, посвященным этой актуальнейшей теме. Наша задача была — написать учебник,

который восполнит пробел в знаниях о происходящих процессах во всех сферах современной жизни, позволит узнать о формирующейся теории цифрового права и основных доктринальных достижениях. Я очень рада, что этот проект, в котором участвовали известные российские и иностранные ученые, нам удался. Огромную благодарность хочу выразить ректору МГЮА Виктору Блажееву, который не только поддержал наш проект, но и стал идейным вдохновителем доктрины «цифрового права» и концепции учебника. Также мне хотелось бы выразить благодарность проректору по научной работе Владимиру Синюкову и проректору по учебной и методической работе Марии Мажориной за активное участие в подготовке данного учебника в составе авторского коллектива, научную и организационную поддержку, а также за те научные идеи, которые помогли всему авторскому коллективу успешно подготовить этот учебник».

Александр Мохов о новом образовательном направлении «Биоэкономика и биобезопасность»

В рамках приемной кампании 2020 в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) открывается набор на новую образовательную программу «Инновационная юриспруденция». На программу выделены бюджетные места, прием будет осуществляться на основе результатов ЕГЭ по трем предметам: иностранному языку (вместо истории), обществознанию и русскому языку.

Программа «Инновационная юриспруденция» предполагает получение юридических систем знаний на стыке областей, где сливаются право и экономика, технологии, естественные науки, философия, этика. Программа предусматривает несколько направлений

подготовки. Об одном из них, связанном с подготовкой специалистов в области правового регулирования в области биоэкономики, биотехнологий и биобезопасности, рассказывает заведующий кафедрой медицинского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Александр Мохов:

«XXI век — век новых надежд и ожиданий. С одной стороны, он завершает процессы, стартовавшие в XIX—XX вв., с другой — закладывает основы для развития общества будущего. На глазах происходит становление качественно нового технологического уклада, который характеризуется быстрым развитием робототехники, биотехнологий, основанных на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, систем искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей.

Во многих странах активно ведутся работы над генотерапевтическими лекарственными препаратами, биомедицинскими клеточными продуктами, создаются «искусственные» клетки, биороботы — в области био- и медицинских технологий сегодня сконцентрировано более трети всех научных исследований. Взаимодей-

ствие биологии, физики, химии, информатики приносит такие результаты, которые еще сотню лет назад могли себе представить только фантасты.

Каждый последующий век не похож на предшествующий: развитие науки и техники меняет все в нашей жизни — от уклада и потребностей до привычек и предпочтений. Особенно это заметно в последнее столетие: новые технологии быстро проникают во многие отрасли и целые сектора экономики, от промышленности и сельского хозяйства до медицины, спорта, ветеринарии и индустрии моды. На смену традиционным методам хозяйствования приходит биоэкономика, основанная на применении технологий, использующих возобновляемое биологическое сырье. Ее развитие предполагает повышение энергоэффективности, максимальное использование отходов, развитие возобновляемой энергетики, экологизацию промышленного сектора, повышение устойчивости сельского хозяйства, производство новых продуктов питания, развитие медицинских технологий. На смену устоявшемуся нерациональному, а зачастую и варварскому взгляду на использование природных ресурсов приходит новое — инновационное и высокотехнологичное.

Направление подготовки «Биоэкономика и биобезопасность» включает в себя изучение новых курсов «Правовые основы биоэкономики и биобезопасности», «Медицинское право», «Фармацевтическое право», «Спортивное право» и некоторых других. У нас в стране большинство названных курсов разработаны и преподаются только в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). За пределами же России это направление подготовки активно набирает обороты, ученые и управленцы в странах с высоким инновационным потенциалом понимают, что без подготовки профессиональных юридических кадров биоэкономика будет испытывать значительные трудности, в том числе связанные с проблемами регуляторного плана».

ПРЕЗЕНТАЦИИ

Цифровая экономика и право: презентация монографии

На юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась презентация коллективной монографии «Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике». Рецензентом представленной книги выступил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

Работа посвящена актуальным вопросам правового регулирования цифровой экономики, обращения электронных денежных средств, модернизации публичных закупок, осуществления прав предпринимателей в условиях гармонизации и унификации российского законодательства.

По словам ответственного редактора книги, начальника Управления международного сотрудничества МГЮА Марии Егоровой, выход в свет монографии продиктован самим нашим временем:

«Отечественная законодательная база еще не готова воспринять ни масштаб проводимых экономических форм, ни количество цифровых технологий,

активно внедряющихся в нашу жизнь. Монография призвана внести ясность в отдельные аспекты, связанные с правовым регулированием современных экономических отношений, и я благодарна ее авторам за высокий интерес, проявленный к этому проекту».

Точку зрения Марии Егоровой разделил проректор по инновационному научно-технологическому развитию МГУ имени М.В. Ломоносова Виктор Вайпан:

«Мы хотим не только видеть, как складываются современные экономические отношения, но и понимать, как нам, юристам, эти отношения

регулировать. Монография посвящена именно вопросам соотношения права и экономических отношений в условиях цифровизации. Процесс этот сегодня приобретает глобальный характер, и поэтому поиск путей, направленных на совершенствование соответствующих аспектов права, очень актуален».

Презентация книги состоялась в рамках интерактивного круглого стола «Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике» IX Московской юридической недели и XVII научно-практической конференции «Кутафинские чтения».

НАГРАЖДЕНИЯ

Генеральный прокурор РФ отметил работу наших коллег

Генеральный прокурор РФ, отмечая существенную помощь в укреплении законности и взаимодействии с органами прокуратуры, наградил Почетными грамотами директора Института прокуратуры, ответственного секретаря приемной комиссии, доцента кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Сергея Перова и заместителя начальника Учебно-методического управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцента кафедры трудового права и права социального обеспечения, председателя правления Ассоциации юридического образования Александра Чанышева.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРАВОСУДИЕ» В РЕЧАХ Ф. Н. ПЛЕВАКО

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов судебного красноречия с позиций когнитивной лингвистики и теорий метафоры на примере судебных речей выдающегося российского юриста, Федора Никифоровича Плевако. Приводится анализ языковых единиц и стилистических средств, которые реализуют понятие «правосудие» в речах известного оратора.

Ключевые слова: фрейм, когнитивная лингвистика, коммуникация, концепт, концептуализация, метафора, понятие.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.027-031

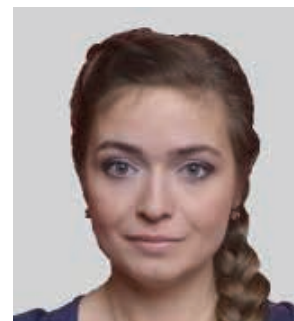
T. D. VITLINSKAYA,

Head of the Department of Legal Translation, Associate Professor of Legal
Translation Faculty
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD in Philology, Associate Professor
tdvitlinskaja@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CONCEPTUALISATION OF THE NOTION “JUSTICE” IN F. N. PLEVAKO SPEECHES

Abstract. The article deals with judicial eloquence issues from the standpoint of cognitive linguistics and the theory of metaphor. It is exemplified by excerpts from court speeches of a famous Russian lawyer Feodor N. Plevako.

Keywords: cognitive linguistics, communication, concept, conceptualisation, frame, metaphor, notion.

**Татьяна Дмитриевна
ВИТЛИНСКАЯ,**

директор Института
юридического перевода,
доцент кафедры
юридического перевода
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических
наук, доцент
tdvitlinskaja@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ораторское искусство как механизм эффективного воздействия на общественное сознание применяется и развивается на протяжении столетий. Наиболее яркими, результативными и впечатляющими сферами применения ораторского искусства являются судебное красноречие, использование ораторского искусства в практической юриспруденции. Классическим примером судебного ораторского искусства стали речи прославленного русского адвоката Федора Никифоровича Плевако, направляющее, убеждающее действие которых отмечалось и его современниками, и его последователями. Как отмечает Г. М. Резник в предисловии к изданию избранных речей Ф. Н. Плевако,¹ «поневоле нач-

¹ Плевако Ф. Н. Избранные речи. М. : Юрид. лит., 1993. С. 7.

нешь думать, что... та власть, которую приобретал оратор над аудиторией, объясняется главным образом неким гипнотическим даром вызывать у слушателей приступы «показательственного дальтонизма»». И действительно, читая судебные речи великого мастера судебного красноречия, веришь если не в невиновность его подзащитных, то по меньшей мере в трагическую, внушающую неизменное сочувствие обоснованность их проступков.

Каким же образом автор добивается такого эффекта? Каким образом возникает сочувствие, иногда жалость к обвиняемому в преступлении человеку не только у современных читателей речей Ф. Н. Плевако, но и у суда, и у присяжных заседателей, рассматривавших дела, по которым он выступал? Пытаясь ответить на эти вопросы, можно проанализировать формальную структуру речей оратора, что позволит сделать вывод о том, что почти каждая из них завершается обращением к присяжным заседателям и суду, в котором он взывает к правосудию. Эта заключительная часть речей Ф. Н. Плевако наиболее образна, символична и метафорична.

Представляется возможным пролить свет на ораторскую успешность великого Плевако с позиций когнитивной лингвистики, поскольку в соответствии с ее постулатами передача информации в процессе общения в упрощенной форме представляет собой передачу и обмен концептами. Концепты, будучи вербально репрезентированными, участвуют в процессе осмысления и закрепления результатов познания, т.е. концептуализации. Одной из целей концептуализации является «выделение единиц нового или известного знания с помощью языковых средств для их последующей передачи адресату (или активизации аналогичных знаний в сознании адресата) в процессе вербальной коммуникации»². В ходе вербального монологического общения Ф. Н. Плевако разъясняет своим слушателям с помощью языковых средств значимые для него концепты таким образом, что слушатели на основе собственных умозаключений и выводов формируют отвечающую задачам оратора концептосферу.

В представленной статье предлагается рассмотреть те языковые единицы, которые реализуют понятие «правосудие» в конкретном аспекте его содержания как определенный смысл высказывания, как единицу того значения, которое ему придает Ф. Н. Плевако. Концептуализация данного понятия имеет особое значения в речах именитого оратора. Сам термин «понятие» с позиций когнитивной лингвистики означает «концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики»³.

Таким образом, понятие «правосудие» в речах Ф. Н. Плевако — это тоже концепт, но такой концепт, который возник на основе абстрагирования от менее значимых, второстепенных признаков. Само по себе понятие «правосудие» очень абстрактно, и нередко оратор доводит его содержание до слушателей посредством реализации иных концептов — метафор.

Безусловно, комплексный анализ лингвистических характеристик речевого воздействия текстов знаменитого оратора не может и не должен сводиться к анализу используемых в его речах фигур речи, однако определенный лингвистиче-

² Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М. : ИД ЯСК, 2019. С. 62.

³ Болдырев Н. Н. Указ. соч. С. 56.

ский интерес представляют те метафоры, которые в них используются, поскольку с античных времен наряду с иными риторическими приемами, направленными на усиление воздействия на аудиторию, ораторами использовалась именно метафора. Метафорические выражения являются способом изучения понятийной системы любого автора любого текста, и Ф. Н. Плевако в частности. Именно с помощью метафорических выражений в его речах описываются понимание и восприятие понятия «правосудия» в авторской интерпретации.

Метафора — уникальный способ осмысления абстрактных сущностей, способ «формирования недостающих языку знаний»⁴. Таким образом, «анализ не-свободной сочетаемости абстрактного имени позволяет восстановить те знания и представления, которые в данной культуре связаны с обозначаемой им сущностью»⁵. Принимая во внимание тот факт, что в период активной судебной деятельности Ф. Н. Плевако на территории Российской империи только появилась возможность привлекать присяжных заседателей к участию в судебном процессе, можно по достоинству оценить вклад великого оратора в формирование правовой культуры в целом.

Понятие «правосудие» в толковых словарях русского языка определяется следующим образом: по мнению В. И. Даля, правосудие — «правый суд, решение по закону, по совести... правда». С. И. Ожегов определил правосудие более ограничительно как «деятельность судебных органов». В словаре Д. Н. Ушакова под правосудием понимается и «деятельность судебных органов, основанная на законе», и «судебная деятельность государства (юстиция)» вообще.

Для передачи значения столь сложного абстрактного понятия для восприятия присяжными заседателями, которые в большинстве своем были людьми простыми, иногда необразованными, Ф. Н. Плевако пользуется более понятными и известными словами.

Например, в речи по делу Гаврилова и Беклемишева, обвиняемых в подделке билетов Государственного казначейства, концепт «правосудие» заменяется концептом «закон», причем автором широко используется персонификация данного концепта: «закон наш жесток к подсудимому: он не забывает прав его и не лишает его средств оправдания», «закон не желает обвинения подсудимого во что бы то ни стало... он хочет осуждения только тех, чья вина несомненна»⁶, «закону важнее, чтобы суд был строг к доказательствам и не жесток к подсудимым», «закону одинаково дороги интересы как обвинения, так и оправдания», «закон должен преследовать подлог потому, что им вносится масса зла в жизнь»⁷.

Достаточно часто в заключительной части речей Ф. Н. Плевако появляется концепт «правда» как понятие, которое проще интерпретировать для понимания широкого круга лиц. Так, например, в речи по делу о злоупотреблениях в Саратовско-Симбирском банке можно встретить такую метафору: «Слово правды —

⁴ Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. С. 336.

⁵ Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М. : ИД ЯСК, 2018. С. 46.

⁶ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 232.

⁷ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 502.

великое дело: оно нужно стране»⁸. Данный концепт встречается во многих речах оратора. Зачастую он, описывая один из главных в его понимании принципов правосудия, заключающийся в вере в лучшие стороны человеческой природы, выражающиеся в сомнении в человеческом падении, использует его, утверждая, что «только этот взгляд истинен, только в нем верен, только в нем отражается возможно полно та *небесная* правда, которой жаждет человеческое сердце»⁹.

Правда — это цель и представителей подсудимых («здесь бьющиеся за правду»¹⁰), и судей («мы привыкли видеть в суде опору правды»¹¹), и присяжных заседателей («на суд призываетесь вы, люди жизни, не заинтересованные в деле иными интересами, кроме интересов общечеловеческой правды»¹²).

Наряду с концептом «правда», использующимся Ф. Н. Плевако множество раз с целью описания главной задачи правосудия, в некоторых речах упоминается концепт «истина» в сходных коммуникативных целях. Обращаясь к присяжным заседателям, оратор отзывается об их обязанностях как о «священном деле», поскольку присяжные, «разбирая нечистый материал, должны отыскать в нем святое зерно истины»¹³, «для судебной же истины необходимы два условия: чистота материала, из которого строится приговор, и широта горизонта при наблюдении за заявлениями, подлежащими обсуждению»¹⁴. Призывая беспристрастно рассматривать судебные дела, Ф. Н. Плевако призывает: «Измем все, и божеское, и человеческое, и добьемся истины и правды!»¹⁵.

Что же представляет собой понятие «правосудие»? Следует, безусловно, отметить его глубокую образность и символичность, свойственную его реализации не только в русском, но и в других языках, ведь у многих носителей разных языков само слово «правосудие» вызывает образ богини Юстиции, которая изображается как обладательница трех символов: меча, символизирующего принудительную власть суда; чаши весов в каждой руке, взвешивающих людские дела; повязки на глазах — символа беспристрастного вынесения решений. К этим трем символам правосудия Ф. Н. Плевако обращается очень часто, иногда затрагивая один из них, иногда иносказательно описывая сразу несколько.

Что же включается Ф. Н. Плевако в объем понятия «правосудие»? Он сам дает такие ответы: «Правосудие — вовсе не путь, которым, как жребием, выделяется из общества жертва возмездия за совершившийся грех, очищения лежащего на обществе подозрения. Правосудие наших дней есть всестороннее изыскание действительного виновника как единственного лица, подлежащего заслуженной казни»¹⁶. В одной из своих речей, а именно в речи по делу об убийстве присяжного поверенного Старосельского, концептуализируя понятие «правосудие»,

⁸ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 331.

⁹ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 233.

¹⁰ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 427.

¹¹ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 435.

¹² Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 478.

¹³ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 440.

¹⁴ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 422.

¹⁵ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 435.

¹⁶ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 477.

Ф. Н. Плевако с поистине художественной точностью (художественной, поскольку целесообразность и убедительность словесных изображений используемых им ключевых понятий отмечается большинством исследователей) дает следующее описание: «Правосудие изображают в виде весов в руках женщины с завязанными глазами. На последние указывают как на эмблему беспристрастия и нелицезрения... весы в руках правосудия, эмблема — весы не из того материала, из которого льются орудия торга, веса и меры в местах человеческого торжища. Судья знает, что весы, врученные ему, выкованы из того материала, из которого слиты весы великого Божьего суда, имеющего произнести приговор над всем миром и судьбами его. А к таким весам не должны прикасаться ничьи с правдой ничего общего не имеющие стремления; их верности не должны нарушать, прикасаясь к ним, нечистые руки, в целях увеличения тяжести одной из чашек»¹⁷.

В одной из речей Ф. Н. Плевако мы можем увидеть одновременное развитие концепта «правосудие» посредством трех других концептов, часто заменяющих основополагающий концепт его речей: «В былое время все это было бы под спудом, общество оказалось бы при том напускном мнении, что **правосудие** имело дело с людьми, попирающими **законы**. Но теперь этого не будет, теперь свет увидит **правду** благодаря великому дару, полученному русской землей, — гласному суду, свободной речи защиты, которая вправе, добиваясь **истины**, огласить на суде все дурное и темное, все пошлое и незаконное»¹⁸.

Таким образом, в нескольких предложениях Ф. Н. Плевако передает свое понимание концепта «правосудие», которое он столь успешно объясняет суду и присяжным заседателям, что они, как показывают решения по делам, в которых участвовал знаменитый адвокат, либо оправдывают его подсудимого, либо смягчают приговор в значительной степени.

Именно четкая система концептов с присущими Ф. Н. Плевако индивидуальными компонентами, т.е. теми характерными особенностями репрезентируемых концептов, которые свойственны именно данному человеку, позволяет ему формировать у слушателей необходимый ему фрейм как некий объем знаний о стереотипной ситуации и моделях поведения в ней. Безусловно, представленное понимание концептуализации понятия «правосудие» в речах Ф. Н. Плевако является лишь тонким штрихом в описании живописнейшего речевого полотна, каким являются речи известнейшего судебного оратора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. — Серия литературы и языка. — 1978. — Т. 37. — № 4.
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — 2-е изд. — М. : ИД ЯСК, 2019.
3. Плевако Ф. Н. Избранные речи. — М. : Юрид. лит., 1993.
4. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. — М. : ИД ЯСК, 2018.

¹⁷ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 426.

¹⁸ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 495.

**Виктория Викторовна
КАЛИНОВСКАЯ,**
 заведующий кафедрой
 юридического перевода
 Института юридического
 перевода
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА),
 кандидат филологических
 наук, доцент
vvkalinovskaya@yandex.ru
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена особенностям речевого воздействия в юридическом дискурсе, особенностям коммуникации в профессиональной сфере юристов. В статье рассматриваются виды и функции такого воздействия в различных ситуациях юридического дискурса. Особое внимание уделяется речевому воздействию в судебном дискурсе.

Ключевые слова: юридический дискурс, речевое воздействие, судебный дискурс, коммуникация.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.032-036

V. V. KALINOVSKAYA,

Head of Legal Translation Faculty
 of the Department of Legal Translation
 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
 PhD in Philology, Associate Professor
vvkalinovskaya@yandex.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PERSUASION IN LEGAL DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to peculiarities of persuasion in legal discourse, professional communication of lawyers.

Keywords: legal discourse, persuasion, court discourse, communication.

Динамичное развитие психолингвистики, вызванное в том числе изменением способов коммуникации благодаря развитию информационных технологий, повлекло за собой заметный рост интереса к теме речевого воздействия. Речевое воздействие, в свою очередь, несмотря на присущие ему характеристики, отличается своеобразием: от дискурса к дискурсу меняются стратегии, тактики и ходы речевого воздействия, усиливаются и ослабевают отдельные его составляющие. Особый интерес для исследования представляет речевое воздействие в юридическом дискурсе.

Сам термин «речевое воздействие» в настоящее время не имеет единой трактовки. Так, И. А. Стернин определяет речевое воздействие как воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять нашу точку зрения, прийти к решению о каком-либо действии, передаче информации и т.д.¹

¹ Стернин И. А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж : Истоки, 2008. С. 238—353.

В коллективной монографии «Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации» речевое воздействие определяется как регуляция деятельности одного человека другим человеком при помощи речи².

Н. Н. Кошкарлова выделяет речевое воздействие в широком и узком смыслах, где первый — это «произвольное и непроизвольное воздействие субъекта на реципиента (либо группу реципиентов) в процессе речевого общения в устной и письменной формах», а второй отличается от первого «особыми коммуникативными целями говорящего», среди которых «изменение общего эмоционального настроя реципиента в конкретной ситуации общения (в том или ином коммуникативном фрейме)»³. Можно сравнить подобное разделение с выделением в теории государства и права объективного (как совокупности норм) и субъективного (как правомочий отдельного индивида) права. Вместе с тем не усматривается целесообразности такого разделения в рамках определения термина «речевое воздействие», поскольку исходя из вышеизложенного представляется логичным определить этот элемент коммуникации через его цель, которая в узком и широком смысле едина.

Конечной целью акта речевого воздействия является изменение сознания получателя информации: будь то информация на рекламном баннере, побуждающая к покупке чего-либо, или же митинг, на котором призывают голосовать за определенного кандидата. Таким образом, речевое воздействие представляет собой элемент коммуникации, действие которого направлено на усваивание реципиентом определенных умозаключений, мнений, суждений. Этим же речевое воздействие отличается от манипуляции, направленной, в свою очередь, на побуждение получателя информации к совершению каких-либо действий.

Нельзя, следовательно, согласиться и с тем, что любой речевой акт включает в себя элемент речевого воздействия, поскольку далеко не всякая коммуникация имеет вышеуказанные цели. К примеру, когда речевой акт направлен на информирование (договоренность о времени и месте встречи) или носит развлекательный характер (просмотр фильма), адресант не пытается убедить в чем-либо своего собеседника, а следовательно, и речевое воздействие в обозначенном выше смысле отсутствует.

Следует описать и то, из чего состоит речевое воздействие. В ходе коммуникации, включающей в себя такой элемент, происходит попытка изменения смыслового поля получателя информации без изменения поля значений, изменение поля значений без подмены смыслов либо же попытка изменения обоих полей. То есть воздействие может оказываться как с помощью самой логики передачи информации (поле смыслов), так и с помощью оптимального кодирования информации (поле значений).

Иначе обстоят дела в коммуникативных актах в профессиональных дискурсах. Когда говорящий и слушающий связаны деловыми отношениями, даже информирование приобретает направленность на усваивание реципиентом каких-либо

² Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М. : Наука, 1990. 136 с.

³ Кошкарлова Н. Н. Речевое воздействие в современной политической коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2011. № 2.

суждений. Потому можно утверждать, что в профессиональных дискурсах акты речевого воздействия более распространены и разнообразны.

Связано их разнообразие в первую очередь с тем, что всякий профессиональный дискурс содержит в себе ряд известных всем участникам коммуникации клише и фразеосхем. Следовательно, практически исключается возможность изменения поля значений адресата, и далее все сводится к самому акту коммуникации, где тактики, приемы речевого воздействия меняются в зависимости от ситуации.

Переходя к юридическому дискурсу, нельзя не заметить, что профессия юриста — коммуникативная профессия, в которой всякий обмен информацией несет в себе определенную цель, обычно связанную с изменением каких-либо характеристик реципиентов такой информации, а значит, и с речевым воздействием.

Целеполагание в коммуникации юристов порождает ситуацию коммуникативного противоречия, т.е. ситуацию, при которой интересы участников общения не совпадают. Впрочем, возникновение такой ситуации возможно в любом дискурсе. Однако главной особенностью юридического дискурса является факт определения содержания большинства понятий не коммуникантами, а самим дискурсом посредством нормативных правовых актов, судебной практики, обычаев делового оборота. И хотя само существование закона можно уже назвать актом коммуникации государства со своими гражданами (назовем это «первичной» коммуникацией юридического дискурса), в рамках данной статьи нас интересуют такие виды коммуникации (назовем их «вторичными» в данном дискурсе), как:

- контактная (к примеру, непосредственно за столом переговоров; с использованием мимики и жестов) и дистантная (общение юриста с клиентом по телефону);
- межличностная (юрист — юрист, юрист — клиент; с активной обратной связью) и массовая (размещение информации в СМИ);
- свободная (в основном межличностная) и стереотипная (к примеру, присяга) и проч.

Таким образом, речь идет об особенностях речевого воздействия в юридическом дискурсе в рамках «вторичной» коммуникации, спецификой которой является заранее predetermined поле значений языковых единиц, используемых коммуникантами.

Из всего вышеизложенного следует, что главной особенностью речевого воздействия в юридическом дискурсе выступает упор в акте речевого воздействия юриста на сам процесс коммуникации, а не на кодирование.

Особенно явно клишированность юридического дискурса, а значит, и использование речевого воздействия с изменением поля смыслов проявляются в конвенциях судебного дискурса, имеющего четкую ролевую структуру. Зависит эта структура от вида процесса, но в общем и целом, с учетом состязательности как одного из базовых принципов судопроизводства и примера цивилистического судебного процесса, основная коммуникация в суде выстраивается между тремя сторонами: истцом, ответчиком и самим судом.

Здесь, еще более сужая предмет нашего анализа, рассмотрим вопрос организации судебного доказывания, поскольку с его помощью и можно максимально точно проиллюстрировать изменение смыслового поля получателя информации в речевом воздействии в юридическом дискурсе.

Поскольку во влиянии на поле значений информации (доказательств) оба участника процесса (истец и ответчик) ограничены, состязательность отчасти сводится к выстраиванию логики доказывания сторонами, к использованию таких тактик речевого воздействия, как убеждение, манипулятивная аргументация, социально-правовая и морально-этическая оценка, эмоциональное воздействие и скрытое внушение. При этом акты речевого воздействия направлены как на суд (в большей степени), так и на оппонента в разбирательстве.

Оценка же судом доказательств производится по критериям их достоверности, достаточности, допустимости и относимости к делу, которые являются свойствами доказательств. Вместе с тем Гражданским процессуальным кодексом РФ установлено, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Вследствие вышеописанного возникает вопрос, каким образом учитывает суд степень влияния речевого воздействия участников процесса на его внутреннее убеждение и должен ли он его учитывать, а также как законодатель ограничивает возможности участников судопроизводства в оказании такого воздействия.

Оставляя установление рестрикций на усмотрение законодателя, обратим внимание на возможность суда учитывать при вынесении решения степень оказанного сторонами речевого воздействия. Как верно отмечает В. А. Мальцева, такие характеристики решения суда, как обоснованность и законность, «являются ценностными суждениями, их невозможно обосновать только логически. Они характеризуют убежденность суда, которая основывается не только на рациональных доводах, но и на вере»⁴.

То есть судебная истина, выраженная в решении и являющаяся результатом судебного разбирательства, в любом случае подвержена влиянию актов речевого воздействия участников судопроизводства: вопрос обоснованности решения складывается не только из количественных и качественных характеристик доказательств, но и из формы их преподнесения сторонами. Кроме того, возвращаясь к обозначенному выше разделению коммуникации в юридическом дискурсе на первичную и вторичную, отметим, что в вопросе законности такого решения, т.е. соответствия его закону, присутствует коммуникативный акт, где адресантом выступает законодатель, а адресатом — сам суд.

Таким образом, можно заключить, что речевое воздействие имеет для юридического дискурса огромное значение: оно способствует реализации принципа состязательности судебного процесса в правовом поле средствами, не связанными непосредственно с правовыми нормами. При этом невозможность изменения поля значений при оказании речевого воздействия влияет на выбор стратегий речевого воздействия, и основной из них выступает семантическая стратегия, тактики реализации которой перечислены нами выше.

Следует учитывать, что значение речевого воздействия, его тактики изменяются от дискурса к дискурсу, а также внутри отдельного дискурса в зависимости от вида коммуникации и роли ее участников. Нами был кратко проанализирован

⁴ Мальцева В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: на примере юридического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.

лишь судебный дискурс, в ходе оценки которого было выявлено как имплицитное, так и эксплицитное влияние актов речевого воздействия на результат судебного процесса. Вопрос же ограничения или, напротив, расширения такого влияния зависит от усмотрения законодателя. В любом случае очевидно, что на данном этапе внедрение механизмов электронного правосудия сужает степень влияния речевого воздействия на суд, однако, если судебная истина дискурсивна, то встает вопрос — возможно ли ее установление вне речевых актов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Большой юридический словарь. — М., 2010.
2. *Калиновская В. В.* Страноведческий компонент в преподавании английского юридического языка // Право и экономика. — 2017. — С. 115 — 120.
3. *Кошкарова Н. Н.* Речевое воздействие в современной политической коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. — Красноярск, 2011. — С. 192—196.
4. *Мальцева В. А.* Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: на примере юридического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2011.
5. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М. : Наука, 1990.
6. *Стернин И. А.* Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. — Воронеж : Истоки, 2008. — С. 238—353.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДИСТРАКТОРЫ В CLIL-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕСТАХ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения грамматических дистракторов при планировании, составлении, проведении тестов по юридическому английскому языку, а также при анализе их результатов. Рассматриваются возможности использования дистракторов для закрепления важнейших речевых навыков профессионального общения будущих специалистов. Формирующий характер дистракторов находит свое применение в ряде специальных заданий, способствующих достижению важных сопутствующих целей. Среди таких целей можно выделить: поддержание позитивного отношения к изучению иностранного языка, развитие способности к речевому самоконтролю, повышение уровня мотивации, учебной автономии, закрепление навыков коллективной работы и ее самостоятельной организации, а также правильное понимание роли грамматического аспекта в обучении и высокой ценности грамматической правильности, независимо от уровня беглости речи. Предприняты попытки классификации грамматических дистракторов для удобства их использования в учебной аудитории.

Ключевые слова: дистракторы, CLIL, языковые тесты, юридический английский язык.

**Алла Игоревна
МИЛОВИДОВА,**

доцент кафедры
юридического перевода
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических
наук

aimilovidova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.037-044

A. I. MILOVIDOVA,

Associate Professor of the Legal Translation Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD in Philology

aimilovidova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

GRAMMATICAL DISTRACTORS IN CLIL-ORIENTED TESTS ON INTERNATIONAL LEGAL ENGLISH

Abstract. The article addresses the use of grammatical distractors in planning, preparation and a conducting process of tests in legal English, and the analysis of their results. It also considers their potential for consolidating the most important skills of professional communication of future specialists. The formative nature of distractors finds its application in a number of specific tasks that contribute to the achievement of these important

© А. И. Миловидова, 2020

aims. Such aims include: maintaining of a positive attitude towards learning a foreign language, the ability to self-control during the act of speaking, increasing the level of motivation and educational autonomy. They also undermine the development of teamwork skills and its organization with minimal assistance, as well as the correct understanding of the role of the grammatical aspect in learning and the high value of grammatical correctness of speech, regardless of the degree of an individual's fluency. Attempts have been made to classify grammatical distractors for learning convenience in the study room.

Keywords: *distractors, CLIL, foreign language tests, legal English.*

Specific aspects of compiling CLIL-oriented language tests

In the modern system of higher education, programs and courses taught in foreign languages, mainly in English, are strengthening their presence. More and more universities offer joint programs with foreign higher education institutions, the possibility of obtaining double diplomas. They provide programs led by so-called visiting professors, native speakers from other countries. They tend to use English as a medium for communication and transfer of knowledge to students. Mutual recognition of academic degrees by different countries has become a significant aim for the current generation of students, as it provides professional opportunities at the international level and meets the current needs of employers of global organisations and major market leaders. This kind of teaching suggests that the assimilation of the content of academic disciplines is initially carried out in a foreign language, which is associated with certain difficulties in the perception of a linguistic, cross-cultural and psychological nature. There is an increasing need for specialists who are able not only to maintain a conversation on general topics and that in a professional environment, to perceive authentic printed materials and sounding speech of native speakers, but also to conduct scientific discussions, make presentations, act as specialists in intercultural communication, translate and interpret texts of specialised content.

The main goals of language learning in the XXI century go far beyond reading foreign fiction or simply expanding an individual's cultural horizons. Basically, it is aimed at establishing professional relations, unimpeded in terms of language and cultural barriers of moving within the territory of foreign countries and accommodation there. This determines the importance and a new status of the language of professional communication in the XXI century.

To a certain extent, the CLIL system (Content and language integrated learning¹) is oriented towards the approach mentioned. It combines foreign language studies with subject study, enabling students to master the curriculum and at the same time increasing the level of their linguistic literacy by providing a large number of authentic exposures.

¹ Marsh D. CLIL/EMILE — The European Dimension: Actions, trends and foresight potential. Public services Contract EG EAC. Strasbourg : European Commission, 2002.

With the obvious advantages of the CLIL approach specially developed for these needs, it also reveals a number of drawbacks in practice. In particular, they relate to the excessive role of a teacher in the preparation of necessary materials. Obviously, scaffolding² is a productive way to temporarily accompany the process of studying the subject, taking into account the specific features of particular groups and individuals. However, the key point in understanding the role of this method is the word 'temporary'. Scaffolding uses special techniques that increase learning motivation and provide some kind of fun during the process. At the same time, in the future, specialists will have to continue to study, develop their skills and carry out professional activities in a foreign language without the stimulating factor mentioned above or use their own resources for self-motivation, which is a separate skill that needs to be formed at an earlier stage. Adaptation of textual material to a student's level of foreign language skills is necessary, as it ensures understanding of the content. However, it does not form the skill of switching to the language level of the interlocutor, which could be successfully applied during professional interaction. By providing a constructive feedback, the teacher cannot be sure that the student will be able to independently find ways to verify the correctness of his or her solution to a language problem. By offering various ready-made glossaries, frames, tables, realia and other types of templates and samples at the lesson, the teacher ensures high efficiency of content transfer and its accessibility for perception at different levels of the students' knowledge of a foreign language. Meanwhile, it should be borne in mind that when performing real professional tasks none of these materials will be provided in advance or adapted to a particular user. The same applies to other scaffolding techniques offered by CLIL. The only way to ensure the continuity of not only knowledge, but also language skills is to constantly maintain the development of learner autonomy³ both at the level of lesson planning and at the level of its conduct and analysis.

These challenges are observed at the stage of testing and assessing the acquired knowledge. Adequate attention should be paid to the linguistic component. While the content aspect is the most universal, independent of what language the material is presented in, the assessment of speech correctness often goes far beyond the competence of the language user. A professional linguist is expected to possess significant skills and knowledge to monitor and correct his speaking behavior in a foreign language, to verify the options chosen. A representative of a different profession, such as a lawyer, an economist, or a physicist, for instance, does not enjoy such an opportunity, since he mainly practices working with the content rather than with a linguistic component.

In many ways, when it comes to choosing the right answer, whether in real communication or in a test task in the study room, and a person doubts the correctness of his decision, he tries to guess the right option, relying on his intuition. The most challenging fact is that in the case of the linguistic component, this most often leads to a wrong choice, because the user is not a native speaker. He does not have natural communication experience, or enough background knowledge normally acquired by

² *Vygotsky L. S. Mind in Society: the Development of Higher Psychological Processes. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.*

³ *Milovidova A. Scaffolding for reading authentic texts of specialized content. 8th International Conference «Social Science and Humanity». London : SCIEURO, 2018. 127 p.*

native speakers since early childhood, and does not feel the border between the natural construction required and the artificial statement produced, allowing the listener to guess by analogy about the content of the statement.

One of the previous works by the author of the present study formulated the principle of 3Ds⁴, necessary to ensure the completeness of the testing elements: diversity (using a greater variety of distractors), demonstrativeness (openness and obviousness of the results of learning for the student) and their diagnostic nature (providing potential for self-reflexive exercises, the opportunity to independently formulate feedbacks and to draw special attention to the difficulties especially problematic for the student). Later, another research developed the idea of language-oriented distractors in tests, the nature of which in relation to teaching legal English remains mostly lexical: «First and foremost, a significant amount of such tasks are lexical ones, testing students' knowledge of targeted legal terminology.»⁵ The methods of using distractors based on misleading phonetic-graphic ('the Royal Accent', 'the Royal Accept', 'the Royal Assent'; 'circuits', 'circles', 'circuses'; 'probation', 'probability', 'probe') and semantic ('custom' and 'customs') similarities, real or confusing, were also analysed there.

In fact, if we take a closer look at the 'custom/customs' distractor, we notice that its features are determined not only by the semantics, but also by the grammatical category of number. This means that even a student knowing the content, trying to choose an option with the meaning of 'custom law(s)' and knowing the correct translation equivalent can nevertheless make a mistake. A properly formulated distractor-oriented statement in a test can, for example, set a misleading direction, like: the context here implies the custom law of not one, but several countries, therefore a noun in the plural form is preferable. However, using the plural form, especially with the wrong noun ('custom' — 'customs' instead of only making the plural form of the noun 'law'), changes the semantics of the word and the meaning of the whole statement: now the latter addresses customs law, meaning the procedures for transportation and payment for imported goods. This example shows that even a student's knowledge of the topical content, the legal term in the native language and its foreign equivalent, his deep understanding of the both, and the ability to explain their meanings may fail to prevent him from choosing an answer containing a distractor. In order to avoid mistakes, the respondent should turn to another level of language — the field of grammatical categories.

Types of grammatical distractors

A distractor is a special tool used in different types of tests to prevent students from guessing the answer without knowing it. It typically appears in the form of a plausible

⁴ *Milovidova A.* Choosing the focus of CLIL assessment for teaching legal English // The priorities of the world science: experiments and scientific debate : Proceedings of the XIX International scientific conference 28—29 November 2018. Section «Philology». North Charleston, SC, USA : Create Space, 2018. P. 33—34.

⁵ *Milovidova A.* CLIL-oriented Distractors in Legal English tests: Achievements and Perspectives. The 3rd International symposium proceedings (January 25, 2019). Berlin : Premier Publishing s.r.o, 2019. P. 87.

and reasonable option, still having its discriminatory power, or distinguishing ability. The study conducted reveals the following groups of grammatical distractors.

Firstly, types of distractors could be designated according to parts of speech in the English language. This group includes distractors based directly on grammatical categories and other distinctive features: time, aspect, mood, etc. (verb), number, case, etc. (noun), degrees of comparison (adjective), etc. This type of categorisation is easy to understand, objective and relatively unambiguous when classifying occurring elements into one or another category, as it is based on an established idea of the language system. It may be recommended for lower-level students of English. At the same time, it is more academic and therefore causes less research and creative interest and motivational activity. It also demonstrates less heuristic characteristics.

Another criterion for categorisation may be the level of language proficiency of students and groups. Thus, students with a lower level of knowledge of a foreign language can work with distractors aimed at distinguishing between comparatives and superlatives of adjectives and adverbs, while students with a higher level can deal with more complex cases of such use in tests, examples of substantivised adjectives, adjective structures, adverbial phrases, sentence adverbials, negative adverbs, prepositional phrases after adjectives, order of adverbs in a sequence, double comparatives, inversions for emphasizing the meaning of the adverb etc. This classification is especially useful for defining teaching methods in real-world practical conditions and for teaching mixed-ability groups, but at the same time it requires careful selection of exposures by the teacher, a thorough analysis, forecasting of possible difficulties and errors, and in some cases deeper and more complex adaptation of educational materials.

Finally, the classification may be focused on the functional use of grammatical categories, depending on whether the change in the form of a word or construction leads to a change in its meaning. For example, when describing the appearance of a wig, some students made a mistake by choosing the option 'hairs' instead of 'hair' and thereby created a comic portrait of a lawyer (just a few hairs instead of a fluffy curled wig). A law student with 'knowledges' may be rated higher than one with 'knowledge', since it is obviously a man of great erudition with knowledge in areas other than law. In a proposal about a business transaction that is unfavorable for the speaker at the enterprise, the student used a real conditional, thereby showing that he considers it as potentially possible, while the context implied that the situation is absolutely unrealistic and unacceptable in this case, rejected by the statement made by the party. In phrases like 'he must come', 'he has to come', 'he ought to come', 'he is to come', the common meaning of obligation undermined completely different causing factors, depending on the tint of the meaning of a modal verb. Besides, the statement 'we must win the case' did not imply an obligation to win the case at all costs and by any means, but only confidence in success on the basis of favorable factors. When considering the topic of the formation of the English common law system, an error in aspect (replacing Past Perfect with Past Simple) entailed an incorrect chronology of events and, thus, caused a mistake in the test task. Replacing Past Simple with Present Perfect as an attempt to show the resulting character of the action "revived" the doer, indicating that he is still a living being and can perform further actions. This type of categorising distractors is suitable for people with any level of knowledge of a foreign language, but involves active use and high degree of development of analytical skills and critical thinking.

The methodological potential of grammatical distractors in teaching legal English

Any test is primarily a part of an assessment, which allows the teacher to evaluate the achievements of students and plan further directions for expanding their knowledge, development of their skills and abilities. On the other hand, it allows the student to receive an objective assessment of his level at the moment, analyse the dynamics of his development, and notice what aspects require more in-depth study. However, the capabilities of tests and distractors are not limited only to the diagnostic function. Considering a test as a stressful situation aimed at setting grades, affecting further academic credits and a position in a career hierarchy is being replaced by considering it as a challenging and stimulating type of activity. It can be a means of developing the skills of autonomous learning, the great importance of which has already been mentioned earlier, creating a positive learning atmosphere, encouraging the spirit of competition and thereby increasing motivation. «Teaching requires making assessment a natural process and an integral part of self-reflexive exercise. It's not only during formal tests and final controls that students should be aware of their progress, but also at each complete stage of learning. Forming the right attitude to any assessment is essential, as it provides psychological comfort. Regarding a test, an additional task, or the fact of putting a mark as a type of punishment for some faults is counterproductive. The level of responsibility for the sufficient performance of tasks should not be underestimated, but it is necessary to make assessments viewed as a challenge, i.e. something that has to be done in order to achieve something of the higher level.»⁶

After completing a test, in addition to the usual discussion of errors made and of correct options expected, various follow-up exercises can be offered. For example, a teacher, and then each student takes a sentence and replaces one word in it with a nonexistent one (abcd), but in the same grammatical form (abcdED). Another student must guess which part of speech this is, name the grammatical categories of the word, and make suppositions about its meaning. Suppose a student gets a sentence: 'A company is formed upon the issuance of a certificate of incorporation by the appropriate governmental authority'⁷. For example, from the CLIL point of view, such options will be more productive (one proposal involves one omission, in this example, possible options are shown together for more convenience): 'a company is abcd upon the issuance of a abcd of incorporation by the appropriate government authority'. In the first case, it is necessary to guess that a part of the passive voice construction is missing, and it is a part of the predicate in the sentence. The student can offer options: 'formed', 'made', 'established'. On the other hand, the expression 'to form a company' is the item of the active topical vocabulary (law of companies) and an element of content. In the second case, guessing the missing word implies knowledge of the grammatical pattern 'the smth of smth' and at the same time, the term 'certificate of incorporation' is from the vocabulary list of this thematic section. If the language component only is to be focused on, the following options can be proposed: 'abcd company is formed

⁶ Milovidova A. Choosing the focus of CLIL assessment for teaching legal English. P. 34.

⁷ International legal English : a course for classroom or self-study use. Cambridge University Press, 2006. P. 20.

abcd the issuance of a certificate of incorporation abcd the appropriate government authority'. In this case, knowledge of the rules for the use of the article, prepositional structures, and the typical construction of the passive voice is being checked.

Other types of working with distractors may include: peer-correction and peer-discussions, labeling types of mistakes and misleading options, trying to identify distractors and their nature, compiling the students' own mini-tests (5—10 points each), compiling of different types of tests (one type for one pair of students, another one for another pair, etc.). A collective discussion may involve an individual feedback about what influenced the choice of the wrong option: lack of knowledge, unfamiliar grammatical structure, inattentiveness, haste in making a decision, an attempt to guess the answer instead of a thoughtful analysis of possible options. Perhaps the distractor was composed correctly and the choice of the student was influenced by his 'mostness': the option was the most obvious, the most familiar or unfamiliar, the most frequently used, the easiest, the longest etc.

Having identified that the cause of an individual error or the most frequent mistakes made by a particular group of students was specific grammatical difficulties, patterns, or forms, the teacher can offer to systematise the theory on the topic again, elicit more examples, visualise the material for a better-structured presentation, ask students to write sentences using the challenging construction in their native language and exchange them so that group mates could translate it into a foreign language. Students should be encouraged to demonstrate their adequate perception of distractors as assisting aids in identifying strengths and weaknesses in mastering the material, but not as a way to reduce grades or any kind of disfavour from the test compiler.

Conclusion

So, grammatical distractors, correctly selected and placed in the tasks, not only allow students to check the level of their language accuracy, but also to raise motivation, to develop the necessary skills of educational cooperation and productive self-expression, to encourage exchange of opinions, tolerance towards each other. They support the method of learning by learning, helping students feel their involvement in the learning process, outlining their own directions of self-education, allowing them to become creators of real communication situations, which will certainly be helpful in the future. They also demonstrate the role of grammar as a set of special 'language game' rules, following which is not only leads to fulfilling the requirements of teaching aids, but also expands the possibilities of using the resources of a foreign language to express more complex and detailed ideas, moving away from familiar patterns. Focusing on grammar does not imply a refusal to actively monitor the development of specific vocabulary; on the contrary, it makes it more diverse, demonstrating the unity of different language levels for the purposes of communication. The topic of working with grammatical distractors can be applied and adapted for the study of English for specific purposes by representatives of other professions other than that of a lawyer.

REFERENCES

1. International legal English: a course for classroom or self-study use. — Cambridge University Press, 2006.
2. *Marsh D.* CLIL/EMILE — The European Dimension: Actions, trends and foresight potential. Public services Contract EG EAC. — Strasbourg : European Commission, 2002.
3. *Milovidova A.* Choosing the focus of CLIL assessment for teaching legal English // The priorities of the world science: experiments and scientific debate : Proceedings of the XIX International scientific conference 28—29 November 2018. Section «Philology». — North Charleston, SC, USA : CreateSpace, 2018.
4. *Milovidova A.* CLIL-oriented Distractors in Legal English tests: Achievements and Perspectives : The 3rd International symposium proceedings (January 25, 2019). — Berlin : Premier Publishing s.r.o., 2019. — P. 112—117.
5. *Milovidova A.* Scaffolding for reading authentic texts of specialized content : 8th International Conference «Social Science and Humanity». — London : SCIEURO, 2018. — 127 p.
6. *Vygotsky L. S.* Mind in Society: the Development of Higher Psychological Processes. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Аннотация. В статье изучается имидж британской системы правосудия в онлайн-версиях английских газет, журналов и ток-шоу на радио. На основе анализа различных типов словосочетаний, используемых в описании юристов, судей, судов и обычных юридических процедур, выявляются положительные и отрицательные характеристики системы. Обсуждается влияние недавнего сокращения государственного финансирования юридической помощи населению на функционирование правовой системы. Делаются выводы о современном состоянии британского общества, взаимосвязи политики и права. Намечаются пути использования данного знания на занятиях по английскому языку.
Ключевые слова: репрезентация, словосочетания, система правосудия, сокращение государственного финансирования юридической помощи, доступ к правосудию, двухуровневая система правосудия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.045-061

**Татьяна Ивановна
НИЗОВЕЦ,**

доцент кафедры
юридического перевода
Института юридического
перевода
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических
наук, доцент
tatiananizovets@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

T. I. NIZOVETS,

Associate Professor of the Legal Translation Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD in Philology, Associate Professor
tatiananizovets@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE ENGLISH LEGAL SYSTEM IN MODERN MEDIA

Abstract. The article deals with the image of the English justice system in online versions of English newspapers, magazines and radio talk shows. On the basis of the analysis of different types of word combinations used in the description of lawyers, judges, courts and everyday legal practices there have been revealed some positive and negative characteristics of the system. The effect of the recent cuts to legal aid on the functioning of the legal system is discussed. Conclusions are made about the state of British society today and links between law and politics. Ways of incorporating this knowledge in the English language classroom are outlined.

Keywords: representation, word combinations, justice system, legal aid cuts, access to justice, a two-tier justice system.

Средства массовой информации являются важным источником знаний о правовой системе страны изучаемого языка и методическим ресурсом, который сегодня очень широко используется в преподавании ESP. Новые медиа не только дают актуальную информацию о состоянии английской правовой системы, но и позволяют сделать обучение иностранному языку специальными интерактивным.

В данной статье представлены результаты изучения печатных, аудио- и видеотекстов правовой тематики из таких интернет-источников, как The Guardian¹, The Telegraph², The Economist³, The Spectator⁴, BBC Radio London⁵ и многих других.

Цель исследования заключалась в выявлении словосочетаний, в которых сохранилась характеристика правовой системы Великобритании, раскрывались особенности ее функционирования и предлагалась оценка ее состояния в будущем. Категориальный метод исследования словосочетаний, разработанный лингвистами МГУ⁶, позволил выявить положительные и отрицательные репрезентации правовой системы, лежащие в ее основе принципы права и особенности правовой культуры Великобритании. Под репрезентацией⁷ понимается представление того или иного объекта в медиатекстах, которое является лишь отражением объекта, но не его копией. Из многократных репрезентаций различных элементов реальности у реципиента формируется своя информационная картина мира. Анализ репрезентаций осуществлялся с опорой на такие ключевые понятия медиатеории⁸, как идеология, язык медиатекста, жанр, целевая аудитория и медиаорганизация.

О главных **принципах** английского права мы узнаем из ряда клишированных словосочетаний, которые показывают уровень правовой культуры английского общества, его отношение к правовым нормам и осуществлению правосудия.

Так, важными для британцев являются следующие принципы: верховенство права (*rule of law*), открытость правосудия (*open justice*), доступ к правосудию (*access to justice*), равенство перед законом (*equality before the law*). В текстах очень часто провозглашается приверженность демократии и верность принципам народовластия:

*'The justice system is a core pillar of the effective operation of a democratic nation'*⁹;

*'Criminal justice is at the heart of a democratic society and underpins the rule of law'*¹⁰;

¹ URL: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 15.08.2019).

² URL: <https://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 15.08.2019).

³ URL: <https://www.economist.com> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴ URL: <https://www.spectator.co.uk> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵ URL: <https://www.bbc.co.uk/radiolondon> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶ Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.

⁷ URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/4/medialandshaft-1991-8211-2003.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸ Bateman A. Bennett P et al. A2 Media Studies. London, New York : Routledge, 2010. 296 p.

⁹ URL: <https://www.lawsociety.org.uk/news/speeches/use-of-algorithms-in-justice-system-england-wales/> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁰ URL: <https://www.lawsociety.org.uk/news/press-releases/solicitors-uniquely-placed-to-ensure-fair-treatment-of-minority-ethnic-defendants/> (дата обращения: 15.08.2019).

When we boast of '*justice of the people, by the people and for the people*', it is the magistrates who enable that.

Ответ на вопрос о том, как реализуются данные принципы, можно получить, проанализировав ряд словосочетаний, отражающих положительные и отрицательные характеристики правовой системы. Начнем с положительных характеристик.

В качестве **положительных репрезентаций** английской правовой системы, ее элементов и отдельных отраслей права приводятся следующие особенности:

- лидирующие позиции Великобритании на глобальном рынке юридических услуг;
- высокое качество предоставляемых услуг;
- пополнение значительной части бюджета страны за счет предоставляемых услуг;
- свобода и независимость судей в принятии решений;
- устойчивость, гибкость и высокие адаптивные свойства системы.

Позиция страны в качестве **лидера на глобальном рынке** подтверждается многочисленными примерами, и экономические успехи страны напрямую увязываются с великолепным состоянием системы правосудия и ее отличной репутацией:

'British successes in the world market for law...' ¹¹;

'Our substantive law is a *world-beater*' ¹²;

'We have a *world-leading legal system*...' ¹³.

Как следует из примеров, Великобритания получает **статус мирового юриста**:

'The UK's position as "*the world's lawyer*"' ¹⁴;

'Not only is London *the world's top destination* for international companies to settle disputes, but English law is *the legal system of choice* for the drafting of international contracts' ¹⁵;

'And in spite of the relatively tiny size of the British domestic legal market, *our "magic circle" law firms come close to dominating the global commercial legal scene*' ¹⁶.

Местом разрешения судебных споров и заключения международных контрактов бизнесмены по-прежнему выбирают Великобританию. Позиция монополиста в этой сфере бизнеса за страной сохраняется, поскольку в лондонском Сити находятся головные офисы юридических фирм, входящих в первую пятерку.

¹¹ URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/british-successes-in-the-world-market-for-law-5370010.html> (дата обращения: 15.08.2019).

¹² URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/british-successes-in-the-world-market-for-law-5370010.html> (дата обращения: 15.08.2019).

¹³ URL: <https://www.theguardian.com/law/2016/nov/25/labour-to-push-for-fairer-access-to-the-justice-system-minimum-standards> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁴ URL: <https://www.theguardian.com/law/2011/oct/14/law-degree-an-ass-education> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁵ URL: <https://www.theguardian.com/law/2011/oct/14/law-degree-an-ass-education> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁶ URL: <https://www.theguardian.com/law/2011/oct/14/law-degree-an-ass-education> (дата обращения: 15.08.2019).

Исключительная репутация английской системы правосудия обычно передается с помощью прилагательных и наречий в превосходной степени, эпитетов, словосочетаний с положительной коннотацией:

*'a developed legal system, transparency, and the gold standard — English law'*¹⁷;

*'...the civil courts in England and Wales remain among the most highly regarded'*¹⁸.

Особо подчеркивается роль Лондона — колыбели общего права — в качестве ведущего центра рассмотрения коммерческих споров. Используются существительные и прилагательные положительной семантики, метонимический перифраз и стертая метафора:

*'pre-eminence as a centre for cross-border commercial disputes'*¹⁹;

*'...London's unique position, the cradle of common law on the doorstep of civil law Europe, has made it extremely attractive for international litigants'*²⁰;

*'Across the profession, steps have been taken to ensure that what attracts disputing parties to our door is enhanced and promoted'*²¹.

Система правосудия учитывает интересы клиентов и **открыта для инноваций**. Для того чтобы повысить эффективность системы и сохранить за ней позицию лидера на мировом рынке, были введены новые гибкие и ускоренные схемы ведения судебного процесса (*shorter and flexible trial schemes*), а в судах лондонского Сити введена электронная система подачи заявлений (*the electronic filing system*). Осуществляется постепенный переход к электронной среде (*a paperless environment*). Выражается надежда, что готовность лондонских судов к инновациям в будущем сослужит стране добрую службу (*will... stand the courts in good stead for the future*). Все эти позитивные изменения дают системе дополнительный стимул к развитию (*a shot in the arm*)²²:

*'These advances are indicative of a sophisticated and developed legal system that is focused on staying at the top of the pecking order'*²³.

Британская система правосудия по-прежнему обладает целым рядом **конкурентных преимуществ** по сравнению с другими системами. Английская правовая система — это «спасательный круг» для экономики страны, где финансовый сектор уступает свои позиции, сектор производства сужается. Англия больше не «мастерская мира». Сфера юридических услуг расширяется не в последнюю

¹⁷ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁸ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/news/management/technology/25209/bar-council-cautious-over-plans-discard-lawyers> (дата обращения: 15.08.2019).

¹⁹ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁰ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

²¹ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

²² URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

²³ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

очередь благодаря олигархам, которые очень часто приезжают в страну для того, чтобы воспользоваться услугами судебной системы. Такая практика получила название юридического туризма (*legal tourism*). Юридический туризм становится ведущей отраслью в стране, а английские суды становятся **вотчиной олигархов и международных корпораций**: 'oligarchs and global corporations cannot get enough of the English legal system'²⁴.

За это систему часто критикуют, поскольку основные доходы от судебного процесса получают отдельные юристы, а не государство.

Высококвалифицированные, известные во всем мире юристы участвуют в решении многомиллионных коммерческих споров с иностранным участием. При описании профессиональных качеств и умственных способностей одного из них — Джонатана Сампсона — человека, защищавшего Р. Абрамовича в деле против Б. Березовского, один из журналистов использует ряд определений положительной семантики (*amazing, brilliant, a frightening opponent, icy analytical instinct, titanic*), гиперболы (*a brain the size of a planet, the cleverest man in Britain*) и отмечает, что защитник обладает явно лучшей логикой, чем у олигарха-математика Б. Березовского. Определяя роль юриста как защитника и охранителя права, автор прибегает к развернутой метафоре: '...his judgments shepherd our jurisprudence...' ²⁵.

О высоком **качестве услуг**, предоставляемых системой, говорит использование лексем положительной семантики (*reputation, excellence, value* и др.). Например:

'a high-quality and experienced judiciary'²⁶;

'a high-quality and experienced judiciary'²⁷;

'Excellence across the board. That's why our criminal justice system has an international reputation. And that boast is not a merely a moral one. It has export value'²⁸.

Даже в кризисные времена, когда страдают почти все отрасли экономики, английские юристы обеспечивают **высокое качество** предоставляемых услуг: '...amid the rubble of our bankers, journalists and politicians' shattered reputations, so far UK lawyers continue to stand tall'²⁹.

Независимость, беспристрастность и справедливость судей в целом являются отличительной особенностью системы британского правосудия:

'...the UK courts are undeniably independent'³⁰;

²⁴ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/sep/23/nick-cohen-legal-system-oligarchs> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁵ URL: <http://www.theguardian.com/law/2015/aug/06/jonathan-sumption-brain-of-britain> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁶ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁷ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁸ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/04/legal-aid-uk-reputation-fairness> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁹ URL: <https://www.theguardian.com/law/2011/oct/14/law-degree-an-ass-education> (дата обращения: 15.08.2019).

³⁰ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

'Large and developing economies will continue to look to the UK as a *sophisticated legal system, with an unparalleled reputation for judicial independence and excellence, to adjudicate their disputes*'³¹;

'*Impartiality and fairness are what we are good at, and it's that reputation that is marketable on the international stage*'³²;

'In Britain we have a *justice system* of which we can be *proud*, and which *justly deserves its worldwide recognition for impartiality and fairness*'³³.

Экономическая, политическая и финансовая независимость представителей судебной профессии вытекает из принципа разделения властей и глубоких исторических традиций парламентаризма. Важными приоритетами для государства являются привлечение финансов, создание богатства, но при этом важными требованиями в государстве являются следование нормам права и соблюдение независимости правовых институтов: '*the imperative of wealth creation in sustaining free institutions within a society under the rule of law*'³⁴.

Эффективная работа британской правовой системы сравнивается с тем, как работает «**Роллс-Ройс**» — всемирно известный английский автомобиль. Но при более внимательном изучении контекста становится понятно, что данные характеристики уже в прошлом. Ниже приводятся воспоминания одного из юристов:

'I'm completely depressed. I started out in *the legal profession* 30-odd years ago when we had *as Rolls-Royce a system as you possibly could have...*'³⁵.

Если эффективная работа правовой системы сравнивается в медиатекстах с хорошо отлаженным механизмом, роскошным авто, то несовершенство системы изображается как **плохо работающий автомобиль**. Детали автомобиля представляют элементы системы. В приведенном ниже примере используются развернутые метафоры, описывающие работу такого автомобиля. Механизм начинает скрипеть, а колеса начинают отваливаться:

'...and it *starts to creak*. "it's more than *starting to creak*, now *the wheels are falling off it*"'³⁶.

В других текстах находим множественные подтверждения того, что система не лишена недостатков и с мыслью о глобальном доминировании на рынке юридических услуг пора расстаться: '*...can I advocate a pause in the oft-repeated mantra that we have the best criminal justice system in the world? <...> that proposition is increasingly hard to sustain*'³⁷.

³¹ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/comment/201612/will-london-remain-first-choice-global-disputes> (дата обращения: 15.08.2019).

³² URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/04/legal-aid-uk-reputation-fairness> (дата обращения: 15.08.2019).

³³ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/04/legal-aid-uk-reputation-fairness> (дата обращения: 15.08.2019).

³⁴ URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/british-successes-in-the-world-market-for-law-5370010.html> (дата обращения: 15.08.2019).

³⁵ URL: <http://www.theguardian.com/law/2015/apr/23/sir-alan-moses-politicians-ignoring-effects-legal-aid-cuts-election> (дата обращения: 15.08.2019).

³⁶ URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-33230552> (дата обращения: 15.08.2019).

³⁷ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/03/britain-criminal-justice-system-victims-law-public-prosecutions> (дата обращения: 15.08.2019).

Не все отрасли правовой системы работают безупречно. Система находится в **кризисном состоянии** и ожидании перемен. Глубокий кризис поразил систему уголовного права, семейного права, суды по делам несовершеннолетних. Критика правовой системы, ее недостатков передается в медиатекстах множеством идиоматических словосочетаний:

*'broken legal system brought to its knees by cuts'*³⁸;

*'courts plagued by daily errors leaving them unfit for purpose'*³⁹;

*'our legal system is approaching a tipping point'*⁴⁰;

*'a system creaking under the strain of a decade's worth of cuts'*⁴¹;

*'This is a system which is, without exaggeration, on the brink of the collapse. For victims and the accused, a journey through the system is something akin to a nightmare'*⁴²;

*'The criminal justice system is in tatters — and it will lead to the collapse of the rule of law unless something is done'*⁴³.

Отмечается **ухудшение работы системы уголовного правосудия**, неспособность системы выполнять свои функции по защите граждан, нуждающихся в правовой помощи. Система характеризуется как «**второсортная**» — *'a cut-rate (and, it seems, third rate) criminal justice system'*⁴⁴.

Система судов по семейным делам считается забюрократизированной, сложной для понимания и использования — *'the byzantine system'*.

Такое **сочетание противоречивых качеств**, положительных и отрицательных характеристик системы правосудия часто представляется в СМИ как игра **света и тени**. Например, офшоры иногда в шутку называются *'sunny places with shady people'* с намеком на то, что офшорные компании используются людьми не с самой безупречной репутацией и не для самых благородных целей.

Противопоставление света и тьмы помогает лучше раскрыть проблему **отсутствия должной информации** в правовой системе. Это может касаться интерпретации законов, работы тюрем, недостатка или отсутствия важной правовой информации в газетах и журналах.

В следующем примере говорится о том, как **непросто разбираться в законах**. Сложность интерпретации законов передается метафорой со значением тени

³⁸ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/mar/18/barrister-blows-whistle-on-broken-law-brought-to-its-knees-by-cuts> (дата обращения: 15.08.2019).

³⁹ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/mar/18/barrister-blows-whistle-on-broken-law-brought-to-its-knees-by-cuts> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴⁰ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/mar/18/barrister-blows-whistle-on-broken-law-brought-to-its-knees-by-cuts> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴¹ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/mar/18/barrister-blows-whistle-on-broken-law-brought-to-its-knees-by-cuts> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴² URL: <https://www.independent.co.uk/voices/legal-aid-cuts-criminal-justice-system-rule-of-law-collapse-austerity-a8959886.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴³ URL: <https://www.independent.co.uk/voices/legal-aid-cuts-criminal-justice-system-rule-of-law-collapse-austerity-a8959886.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴⁴ URL: <http://www.theguardian.com/law/2014/mar/06/cut-waste-save-justice-system> (дата обращения: 15.08.2019).

или полутени: 'But there are other instances, Hart refers them to these instances as *penumbral*, that the metaphor suggests things that *fall into the shadow*'⁴⁵.

Недостаток информации о вопросах права в СМИ также ассоциируется с тенью, а появление информации о каком-либо значимом для общества явлении в правовой сфере преподносится как «луч света в темном царстве». Запрет судьи на публикацию имен знаменитостей (участвовавших в судебном процессе о супружеской неверности), по мнению журналиста, показывает **слабость законов и отсталость правовой системы**. Возмущение аудитории по этому поводу представляется как буря на море (*media storm*). Репрезентации со ссылкой на море очень характерны для английских СМИ, поскольку Англия — морская держава.

Попытка судей скрыть от британской публики имена знаменитостей, участвовавших в судебном процессе, сравнивается с тем, как согласно легенде король Кнуд Великий, правивший Англией какое-то время в XI в., однажды попытался остановить волны, но не преуспел в этом. Так журналист подводит читателей к мысли о том, что никакие запреты на публикацию общественно значимой информации не могут остановить путь к свету, путь к получению информации в современном мире, где есть Интернет. Это же значение передается пословицей 'Truth will ultimately come out'. Негативное отношение к факту отсутствия нужной информации выражает риторический вопрос:

'Could anything more starkly expose *the law's failure to keep up with the age of the internet*, in which no judge's ruling can *stop stories from flashing round the world within seconds*?'⁴⁶.

Вся система тюрем, если в них доступ журналистам запрещен, — мрак и беспросветная тьма. Эта мысль выражается словосочетаниями *dark corners*, *no-go areas*, *out of public eye*, an 'out of sight out of mind attitude'.

Вывод о том, что пора бы пролить свет на ситуацию, выражается при помощи фразеологизмов:

'But *no lights were shining on these dark corners of the system*'⁴⁷;

'If the system has *nothing to hide*, it has *nothing to fear from a shining light*'⁴⁸;

'We should be *shining a light on these places*, only then can we *guarantee our jails are abuse free*'⁴⁹.

Система уголовного правосудия не отличается стабильностью, и способы определения наказаний за совершенные преступления далеки от совершенства. Система работает таким образом, что невиновный человек может признать себя виновным и понести наказание, а невиновный избежит правосудия. Вынесение

⁴⁵ URL: <https://www.coursera.org/learn/common-law/lecture/w7Sxv/how-laws-are-interpreted> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴⁶ URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3526916/American-publication-goes-UK-injunction-report-known-celebrity-extra-marital-threesome.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴⁷ URL: <https://www.opendemocracy.net/openjustice/eric-allison/dark-corners-of-our-justice-system> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴⁸ URL: <https://www.opendemocracy.net/openjustice/eric-allison/dark-corners-of-our-justice-system> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴⁹ URL: <https://www.opendemocracy.net/openjustice/eric-allison/dark-corners-of-our-justice-system> (дата обращения: 15.08.2019).

наказаний подобно разгадыванию загадки, игре в шарады. Возникающие ассоциации — ложь, обман, шулерство. Об этом свидетельствуют лексемы *charade lie, poker, deceit*. В следующем отрывке, кроме развернутой метафоры и слов негативной семантики, имеет место и игра слов. Шарада — это игра, в которой участники (игры) задумываются о значении отдельных слогов, слов, словосочетаний или пытаются разгадать смысл предложения. А «предложение» на английский переводится так же, как и «приговор»:

*'In the first place, to call a four-year sentence a four-year sentence is, to all intents and purposes, a lie. All judges are forced to participate in a charade in which sentences are not called by their proper names. They participate in a system of deceit worthy of a totalitarian state'*⁵⁰.

Процесс вынесения приговоров и определение типа приговора, таким образом, представляют собой нечестную игру. Из этого вытекает, что система правосудия — это система обмана, как в тоталитарном государстве. На данном примере мы видим, что нарушается принцип предсказуемости и соответствия наказания совершенному преступлению.

А вот идея о том, что преступники могут попасть в тюрьму и тут же из нее выйти, передается с помощью метафоры, которая выражает сравнение с проходом людей через вращающуюся дверь. Процесс повторяется снова и снова (что передается при помощи стилистического повтора), и это расшатывает всю систему уголовного правосудия:

*'The revolving door of serial criminals in and out of prison has created a "hokey cokey" criminal justice system...It's in out, in out, let all the prisoners out. In out, in out, shake the system about'*⁵¹.

Судебный процесс — неравная игра стратегий:

*'The fact is that all too often, the criminal trial is simply an uneven game of tactics'*⁵².

Система уголовного правосудия **несправедлива**. В текстах находим свидетельства одного из полицейских о том, что **права участников процесса нарушаются**, и в результате виновный может избежать наказания. Вся система покрывает преступников — *provided a shield for criminals*, ставит их выше закона, оставляя на свободе — *letting the guilty walk free*. Судебные юристы грубо нарушают права жертв преступлений и свидетелей — *rode roughshod over the rights of terrified victims and intimidated witnesses*⁵³.

Система дежурных адвокатов, которые помогали лицам, задержанным полицией, разрушена: *'Quietly, the system under which anyone who is arrested can ask the duty solicitor to supply him with a lawyer has been eroded'*⁵⁴.

⁵⁰ URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/10819996/Jail-terms-mock-our-justice-system.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵¹ URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/5318650/Police-leader-slams-hokey-cokey-criminal-justice-system.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵² URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/1386893/Police-chief-attacks-justice-system.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵³ URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/1386893/Police-chief-attacks-justice-system.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵⁴ URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/sep/04/by-denying-poor-people-justice-we-are-denying-ourselves-a-functioning-justice-system> (дата обращения: 15.08.2019).

Система семейного права далека от совершенства. Для ее характеристики выбираются эпитеты *callous*, *corrupt* и *staggeringly expensive*, а система защиты детей определяется как позор для страны⁵⁵.

Идея разрушения, кризиса выражается в описаниях практически всех отраслей права. Она передается с помощью следующих коннотативных словосочетаний: *the breakdown of this system*, *this horribly corrupted system*, *drive the system off the rail*, *a vicious travesty of justice*, *a national scandal*, *the social workers' blunder*, *cover up their blunder by spinning out the court case*⁵⁶.

О том, что правовая система **не выполняет полностью свои функции**, говорит частое использование глаголов *fail*, *let down* и существительного *failure*. Система не может предоставить полную защиту отдельным группам граждан, например свидетелям и жертвам преступлений, жертвам домашнего насилия, детям, некоторым категориям работников.

Имеются указания на то, что система **близка к разрушению**. Об этом, например, говорят следующие слова и словосочетания: *erode*, *fail*, *destroy*, *degrade*, *clog up*, *tear down the whole edifice*, *clog up the system*, *be near collapse*, *go to the wall*.

Кроме того, британская система правосудия **стоит очень дорого**. Клиенты вынуждены оплачивать часть судебных расходов, остальные расходы по содержанию судов несут британские налогоплательщики. Не проигрывает в таких сделках, а имеет чистую прибыль только государство — *Great Britain plc* — компания под названием «Великобритания лимитед»⁵⁷.

Перифраз лаконично раскрывает роль государства в **коммерциализации судебной системы**. Люди с низкими доходами не могут воспользоваться правом на равный доступ к правосудию. Государство намеренно, в целях экономии бюджетных средств, сокращает финансирование юридической помощи населению — *legal aid cuts*, и очень многие люди — *LIPs/DIPs* — *litigants in person/defendants in person* — вынуждены сами защищать себя в суде. Это приводит к **параличу системы**, поскольку юридическая грамотность населения оставляет желать лучшего. Кроме того, возникает неравенство между людьми, которые могут оплатить услуги адвоката, и теми, кто этого сделать не может. Простые люди вытесняются из системы правосудия, они не могут воспользоваться своими правами:

*'...it prices ordinary people out of justice'*⁵⁸;

*'Our justice system is being turned into Profit & Growth plc'*⁵⁹.

⁵⁵ URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/columnists/christopherbooker/8423799/The-family-justice-system-is-callous-corrupt-and-staggeringly-expensive.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵⁶ URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/columnists/christopherbooker/8423799/The-family-justice-system-is-callous-corrupt-and-staggeringly-expensive.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵⁷ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/apr/11/courts-justice-rich-taxpayers> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵⁸ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/apr/11/courts-justice-rich-taxpayers> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵⁹ URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/apr/01/justice-system-turned-into-profit-plc> (дата обращения: 15.08.2019).

Система государственного финансирования юридической помощи задумывалась в 1949 г. как часть **общества всеобщего благосостояния** (*welfare state*) и строилась по типу бесплатной национальной системы здравоохранения. Но в условиях экономического кризиса правительство вынуждено изымать деньги из системы — теперь систему бесплатной юридической помощи сравнивают с машиной скорой помощи, стоящей на горе, и далеко не каждый может к ней подобраться, поскольку она еще и окружена забором. Такая система ограничений на пути к получению финансовой помощи выражается развернутой метафорой. Возникают ассоциации с болезнями и создается ощущение, что правовая система действительно больна: *'The ambulance should be at the top of the cliff. The state should play its part in promoting dispute avoidance. We need to reduce the need for dispute resolution by placing a fence at the top of the cliff'*⁶⁰.

Выведение огромного числа судебных дел из системы бесплатной юридической помощи приводит систему к коллапсу:

*'The gradual dwindling of legal aid poses an unprecedented conundrum for the justice system. Publicly funded access to justice has been taken for granted and a whole section of the legal services market has been built around it. Despite the important work carried out by law centres and citizens advice bureaux, the dramatic shrinking of the legal aid budget has created a void which no alternative model has filled. Clients are left unrepresented and firms are struggling to reinvent themselves'*⁶¹.

Система государственного финансирования юридической помощи населению больше не является краеугольным камнем правовой системы:

*'The report only provides a brief insight into a number of possible solutions in an age where legal aid is no longer one of the key pillars of the justice system'*⁶².

Для ускорения работы системы правосудия, освобождения судей от излишней нагрузки и экономии финансов законодатели придумали правила, в соответствии с которыми даже невинному человеку легче признать себя виновным и заплатить штраф. В этом случае его финансовые потери будут намного ниже, чем если его признают виновным на судебном заседании. Такой подход, по сути своей, **несправедлив**.

Появились сообщения о новой группе юристов-адвокатов, работающих с клиентом только в том случае, если он признает себя виновным. Таких адвокатов называют *'plea only advocates'*⁶³.

Сложные социально-политические изменения, происходящие в Великобритании в последние несколько лет, отражаются не только на работе правовой системы, но и на состоянии всего общества. Британское общество сегодня характеризуется как разделенное по политическим, экономическим, религиозным

⁶⁰ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/news/201611/bach-commission-recommends-minimum-standards-access-justice> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶¹ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/blog/201612/creative-thinking> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶² URL: <https://www.solicitorsjournal.com/opinion/201611/all-together-now> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶³ URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/apr/01/justice-system-turned-into-profit-plc> (дата обращения: 15.08.2019).

и другим параметрам. А **правовая система** представляется состоящей **из двух уровней** — богатых и бедных (*a two-tier justice system*).

Противоречия между этими двумя социальными группами раскрывает категория отрицания, выраженная лексико-грамматическими средствами, с помощью антонимов, антитезы, отрицательных префиксов и лексем с негативной коннотацией:

*'We should all be equal under the law, but there is a growing imbalance created by fee increases that places the courts out of reach for many small businesses and all but the wealthiest individuals in society, putting them at an unfair disadvantage in a justice system that increasingly favours the better resourced'*⁶⁴.

Данные социологических опросов показывают, что 75 % населения понимают, что путь к правосудию лежит через деньги:

*'Wealth is now a more important factor in gaining access to justice than it used to be'*⁶⁵.

Общество лишает себя нормально функционирующей правовой системы, когда отказывает в правосудии бедным людям. При этом нарушается принцип равенства всех перед законом:

*'The hallowed British doctrine of equality before the law'*⁶⁶.

Такая правовая система не интегрирует общество, а разъединяет, превращается в «уютный клуб», открытый не для всех:

*'If the public can't see justice being done, or afford the costs of justice, then the entire system becomes little more than a cosy club solely for the benefit of judges, lawyers and their lackeys, a sort of care in the community for the upper middle classes'*⁶⁷.

Развернутая метафора раскрывает секрет работы этого клуба. Это своеобразный «курорт» для представителей верхушки среднего класса: судей, юристов и их помощников, а все общество находится у них в услужении.

Такая судебная система **нарушает принципы Великой хартии вольностей**:

*'He also used his speech to warn that the scale of court fees, together with the cost of legal assistance, is putting justice out of the reach and imperiling a core principle of Magna Carta'*⁶⁸.

Когда ограничивается доступ к правосудию и люди не могут защитить свои права, нарушается принцип верховенства права, общество теряет веру в законность, торжество справедливости:

⁶⁴ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/news/legal-profession/courts/26800/court-fees-increase-damaging-access-justice-say-mps> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶⁵ URL: <http://www.theguardian.com/law/2015/dec/02/only-one-quarter-of-britons-believe-legal-system-is-fair-survey-shows> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶⁶ URL: <https://www.independent.co.uk/voices/letter-insulation-against-the-justice-system-2321201.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶⁷ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/apr/11/courts-justice-rich-taxpayers> (дата обращения: 15.08.2019).

⁶⁸ URL: <https://www.lawgazette.co.uk/news/justice-system-must-adapt-to-life-without-lawyers-lcj/5051504.article> (дата обращения: 15.08.2019).

*'...the fundamental principle of the rule of the law is being eroded'*⁶⁹;

*'The lack of access to justice is increasingly becoming another great evil of 21st century Britain'*⁷⁰;

*'the "imminent breakdown" of the rule of law'*⁷¹.

Теряется доверие к системе правосудия: *'further erosion of faith in the system'*⁷².

Главная претензия к системе правосудия Соединенного Королевства — **неравенство**. В ней присутствуют два класса (*two nations*), первый — состоятельные граждане, бизнесмены-иностранцы, пользующиеся услугами лондонских судов, обслуживаемые по первому разряду, второй — граждане Великобритании с низкими доходами, вынужденные довольствоваться *устаревшей, разваливающейся системой*.

*'There are two nations in our justice system at present. On the one hand, the wealthy, international class who can choose to settle cases in London with the gold standard of British justice. And then everyone else, who has to put up with a creaking, outdated system to see justice done in their own lives'*⁷³.

Перифраз, антитеза, развернутая метафора дают понять, как устроена эта система. Система, когда-то процветавшая и являвшаяся объектом подражания, умирает. О **развале системы правосудия** говорят следующие примеры:

*'Thus a system widely admired and emulated is expiring, largely unnoticed'*⁷⁴;

*'Local justice is being murdered by cuts and closures...'*⁷⁵;

*'Magistrates warn the criminal justice system is near collapse due to growing delays, court closures, and funding cuts'*⁷⁶.

Система находится в плачевном состоянии, в текстах с описаниями системы часто возникают такие ассоциации, как гроб, смерть, болезнь, разрушение, деградация.

Из приведенных примеров следует, что правовая система Великобритании в современных СМИ имеет преимущественно **негативные репрезентации**. **Положительные характеристики системы** возникают в контексте прошедшего времени или там, где выражается модальность необходимости и жела-

⁶⁹ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/16/legal-aid-review-lack-of-access-to-justice> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷⁰ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/16/legal-aid-review-lack-of-access-to-justice> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷¹ URL: <https://www.independent.co.uk/voices/legal-aid-cuts-criminal-justice-system-rule-of-law-collapse-austerity-a8959886.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷² URL: <https://www.independent.co.uk/voices/legal-aid-cuts-criminal-justice-system-rule-of-law-collapse-austerity-a8959886.html> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷³ URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/jun/22/justice-system-failing-badly-michael-gove> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷⁴ URL: <https://www.theguardian.com/law/2016/dec/04/local-justice-is-being-murdered-by-cuts-and-closures> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷⁵ URL: <https://www.theguardian.com/law/2016/dec/04/local-justice-is-being-murdered-by-cuts-and-closures> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷⁶ URL: <https://www.solicitorsjournal.com/news/legal-profession/courts/23879/magistrates-courts> (дата обращения: 15.08.2019).

тельности. Положительная оценка работы системы относится преимущественно к сфере коммерческого права, а в отношении других областей права дается с определенными оговорками, ссылками на необходимость реформ. Успехи и достижения в английской правовой системе имеют место благодаря работающим на износ служащим⁷⁷.

Люди внутри системы уголовного правосудия получают, как правило, положительные отзывы, а сама система чаще всего имеет негативную оценку:

‘Over more than two years of work, we found brilliant police officers, dedicated drugs workers, stressed-out probation officers, imaginative prison staff — and a system that consistently misdirected their efforts and, most important of all, failed to have any significant impact on the behaviour of criminals’⁷⁸.

Условия труда юристов признаются сложными. Атмосфера внутри юридических фирм характеризуется как напряженная, юристы часто работают сверхурочно и испытывают постоянный стресс, вызванный необходимостью выполнять работу в условиях недостатка времени, соблюдая жесткие сроки. Метафорические эпитеты и образные сравнения дают наглядное представление о такой работе. Иными словами, работают, как белка в колесе, живут, как на вулкане (или на краю пропасти):

‘a “cut-throat” law firm’⁷⁹;

‘...a former lawyer, suffered from stress-induced anxiety for 18 months. He recalls a “hamster wheel” approach to meeting billing targets. “It felt like someone was crushing my chest,” he says. “All of the focus is on meeting targets, so it feels like you’re constantly living on a precipice”⁸⁰.

Главными проблемами английской правовой системы сегодня являются: негативное влияние политики на право, дороговизна услуг, создание препятствий на пути малообеспеченных граждан, нуждающихся в правовой защите и пытающихся получить доступ к правосудию.

Изучение сочетаемости слов *justice* и словосочетаний *justice system, legal system* позволило выявить **лингвистические средства**, используемые в создании негативного образа правовой системы. **Негативный образ системы** создается за счет использования следующих средств:

- существительных — mess, problem, dilemma, concern, plight, fear, waste, drain, nonsense, anxiety, ordeal, failure, failings, flaws, shortcomings, breaches, delay, scandal, breakdown, demolition;
- прилагательных — asinine, farcical, severe, slow, bureaucratic, callous, corrupt, expensive;
- причастий — appalling, shocking, creaking, frustrating, corrupted, flawed;

⁷⁷ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/mar/18/barrister-blows-whistle-on-broken-law-brought-to-its-knees-by-cuts> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷⁸ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/dec/13/toxic-vile-cut-throat-the-work-culture-awaiting-junior-lawyers> (дата обращения: 15.08.2019).

⁷⁹ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/dec/13/toxic-vile-cut-throat-the-work-culture-awaiting-junior-lawyers> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁰ URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/dec/13/toxic-vile-cut-throat-the-work-culture-awaiting-junior-lawyers> (дата обращения: 15.08.2019).

- глаголов — erode, fail, destroy, degrade, screw, dismantle, harass, break;
- слов с отрицательными префиксами — injustice, imbalance, inefficient, unfair, unpunctuality, disadvantage, unsustainability;
- словосочетаний — lack of access to justice, undermine public confidence in the law, in even far worse shape, be close to breaking point, justice denied, cause injustice, travesty of justice, miscarriages of justice, tear down the whole edifice, clog up the system, be near collapse, go to the wall, degeneration of our system of justice.

Многие журналисты утверждают, что систему правосудия ждет коллапс, если не будут приняты серьезные меры по ее изменению⁸¹.

Поэтому задача правительства и правоведов — **реформировать** систему таким образом, чтобы обеспечить **единство общества** — создать одноуровневую правовую систему — а *'one nation' justice system*, систему для всех, обеспечивающую равный доступ к правосудию, дающую одинаковую возможность всем членам общества, независимо от финансового положения, защищать свои права⁸².

Символом начала реформ является корабль, отправившийся в плавание:

*'The ship has left the harbour he tells us as seeks to pursue a policy which, despite the warnings, will sail straight into the iceberg'*⁸³.

На пути этого корабля (на пути реформ) может возникнуть айсберг. Чтобы не произошло столкновения, чтобы реформа была успешной, необходимо прислушиваться к людям, работающим «в машинном отделении» этого корабля (в английском варианте: *at the coal face* — *в забое шахты*), т.е. к юристам-практикам. В данном тексте мы встречаем аллюзии к отраслям промышленности, развитие которых в Англии раньше было приоритетным.

Надеяться на положительный исход реформ правовой системы вряд ли приходится, поскольку они были предприняты министрами юстиции, не имевшими квалификации юриста. Истинной целью реформ считают перераспределение потоков финансирования.

В результате реформ **положение работника** в правовой системе меняется не в лучшую сторону. Функция юристов сводится всего лишь к предоставлению услуг, их положение сравнивается с людьми, подающими кофе в баре. Творческий подход к делу в такой ситуации практически исключается.

Таким образом **уничтожается целая отрасль правовой системы**, в которой работают солиситоры и барристеры, обладающие специальными знаниями в какой-то определенной области права. Ожидается, что при распределении контрактов правительство будет учитывать не их опыт и знания, а стоимость оказываемых услуг. Предпочтение будет отдаваться крупным юридическим фирмам, а индивидуально работающие юристы будут вынуждены уходить из профессии или становиться юристами крупных компаний:

⁸¹ URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/apr/01/justice-system-turned-into-profit-plc> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸² URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/jun/22/justice-system-failing-badly-michael-gove> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸³ URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/jun/22/justice-system-failing-badly-michael-gove> (дата обращения: 15.08.2019).

'Lawyers will become *unit-shifters, with no more investment in justice than the server at Costa Coffee has in your flat white*'⁸⁴.

Причины такой политики следует искать во взаимоотношениях между политиками, представляющими правительство и нередко защищающими интересы крупных корпораций, оказывающих финансовую поддержку политическим партиям, и юристами, стоящими во главе правовой системы. Оказывается, что принципом равенства перед законом можно пожертвовать в угоду корпоративным интересам:

'*Throw equality before the law on the corporate bonfire*'⁸⁵.

То, что внутри британской правовой системы, возможно, имеет место неравенство, ярко описывается в следующем примере:

'The UK government... wants to set up *a separate judicial system, exclusively for the use of corporations*. While the rest of us must take our chances in the courts, corporations across the EU and US will be allowed to *sue governments before a tribunal of corporate lawyers*. They will be able to *challenge the laws they don't like*, and seek massive compensation if these are deemed to affect their "future anticipated profits" '⁸⁶.

Высказывается опасение, что правительство заинтересовано в создании такой системы правосудия, которая позволит корпорациям с помощью **класса корпоративных юристов** менять законы, мешающие крупным международным фирмам получать прибыль. В обществе увеличивается «водораздел» между элитой, представляемой властью и крупным бизнесом, с одной стороны, и простыми гражданами — с другой. **Коммерциализация** системы правосудия, урезание финансирования системы не приведут к положительным результатам, а лишь обострят проблему неравенства в обществе:

'Lawyers, including the government's own, say the cuts will denigrate justice and make it the preserve of the rich'⁸⁷;

'What price justice?'⁸⁸;

'We are moving with remarkable speed towards *market justice where the rule of law depends on the size of your bank balance*'⁸⁹.

В обучении иностранному языку будущих юристов чрезвычайно важно использовать тот богатый страноведческий материал, который мы находим в современных англоязычных СМИ. Следует признать, что роль традиционного учебника ESP сегодня несколько снижается, поскольку он не может конкурировать с интенсивно развивающимися медиа, у которых есть возможность быстро

⁸⁴ URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/apr/01/justice-system-turned-into-profit-plc> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁵ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jan/13/ttIP-trade-deal-transatlantic-trade-investment-treaty> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁶ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jan/13/ttIP-trade-deal-transatlantic-trade-investment-treaty> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁷ URL: <https://www.economist.com/britain/2013/06/29/what-price-justice> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁸ URL: <https://www.economist.com/britain/2013/06/29/what-price-justice> (дата обращения: 15.08.2019).

⁸⁹ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/21/in-britain-the-richer-you-are-the-better-your-chance-of-justice> (дата обращения: 15.08.2019).

размещать в публичном пространстве профессионально значимую, интересную и полезную информацию.

Лингвистам необходимо задуматься о составлении учебного пособия нового типа, которое будет создаваться в сотрудничестве со студентами и будет включать наиболее важные текстовые, аудио- и видеоматериалы по определенной специальности. Например, для лучшего понимания проблематики соответствующей отрасли знаний можно предложить студентам после обсуждения ряда медиатекстов определенной тематической группы составить глоссарий, в котором будут отражены соответствующие современные реалии. Или на основе анализа тематических и разговорных ток-шоу на радио и телевидении составить банк современных разговорных формул, клише, активно используемых носителями языка в различных коммуникативных ситуациях.

На основе прослушанного и увиденного студенты могут сформулировать приоритетные темы для дискуссий со студентами-юристами других стран. Привлекая студентов к активному использованию медиаресурсов в освоении иностранного языка специальности, мы поможем им научиться критически оценивать материалы СМИ, легко отделять факты от мнений и правильно выстраивать аргументацию в дискуссиях и дебатах.

Знание о кризисных явлениях в современной правовой системе Великобритании, полученное из текстов СМИ, дает возможность студентам правильно оценить работу российской правовой системы, обосновывать наличие в ней тех или иных правил, законов, положений и определять перспективы ее развития. Поэтому материалы англоязычных СМИ следует использовать в качестве одного из основных средств обучения иностранному языку специальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Болдырев Н. Н.* К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. Теоретические аспекты языковой репрезентации : сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН ; ИД ТГУ имени Г. Р. Державина. — 2012. — Вып. XII. — С. 33—43.
2. *Демьянков В. З.* Когниция воображаемого: о понятиях (и концептах) в языке // Когнитивные исследования языка. Теоретические аспекты языковой репрезентации : сб. науч. тр. / Институт языкознания РАН ; ИД ТГУ имени Г. Р. Державина. — 2012. — Вып. XII. — С. 17—33.
3. *Добросклонская Т. Г.* Системный подход к изучению языка СМИ: современная английская речь. — М. : Флинта ; Наука, 2008. — 264 с.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. — М. : МГУ, 1986. — 152 с.
5. *A2 Media Studies / A. Bateman, P. Bennett [et al].* — London ; New York : Routledge, 2010. — 296 p.
6. *Elliott C., Quinn F.* English Legal System. — Harlow, London ; New York : Pearson Educated Limited, 2017. — 750 p.

**Геннадий Петрович
ТОЛСТОПЯТЕНКО**

decanatmp@mgimo.ru

119454, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 76

**Ирина Григорьевна
ФЕДОТОВА**

karavaeva63@yandex.ru

119454, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 76

**Ирина Анатольевна
БОГДАНОВА**

**irina.a.bogdanova@
gmail.com**

119454, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 76

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. НАУЧНАЯ ШКОЛА ЛИНГВОПРАВОВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ФАКУЛЬТЕТА МГИМО

Аннотация. Статья посвящена особенностям языковой подготовки юристов-международников. Авторы описывают подход, сложившийся в рамках научной школы лингвоправоведения международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России и доказавший свою эффективность при обучении языку специальности. В рамках данного подхода лингвистика и правоведение становятся равнозначными и равноправными составляющими в получении целостной картины изучаемого объекта — системы юридических понятий и категорий страны изучаемого языка, что полностью соответствует дидактическим целям, преследуемым при подготовке юристов-международников — специалистов, которые должны не просто оперировать иноязычными терминами, но, понимая стоящие за ними внеязыковые реалии, обеспечивать подлинный диалог культур, жизненно необходимый в условиях современного общества.

Ключевые слова: юридический английский, преподавание английского языка юристам-международникам, школа лингвоправоведения, подготовка юристов-международников, юридические понятия и категории в английском языке, англо-американская правовая система.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.062-069

G. P. TOLSTOPYATENKO,

International Law Faculty Dean MGIMO-University, L.D., Professor
decanatmp@mgimo.ru

119454, Russia, Moscow, prosp. Vernadskogo, 76

I. G. FEDOTOVA,

Head of English Department No. 8, International Law Faculty,
MGIMO-University, Associate Professor
karavaeva63@yandex.ru

119454, Russia, Moscow, prosp. Vernadskogo, 76

I. A. BOGDANOVA,

Associate Professor of English Department No. 8, International Law Faculty,
MGIMO-University, Ph.D in Philology
irina.a.bogdanova@gmail.com

119454, Russia, Moscow, prosp. Vernadskogo, 76

STUDY OF LAW THROUGH LANGUAGE APPROACH AS ADOPTED IN TEACHING INTERNATIONAL LAWYERS AT MGIMO-UNIVERSITY

Abstract. *The article focuses on teaching English to international lawyers. The authors describe the approach developed and adopted in teaching legal English to international lawyers at MGIMO-University. Within the framework of this approach linguistics and jurisprudence become equivalent and equal factors in building a concise picture of the target subject — the system of the legal concepts and legal terminology of a foreign language. In the opinion of the authors this should be viewed as an important didactic goal of international lawyer training, i.e. training a professional who is not only able to fluently use foreign terminology, but, having thoroughly understood the respective extra lingual realia, contribute to a true dialogue of cultures vital to modern social interaction.*

Keywords: *legal English, legalese, teaching legal English, teaching legal English to international law students, the Anglo-American legal concepts and legal terminology, Anglo-American legal system.*

The process of training an international lawyer can be characterized by certain specific features. Firstly, the study of comparative jurisprudence implies professional level of fluency in foreign languages. Nowadays fluency in English, in particular in the sphere of law, has become essential to professional success. From this viewpoint the development of the skill and ability to adequately grasp the gist and detail of a legal text, make a speech and/or discuss a professional topic in English, as well as translate and/or interpret from English into Russian and vice versa, should be viewed as one of the main goals of training an international lawyer.

Thus, in the course of training special attention should be paid to the study of the Anglo-Saxon (Anglo-American) system of law.

Among the foremost achievements of Anglophone culture one of the top places should undoubtedly be given to the Anglo-Saxon system of law.

Having avoided the Roman law influence and taking a firm stand on the foundation of judicial practice instead of formal regulatory wording, the Anglo-Saxon system of law allotted the top priority to the Precedent, having digested both the historic experience of England and the endless variety of actual diversities among its natives, as well as the age-old wisdom of generations seeking an answer to the eternal question of what is just or unjust as opposed to the dead scholasticism of statutory law.

The content, however, needs a form. And a more ideal fusion of form and content than the English language and the Anglo-Saxon system of law is hard to imagine. The English language with its opulent vocabulary, harmonious grammar, semantic accuracy and stylistic flexibility played an important part in the shaping of the Anglo-Saxon system of law as its natural “melting pot”, inevitably eliminating the borders between the extra textual and properly linguistic factors forming a single environment extremely beneficial to democratic social development.

Thus, the Anglo-American system of law has, in the course of its centuries-old growth, developed a clear and harmonious sublanguage of law structure setting forth a strict correlation between a legal realia and the term describing it.

That is why with reference to law the well-known saying: “A word is the skin of a living thought” means that at all times the wording of statutes and judgments has reflected the state of legal thought representative of a particular epoch.

In this respect the study of the legal concepts and legal terminology system of a target language shall unavoidably embrace two aspects: **the terminology describing legal realia and linguistic analysis of a legal text.**

The first aspect is an essential part of **lingvo-jurisprudence** that, in its turn, is part of lingvo-geography in the meaning of culture-through-language studies aimed at learning a foreign language based on the analysis of cultural realia descriptions, including legally oriented materials, by linguistic methods.

The second aspect is closely related to **juridical linguistics** aimed at linguistic analysis of a legal text with a view to its lingvo-cognitive, lingvo-communicative and lingvo-psychological interpretation.

Consolidation of the two aforementioned aspects shall signify the **synergic** approach turning **linguistics** and **jurisprudence** into equivalent and equal factors in building a concise picture of the target subject — the system of the legal concepts and legal terminology of a foreign language. In our opinion this should be viewed as an important didactic goal of international lawyer training, i.e. training a professional who is not only able to fluently use foreign terminology, but, having thoroughly understood the respective extra lingual realia, contribute to a true dialogue of cultures vital to modern social interaction.

Aims and Targets of Academic Course

The general **aim** of the course “**Legal Concepts and Legal Terminology in English. Translation and Interpreting Skills**” is to train a student to carry out professional functions in English in the field of law.

In order to achieve this aim one is to reach the following **targets**:

1. Study of Special Legal Terminology

The study of the lexico-grammatical characteristics, as well as the structural and semantic features of an English term and its interpretation in Russian.

In this respect one is to consider the source and the lexical background of the respective terminology, discrepancy between the British and American Terms describing a particular concept and the cause of the same; the principles of interpreting an English term by means of the Russian language subject to the structural and semantic divergence of the two languages.

Gradual acquisition of terminology thesaurus covering every target Anglo-American law institution or branch.

Legal perfection is based on precise comprehension. In judicial practice precise comprehension is a guarantee of a fair resolution of issues of fact and accurate interpretation of law issues. Thus, nowadays an adequate application of written and/or oral language is one of the most important means of conflict resolution. Every language is based on vocabulary. It is the word that reflects and describes the respective realia. The more perfect is the conception of such a realia, the more accurate shall be the respective verbal description. The age-long development of the Anglo-Saxon system of law and its sublanguage has resulted in a harmonious correlation between the realia of law and the respective terms. As an essential part of the English language the legal terminology has naturally grown and developed within its structure. Moreover, being in fact common words used in a special meaning, legal terms have never been treated as something alien. They have always been an inherent part of the living language structure ensuring precise comprehension — the criterion of perfection in law.

2. Comprehension of Lexico-grammatical Characteristics of Legal Texts

There is no doubt that translation/interpretation is one of the most complicated types of activity. In order to transfer information from one semiotic system into another in the absence of conceptual equivalence between realia belonging to various national cultures, the translator/interpreter should not just be perfectly fluent both in the source and the target language but also have an outstanding analytical ability, as well as extensive professional and background knowledge accompanied by the skill of exercising several functions simultaneously, as a result ensuring perfectly adequate comprehension of the underlying content by the parties to interlingual communication.

In English like in many other so called analytically structured languages, along with the word order a great role is allotted to **auxiliary words**. Quite a few of them are homonymous and subject to their function may have a different meaning, and consequently require a different translation/interpretation.

Moreover, in English there are certain **syntactic structures** quite frequently used in legal texts and posing a problem due to a difficulty of choosing an adequate Russian equivalent and even the necessity of transforming the whole sentence structure.

3. Developing Translation and Interpreting Skills

The criterion of quality for any translation is the level of its equivalency with the original. However, even keen on the maximum equivalency the translator should avoid two extremes: literalism (the so called “word for word translation”) on the one hand, and arbitrariness (“loose translation”) on the other, since translation is neither a mechanic conversion of information from one semiotic system into another, nor

an independent creation more or less similar to the original. Translation is an act of interlingual communication including both a linguistic form and a linguistic interpretation of a communicative event, as well as a wide variety of extra lingual factors dependent on the general and national cultural peculiarities.

Sometimes the original text needs no extensive lexical or grammatical transformation and the equivalents may practically be picked automatically. However, translation of a more complicated text shall be a more difficult job calling for a substantive correlation of the original and the target language structures in order to select optimal transformation models to transfer information from one language to another. Then translation will resemble a creative process somewhat akin to a writer's.

Finally, it should be mentioned that translation as a type of activity in any domain, in this case jurisprudence, concerned with dissimilar law systems implies:

- a) fluency in both the original and the target language;
- b) professional mastery of special legal terminology;
- c) adequate knowledge of comparative jurisprudence.

Besides, in spite of a translator's having to perform several operations simultaneously, the translation process clearly includes the following aspects reflecting the mechanics of such a text translation:

General professional and semantic text analysis in order to determine its topical attributes at the pre-translation stage.

Picking out the basic key terminology reflecting the informative gist of the text to be translated.

Conceptual and notional analysis of the selected terms in order to determine the difference between the similar terms belonging to dissimilar legal systems (Russian and Anglo-American).

Notion communication through explanation instead of direct translation due to the absence of conceptual equivalence between the terms used in the two dissimilar legal systems.

Analysis of the lexico-grammatical and syntactic demons in the text.

The text final edit in order to adjust its rhythm and style.

Another skill trained within the academic course is **Interpretation**, where a professionally-oriented text is to be perceived from an audio-recording (an auxiliary type of interpretation) or is read by the instructor (consecutive two-way interpretation).

The following skills and abilities are to be trained in the course of consecutive interpretation:

The skill of conceptual text analysis while actually listening to the text, i.e. the ability to transform the text to subsequently reproduce it in another language;

The ability to make simultaneous notes of the thus transformed text, i.e. to use mental notes in the course of interpreting of a comparatively long remark of the speaker;

The ability to stay within the time limits set forth by the rhythm of the conversation (business meeting, interview, etc.) relying on fast response, quick switch from one language to another and a well-trained short-term memory;

The ability to use background knowledge extended through systemic and regular multi-topical dialogue interpretation and continuous terminological vocabulary build-up.

Informative Aspect

The course is based on the academic complex by I. G. Fedotova and G. P. Tolstopyatenko "Legal Concepts and Legal Terminology in English", initially published in 1998 and repeatedly republished ever since. At present it includes the following componentry:

- 1) I. G. Fedotova, G. P. Tolstopyatenko "Legal Concepts and Legal Terminology in English" (school book) (Statute Publishers, 2014);
- 2) I. G. Fedotova, G. P. Tolstopyatenko "Legal Concepts and Legal Terminology in English" (glossary) (Statute Publishers, 2014);
- 3) I. G. Fedotova, G. P. Tolstopyatenko, N. V. Staroselskaya, N. A. Ishevskaya "Tutorial in Legal Translation from English into Russian and Vice Versa" (school book) (Statute Publishers, 2017).

The school book "Legal Concepts and Legal Terminology in English" and the glossary included in the complex introduce a student to the basics of the public international law and the Anglo-American law system.

Thereon, a more detailed penetration into the particulars of the Anglo-American law system is carried out on the base of a two-fold teaching aid by I. G. Fedotova, N. V. Staroselskaya and G. P. Tolstopyatenko "The Anglo-American Legal Concepts and Legal Terminology" (MGIMO-University Press, 2017).

It is the latter that lays the foundation for tuition in written-written and written-oral translation.

The academic course includes extensive use of the UN library public international law **video lectures** and **audio lectures** recorded by the US leading professors of law for the students of the US universities' law schools. The lectures cover all the various aspects of the legal subjects on the curriculum and lay a foundation for teaching the skill of oral-oral interpretation with the help of video and audio recordings, lecture transcripts, as well as the **tutorial by N. V. Staroselskaya for instruction on listening** to legal materials for the International Law Faculty students.

As an essential part of the academic course, its extensive reference materials include:

Legal thesauri, published in the USA or Great Britain;

Charts giving the gist of every branch of law on the curriculum in the form of "Bar Charts" or "The essential university course outline", devised for American Law School students;

Original legal document blanks.

Teaching the language for special purposes implies development of skills and abilities in each of the four types of language activity: **reading, writing, listening and speaking**.

Development of translation/interpreting skills is based on the theory of translation devised by L. S. Barkhudarov, V. N. Komissarov, Y. I. Retsker. At the same time translation is an auxiliary means to development of a consistent fluent professional legal literature **reading skill**.

As above noted, interpretation is also a means of training **listening** skills.

Legal writing skills are built through writing **background reports** on a given topic or devising a **legal instrument** (memorandum of law, case brief, opinion or client letter).

Oral professional skills are built in the course of preparing reports on the law areas covered, or a student's participation in a **case study**. Further development of oral skills takes place in the course of studying for a master's degree. It is this academic stage with its mature level of both language and professional competence that is deemed to be optimal for participation in **simulation games based on case study**.

It should be mentioned that since a Law Faculty MGIMO graduate may also be required to translate from Russian into English, a prominent place in the second year master's training is devoted to the **Russian-English translation course**, including both the **theoretical** guidelines and **principles**, and **tutorials** in Russian-English translation with special attention paid to original business documentation of the Russian law firms and companies collaborating with foreign partners.

Thus, the professionally-oriented aspect is in fact aimed at a two-fold goal: provides a student with a clear and immediate understanding of the Anglo-American legal concepts and terminology opening to him/her a unique future opportunity of performing professional functions in English within the framework of the Anglo-American system of law, on the one hand, and an optimal ability of working within our national law system in furtherance of cooperation and mutual understanding of co-professionals speaking and thinking in different languages.

International Law Faculty Lingvo-jurisprudence School Background

Today we can state that the International Law Faculty has given rise to a unique school of teaching language for special purposes. Obviously, it has grown by stages with the experience acquired serving as an opportunity to adjust the aims and targets of tuition, and, consequently, the manner and technique of international lawyer training.

Initially the professional aspect instruction technique copied the general language tuition methods differing only by the choice of material. In the former case it was legally-oriented material — generally the UN documents.

Thereon came the understanding of insufficiency of such an approach as to training a professional fit to act successfully in English that, in its turn, led to a necessity of choosing a different sort of materials and another approach to training an international lawyer. The new approach was initiated by Associate Professor V. F. Nazarov with his "Course in Legal Translation on Anglo-American Commercial Law" published in 1994 and summing up the teaching experience of the legal translation unit in 1972—1994.

The present stage starting in 1994 has brought the legal aspect to a new level marked by the academic complex "Legal Concepts and Legal Terminology in English" by I. G. Fedotova and G. P. Tolstopyatenko giving rise to a new approach to training a professional international lawyer.

Nowadays, as a result of innovation technique rapid development the academic basis of the school of lingvo-jurisprudence has been replenished by a new training technique based on a **multimedia "Legal English Course"**.

REFERENCES

1. *Fedotova I. G., Staroselskaya N. V., Tolstopyatenko G. P.* The Anglo-American Legal Concepts and Legal Terminology. — Part I. — M. : MGIMO-University Press, 2017.
2. *Fedotova I. G., Staroselskaya N. V., Tolstopyatenko G. P.* The Anglo-American Legal Concepts and Legal Terminology. — Part II. — M. : MGIMO-University Press, 2019.
3. *Fedotova I. G., Tolstopyatenko G. P.* Legal Concepts and Legal Terminology in English (school book). — M. : Statute Publishers, 2014.
4. *Fedotova I. G., Tolstopyatenko G. P.* Legal Concepts and Legal Terminology in English (glossary). — M. : Statute Publishers, 2014.
5. *Fedotova I. G., Tolstopyatenko G. P., Staroselskaya N. V., Bogdanova I. A.* Online Multimedia Course “Legal English”. — 2019.
6. *Fedotova I. G., Tolstopyatenko G. P., Staroselskaya N. V., Ishevskaya N. A.* Tutorial in Legal Translation from English into Russian and Vice Versa (school book). — M. : Statute Publishers, 2017.
7. *Staroselskaya N. V.* Listening and Interpreting Skills Manual (to Audio Lectures on Anglo-American Law). — M. : MGIMO-University Press, 2019.

**Наталья Борисовна
ШРАМКОВА,**

доцент кафедры
юридического перевода
Института юридического
перевода
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат философских
наук
**natashashramkova@
yandex.ru**

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Инна Александровна
МАЛЫХИНА,**

старший преподаватель
кафедры иностранных
языков № 1
Российского
экономического
университета имени
Г. В. Плеханова
in_nin@mail.ru

117997, Россия, г. Москва,
пер. Стремянный, д. 36

© Н. Б. Шрамкова,
И. А. Малыгина, 2020

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ КАК АСПЕКТ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ»

Аннотация. В статье рассматривается важная образовательная и межкультурная составляющая в преподавании юридического английского языка для проведения международных коммерческих переговоров в рамках элективного курса «Английский язык в сфере договорного права». Статья предлагает практические ситуации и рекомендации по выбору языковых и невербальных средств коммуникации, способствующих успешному проведению переговоров. Их применение позволит сформировать важные языковые и профессиональные компетенции, необходимые будущим юристам — сотрудникам международных компаний. **Ключевые слова:** переговорный процесс, «мягкий и жесткий стиль», кросс-культурные различия, переговорный стиль, преимущество в переговорах, взаимная выгода, межличностные отношения, требования, уступки, деловая репутация.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.070-076

N. B. SHRAMKOVA,

Associate Professor of Legal Translation Faculty
of the Department of Legal Translation
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD of Philosophy
natashashramkova@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

I. A. MALYKHINA,

Senior lecturer
of Foreign Languages Department № 1
of Russian Plekhanov University of Economics
in_nin@mail.ru
117997, Russia, Moscow, per. Stremyannyi, 36

CROSS-CULTURAL DIFFERENCES IN THE NEGOTIATION PROCESS AS A COMPONENT OF THE ELECTIVE COURSE “ENGLISH LANGUAGE FOR THE CONTRACT LAW”

Abstract. The article focuses on the important educational and cross-cultural aspect of teaching English to conduct international business negotiations within the framework of the elective course “English for Contract Law”. The article presents real-life cases and instructions on verbal and non-verbal

communication techniques used to achieve success in negotiations. Applying these techniques will enable students to form the language and professional competencies, necessary for the future lawyers, who intend to work for international corporations.

Keywords: *negotiation process, soft and hard bargaining style, cross-cultural gap, negotiating style, upper hand in negotiations, win-win tactics, interpersonal relations, excessive demands, price concessions, business reputation.*

Современный юрист-профессионал должен обладать широким набором навыков и умений, которые органично дополняют знания по специальности, полученные им в вузе, расширяют его возможности в плане карьерного роста и делают его более конкурентоспособным на рынке труда¹.

Нет необходимости говорить о том, насколько повышаются шансы молодого юриста, специализирующегося в области бизнес- или корпоративного права, найти перспективную и престижную работу, если он владеет иностранным языком. В настоящее время недостаточно только свободно говорить по-английски. Необходимо уметь вести деловую корреспонденцию, составлять тексты договоров и соглашений, переводить устно и письменно, представлять клиента в различных инстанциях на английском языке.

Участие в международных коммерческих переговорах — одна из самых ответственных задач, которые приходится выполнять юристам по коммерческой деятельности. Несмотря на то, что многие представители бизнес-сообщества считают, что юрист вступает в переговоры на заключительном этапе — составления текста договора и вычитки всех условий для целей соответствия данного коммерческого документа действующему законодательству стран-контрпартнеров, в действительности в крупных международных компаниях юристы сопровождают сделку со дня получения оферты и до того момента, когда под договором будут поставлены подписи сторон договора.

Более того, юристам, работающим в области английского договорного права, часто приходится вести предварительную переписку и участвовать в личных встречах с юристами, представляющими интересы их заказчика, поставщика или исполнителя. Именно поэтому знание договорного права как отдельной области англосаксонского права, четкое понимание принятой в этой правовой системе терминологии и конвенциональной структуры английского коммерческого договора представляют первоочередную задачу для юриста. Поэтому подготовительным этапом к переговорному процессу являются длительное и всестороннее изучение текстов различных типов коммерческих договоров на английском языке и подготовка их адекватного параллельного перевода.

Сегодня большинство крупных компаний поручает эту работу штатному переводчику, который работает в непосредственном контакте с юридическим отделом.

¹ Калиновская В. В. Содержание элективного курса в рамках профессионально ориентированного обучения // Будущее российского права: концепты и социальные практики : V Московский юридический форум : материалы XIV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) : в 4 ч. М., 2018. С. 226—231.

Выпускники Института юридического перевода МГЮА находятся в этом смысле в привилегированном положении, так как они имеют не только прекрасное юридическое образование, но и являются профессиональными переводчиками текстов по юриспруденции².

Однако каким бы длительным и трудоемким ни был процесс составления договора, он может быть начат только после проведения серии встреч, обсуждений, собственно переговоров представителей сторон. А эта работа требует формирования навыков делового общения, применения вербальных и невербальных техник, использования или чередования так называемого «мягкого и жесткого стиля», манипуляционных методик (которые совершенно законны с юридической точки зрения), детально продуманной стратегии с распределением ролей и определения общего стиля переговорного процесса своей стороны при четком понимании переговорного стиля и истинных целей контрапартнеров.

Формирование и развитие навыков ведения переговоров на английском языке является одной из задач элективного курса «Английский язык в сфере договорного права» для юристов-переводчиков³. В данной статье хотелось бы остановиться на поведенческой стороне проведения переговоров с участием представителей различных культур, имеющих разную цивилизационную идентичность.

Понятие «кросс-культурная осведомленность» всегда упоминается в ситуациях делового общения между представителями разных стран, достаточно сильно отличающихся друг от друга своими традициями, обычаями, отношением к статусу, иерархии, моделями управления и распределения полномочий. Необходимость быть осведомленным о целевой культуре участников переговорного процесса продиктована наличием неизбежных, иногда неосознаваемых, а иногда и трудно принимаемых особенностей восприятия, выражения точки зрения, реакция на слова собеседника, принятия решений ваших деловых партнеров из США, Великобритании, Австралии или иных стран, использующих английский язык для целей делового общения. Этот феномен называется *cross-cultural gap* — буквально «кросс-культурная пропасть», различие между деловыми и общекультурными практиками той или иной страны. Наведение мостов между краями этой пропасти и является задачей преподавателя при ознакомлении студентов с межкультурным взаимодействием и взаимовлиянием различных цивилизаций, которое находит свое отражение при организации и проведении международных коммерческих переговоров⁴.

Достаточно часто в случаях, когда сделка не состоялась, переговорщики автоматически находят этому субъективное объяснение типа «клиент не мог

² Шрамкова Н. Б. Переводческая компетенция как неотъемлемая составляющая профессиональной компетенции современного юриста // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 11 (39). С. 117—121.

³ Калиновская В. В. Опыт реализации программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (юриспруденция)» в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковом вузе в современной образовательной парадигме : материалы научно-практической конференции. М., 2014. С. 35—40.

⁴ Шрамкова Н. Б. Сущность и специфика межкультурных взаимодействий в эпоху глобализации : дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

заплатить адекватную цену за то качество, которое мы ему предлагаем», «мы не можем предложить им требуемые объемы (товаров или услуг)». Однако очень немногие готовы признать, что сделка не состоялась потому, что они неправильно вели себя в отношении другой стороны переговорного процесса. Именно то, как ведутся переговоры, их определяющий стиль может либо обеспечить успех сделке, либо сорвать ее (то, что англичане называют “make or break the deal”⁵).

Зачастую непонимание, которое вызывает разногласия, вызвано тем, что лица, участвующие в переговорах, не сомневаются, что их манера поведения, взгляды и представления являются универсально принятыми и должны разделяться всеми. Это большая ошибка. Заставлять представителей из японской компании принимать решение прямо в переговорной комнате является прямым давлением на ваших коллег. Японская корпоративная культура основана на консенсусе и групповой гармонии. Кроме того, срок, необходимый для принятия решения, в Японии может быть значительно бóльшим, чем сами переговоры. Принципиальные вопросы могут быть решены, но окончательный ответ может поступить через месяц. К этому надо быть готовым при планировании своих действий и подготовке документации.

Или, например, воспринимать динамичную, временами несколько фамильярную манеру американских переговорщиков как личное оскорбление — означает поставить под угрозу успех всего переговорного процесса. «Ничего личного» — девиз европейской и американской деловой культуры. Однако в Китае и практически во всех арабских странах установление хороших межличностных отношений — неременное условие для эффективного проведения переговоров. *Breaking the ice* и *small talk* занимают гораздо больше времени, чем хотелось бы деловым немцам, французским или британским партнерам.

В обобщенном виде мы можем разделить культуры на индивидуалистские и коллективистские. Американцы, британцы, нидерландцы (как они просят себя называть, а не голландцы, и это еще одно проявление кросс-культурной осведомленности, если вам этот факт известен), как правило, полностью полагаются на свои личные усилия и ответственность в вопросах карьерного роста, принятия решений, формирования точки зрения. В переговорном процессе они проявляют независимость личных суждений, открыто совещаются, могут представить аргументированные возражения или выступить с контрпредложением. При ведении переговоров с представителями этих культур необходимо:

- 1) вести себя уверенно;
- 2) быть готовым отстаивать свои интересы и требования жестко и аргументированно;
- 3) быть готовым выдвинуть свои возражения или указать противной стороне на слабость и несостоятельность их требований или условий. Преимущество на таких переговорах будет у той стороны, которая проявила бóльшую инициативу, напористость, показала твердость своей позиции и хорошо «прочла» все слабые места в позиции контрпартнеров.

⁵ Нестерова Л. В., Малыхина И. А. Обучение иностранным языкам в контексте межкультурной коммуникации // Инновации в образовании. 2017. № 8. С. 73—81.

В то же время, большинство представителей азиатской, арабской или африканской культурной группы явно демонстрируют коллективизм в переговорном процессе. Они подчиняют свои личные цели интересам группы, к которой принадлежат, и стараются избегать любых разногласий или конфликтов с другими членами группы. При проведении переговоров с представителями этого типа корпоративной культуры следует:

- 1) позиционировать себя как сотрудника вашей компании или представителя переговорной группы;
- 2) начать беседу с разговора о компании ваших контрапартнеров, выразить уважение к деловому успеху или последним операциям этой компании, за которыми вы внимательно следили;
- 3) вести беседу в спокойной и неторопливой манере, предоставив другой стороне задавать темп разговора;
- 4) строить переговоры так, чтобы члены вашей команды принимали участие в беседе и проявляли единодушие «как члены одной дружной семьи»;
- 5) помнить, что групповые встречи с коллективистскими культурами часто имеют своей целью либо обмен информацией, либо окончательное подтверждение достигнутых договоренностей. Если ваша цель — добиться уступки или более детально обсудить проблему с вашим корейским или китайским контрапартнером, лучше всего организовать личную встречу в неформальной обстановке. Приглашение на обед в ресторане национальной кухни может оказаться эффективным способом решения проблемы в режиме *face-to face*.

Традиционно было принято также выделять так называемые низкоконтекстные и высококонтекстные культуры. Первый тип — те, в которых люди стремятся выразить свою позицию в ясных, четких и однозначных терминах. Иными словами, люди говорят именно то, что имеют в виду. Представители США, Скандинавских стран и Германии ведут себя именно так. На переговорах с ними:

- 1) следует воспринимать то, что вам говорят, буквально. Если вы слышите, что выполнить то, о чем просит ваша сторона, будет трудно, это значит «выполнить возможно, но будут сложности»;
- 2) не следует воспринимать открытые возражения как личный выпад против вас или демонстрацию неприязненного отношения. Это проявление открытости и честности переговорной позиции.

Напротив, представители культур высокого контекста (КНР, Япония, арабский мир и (!) Франция, как правило используют широкую имплицитность в бизнес-общении. От вас ожидается понимание подтекста, заложенного в то или иное высказывание, основанное именно на знании культурной специфики страны или региона, который представляет для вас целевую культуру. В этом смысле британцы с их недосказанностью, самоиронией и привычкой употреблять прием аллюзии в речи, демонстрируют именно такой тип культуры. На основании этого при проведении переговоров не следует воспринимать буквально некоторые слова или предложения, произнесенные вашими контрапартнерами.

Так, если представитель японской переговорной команды говорит: “I am afraid, it will be difficult”, читайте это как «Это невозможно, мы этого не будем делать». Надо понимать, что японская культура общения не позволяет употреблять слово «нет» в качестве отказа, ибо это нарушает гармонию общения и наносит личное

оскорбление другой стороне. Правильная интерпретация этого высказывания возможна только при знании межкультурных различий представителей разных цивилизаций. Ваша тактика — ждать, слушать и вежливо переспрашивать.

И в заключение хотелось бы предложить несколько общих поведенческих рекомендаций в процессе переговоров, независимо от стадии переговорного процесса.

1. Используйте нормативный официально-деловой английский язык. Не старайтесь украсить вашу речь идиомами, различными фразовыми глаголами из повседневной жизни или большим количеством латинизмов. Ваша цель — быть понятным, а не произвести впечатление своими лингвистическими познаниями. Вы есть то, как вы говорите. Деловая репутация вашей компании должна проявляться и в корректной грамотной речи ее сотрудников.

2. Будьте наблюдательны. Старайтесь слушать другую сторону, а не только слышать и прокручивать в голове ваши условия.

3. Не бойтесь прервать собеседника, если вы не поняли, что он имел в виду. Потом может быть поздно трактовать зафиксированное в письменной форме условие. Результатом может стать спор, который придется разрешать посредством арбитража.

4. Все проверяйте и выверяйте до последней буквы, до точки или запятой. Классический школьный пример «Казнить нельзя помиловать» имеет свои аналогии в юридической практике. Это особенно касается таких условий, как *before*, *by*, *not later than*, смысла модальных глаголов в договоре *may*, *will*, *shall*, *is to* и др. На практике вычитка договора может сопровождаться такими вопросами:

- Sorry, I am not familiar with that expression. What do you mean by “high level proposal?”
- Sorry, can I check that?
- When you say “eventually”, what do you mean? Does it mean “finally” or “possibly”?
- Are you saying that you can’t meet the deadline?

5. Перепроверьте числа, даты, номера, сроки, указанное время, буквы в именах, фамилиях и указанных адресах пунктов отправки и доставки.

6. Не используйте длинные, перегруженные предложения. Каждое предложение должно содержать понимаемую мысль.

7. Продумайте формулировки, которые вы собираетесь использовать, проговорите свои мысли и убедитесь, что они содержат *message*, т.е. форма вашего высказывания четко передает содержание.

8. Контролируйте использование невербальных средств, так как они могут выдать ваши истинные намерения или вызвать раздражение контрапартнеров. Вместе с тем научитесь понимать характерные жесты и мимику представителей целевой культуры. Это поможет найти правильный подход к ведению коммуникации, а возможно, и понять недосказанные или намеренно скрываемые мысли ваших деловых партнеров.

Изучение кросскультурных различий и их роли в переговорном процессе представляет, безусловно, обширный и увлекательный аспект элективного курса «Английский язык в сфере договорного права» и способствует повышению мотивации студентов — юристов, получающих специальность «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Калиновская В. В.* Опыт реализации программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (юриспруденция)» в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковом вузе в современной образовательной парадигме : материалы научно-практической конференции. — М., 2014. — С. 35—40.
2. *Калиновская В. В.* Содержание элективного курса в рамках профессионально ориентированного обучения // Будущее российского права: концепты и социальные практики : V Московский юридический форум : материалы XIV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) : в 4 ч. — М., 2018. — С. 226—231.
3. *Нестерова Л. В., Малыхина И. А.* Обучение иностранным языкам в контексте межкультурной коммуникации // Инновации в образовании. — 2017. — № 8. — С. 73—81.
4. *Шрамкова Н. Б.* Переводческая компетенция как неотъемлемая составляющая профессиональной компетенции современного юриста // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 11 (39). — С. 117—121.
5. *Шрамкова Н. Б.* Сущность и специфика межцивилизационных взаимодействий в эпоху глобализации : дис. ... канд. филос. наук / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. — М., 2009.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОДЕКС АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Статья представляет собой анализ перевода Французского кодекса административной юстиции, который был осуществлен при поддержке посольства Франции и ассоциации «Комитас Гентиум». В статье последовательно раскрываются трудности, к которыми пришлось столкнуться во время работы с данным Кодексом.
Ключевые слова: перевод, юридический перевод, административное право Франции, юридическая терминология.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.077-081

M. S. TSAREVA,

Associate Professor

of the Department of Foreign Languages
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

PhD of Philosophy, Associate Professor

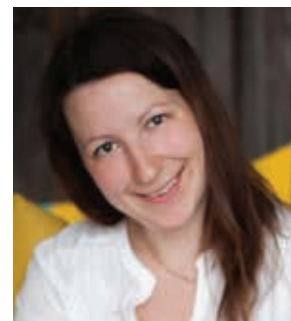
mahen_koln@hotmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

FRENCH CODE OF ADMINISTRATIVE JUSTICE. TRANSLATION EXPERIENCE

Abstract. This article is an analysis of the translation of the French Code of Administrative Justice, which was carried out jointly with the support of the Embassy of France and the Comitatus Gentium Association. The article successively reveals the difficulties that had to be encountered while working with this Code.

Keywords: translation, legal translation, French administrative law, legal terminology.

**Мария Сергеевна
ЦАРЕВА,**

доцент кафедры
иностраных языков
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат философских
наук, доцент
mahen_koln@hotmail.com
125995, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

С е qui est très bon en français, peut être exactement radin en russe¹, écrivait le grand poète russe du XVIIIe siècle, Alexandre Soumarokov sur la traduction des textes littéraires. La traduction des textes juridiques, indépendamment de leurs types, formes ou genres se révèle encore plus compliquée. Par ailleurs ce ne sont pas toujours les termes qui posent les problèmes, même que le plus souvent c'est justement le cas. C'est souvent le style de l'auteur si on parle de la doctrine, l'exactitude de l'exposition des faits si on parle de la documentation juridique et les deux si on est devant les textes législatifs. Comme le dit Jean-Claude Gémard [la singularité

¹ Сумароков А. П. Что очень хорошо на языке французском, то может в точности быть скаредно на русском // Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 114.

de ces textes] «n'est pas sans incidences sur la traduction des textes juridiques, en particulier lorsque le TD (texte de départ) est un texte réglementaire et non de pure communication d'informations (rapport, étude), de connaissances ou de savoir (traité de droit) juridiques»². C'est pourquoi la traduction des textes juridiques c'est toujours le travail de deux côtés — la langue et le droit. Donc le travail de linguiste-traducteur et de juriste-professeur de droit. Ce qui prouve la popularité croissante de la nouvelle discipline qui est la jurislinguistique.

Je voudrais ici faire part du travail sur ce grand texte législatif qui est le Code de la justice administrative (911 articles dans la partie législative et 931 dans la partie réglementaire) et donner un nombre de commentaires concernant les difficultés qu'on a rencontrées.

Tout d'abord il faut préciser que la traduction a été réalisée à l'aide de l'Ambassade de France en Russie et en collaboration avec l'Association Comitatus Gentium France-Russie et plus personnellement Karine Bechet-Golovko, son Président et Elvira Talapina, son vice-Président. Mme la présidente écrit dans son introduction que «La traduction de ce Code français de justice administrative a pour but de donner les moyens au lecteur d'accéder à une information de première main, une information pleine et entière, qui lui permettra d'entrer dans la complexité du système français de mise en œuvre de la justice administrative, au-delà des grands principes qui sont eux mieux connus». Le Code consiste traditionnellement pour la législation française de deux parties — législative et réglementaire. La seconde partie reste plus considérable, plus détaillée et peut-être moins intéressante pour le lecteur russe mais contient plus de spécificités françaises qui aident mieux à comprendre la logique de la justice administrative «à la française».

Le Code français de la justice administrative relève du domaine de législation qui n'a pas d'équivalent réel, exacte dans le champ juridique de la langue de traduction qui est le russe. On doit dans ce cas essayer non seulement de transférer le texte lui-même mais aussi donner plein d'explications, de remarques dans les notes de bas de page et parfois dans le texte, en restant dans le cadre du texte de la loi qui doit être clair, précis et ne pas susciter de malentendus ou confusions.

Il est à noter que les systèmes de la justice administrative sont très différents en Russie et en France. D'où vient le fait que les termes, la logique même du législateur n'est pas toujours clair et a nécessité les explications, les éclaircissements. Ce qui prouve les mots de Jean-Claude Gémard que «outre le statut particulier de la norme juridique, les principaux arguments avancés pour justifier cette singularité sont l'absence de correspondance des concepts et notions entre les systèmes juridiques, la spécificité des langues et des cultures exprimant des traditions sociales parfois fort éloignées les unes des autres et les effets juridiques de l'équivalence»³. Même que le système russe a beaucoup hérité du système de droit français.

De plus le texte législatif français est un texte vivant et lui-même a été modifié plusieurs fois au cours du travail de traduction. Cela est expliqué par le fait que le système de la justice administrative en France vient de passer par la période des réformes et de grandes modifications ont été réalisées et sont en train de l'être. La version définitive en russe a été prise à la date du 1er janvier 2018.

² Gémard J.-C. Les enjeux de la traduction juridique. Principes et nuances // URL: <http://www.tradulex.com/Bern1998/Gemard.pdf>. P. 6.

³ Gémard J.-C. Op. cit. P. 7.

Mais bien sûr le plus grand travail a été réalisé au niveau de la langue, de discours juridique, du corps même du Code de la justice administrative. Comme l'écrit Bernard Thiry dans son étude de la traduction des notions qu'«idéalement, à une notion donnée dans un système doit en correspondre une autre équivalent dans l'autre système ; en ce cas, il y a équivalence parfaite. Les problèmes surgissent respectivement en cas d'équivalence partielle ou d'absence d'équivalence»⁴ Les équivalents parfaites n'ont pas posé de problèmes donc on ne va pas en parler. Par contre les deux autres grands groupes exigent plus de commentaires. Pour ce fait on va conséquemment diviser les difficultés qu'on a rencontrées en deux parties. Premièrement ce sont bien attendu les termes, notions qui ne sont pas de réalité de droit russe et donc il est plus difficile à trouver l'équivalent. Le deuxième groupe va inclure les notions qu'on peut trouver dans le contexte juridique russe mais qui doivent toujours avoir un seul équivalent tout au long du texte du Code.

On va commencer par les notions dont on ne trouve d'équivalent en russe et qui doivent être expliquées. Il convient de préciser que la liste n'est pas bien sûr exhaustive, de plus l'analyse détaillée ne constitue pas le but de cet étude. Il y a eu dans le texte des notions qui sont tout à fait inconnues au lecteur russe. Et on a préféré de calquer ces notions en laissant les commentaires aux notes de bas de page. C'est par exemple «cinquante pas géométriques» (пятьдесят геометрических шагов — Art. L521-3-1) ce qui constitue au droit français le statut juridique appliqué aux territoires d'outre-mer qui définit les conditions d'appartenance d'un certain territoire au domaine public maritime naturel. Un autre terme c'est le droit de panachage (панаширование — Art. R232-9) qui autorise le vote en faveur de candidats de listes différentes.

Encore on a eu un nombre de groupes de mots dont la différence n'a pas été claire si on prenait la traduction directe et il fallait chercher les solutions pas du coup évidentes. Comme le couple «les entités adjudicateurs — pouvoirs adjudicatrices» (Art. L551-1 — 551-19) — «государственные заказчики — организации, выступающими в качестве продавца от имени государственного заказчика» et tout ce qui a été lié à ces processus des transactions au nom de l'État. Puis un exemple plus simple — «demandeur — demandeur à l'action» — заявитель и заявитель по групповому иску (Art. L77-10-9 et autres). La traduction ici était situationnelle. La précision a été exigée par le contexte. La même chose concernait la notion «décret en Conseil d'État» — декрет после консультации Государственного совета (Art. L122-2 et autres) qui constitue le décret qui est pris par les organes normalement investis des pouvoirs législatives, Président ou Premier ministre, mais après l'avis obligatoire du Conseil d'État.

L'autre groupe de notions est «centre de détention (центр содержания под стражей — Art. 776-1 et autres) — centre de rétention (центр административного содержания под стражей Art. R776-16 et autres). Il fallait préciser que dans les centres de rétention se trouvaient les étrangers qui n'avaient pas de carte de séjour et leur séjour en France était illégal tandis que dans les centres de rétention les personnes se trouvaient avant et après la prise de la décision judiciaire. La troisième notion à cet égard est «assignation à résidence», traduite comme «назначение места жительства».

En allant plus loin il faut énumérer plusieurs organes ou postes qu'on devait expliquer pour comprendre les idées du législateur. C'est par exemple le Défenseur

⁴ Thiry B. Équivalence bilingue en traduction et terminologie juridiques : Qu'est-ce que traduire en droit? Université De Genève. Grejut, 2000. URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Thiry.pdf>. P. 6.

des droits — Защитник прав (Art. R.123-3-1), poste qui a été créé suite à la réforme constitutionnelle de 2008 ; la Section des travaux publics du Conseil d'État — Секция общественных (публичных) работ (Art. R123-1), dont les fonctions exactes ne sont tout à fait claires d'après la traduction directe, Autorité de Contrôle Prudentiel et de Résolution — Орган по пруденциально-резолютивному контролю — qui effectue le contrôle des activités des banques et sociétés d'assurance (Art. L311-4), rapporteur public — публичный докладчик — qui n'est pas membre de la formation de jugement (Art. L7) et autres qui parfois sont plus habituels pour le lecteur russe qui parle français par exemple le Garde des Sceaux — министр юстиции — хранитель печатей (Art. L121-1 et autres) ou professions libérales juridique et judiciaires — свободные профессии (Art. R.122-31).

On peut mentionner aussi les notions qui ont exigé la traduction stricte, exacte et unique pour toutes les situations où on les rencontre comme «mémoires en défense — mémoire en intervention» (Art. R431-10 et autres) — меморандум в защиту ответчика и меморандум о вступлении в дело в качестве третьего лица. Ou encore «déclaration d'intérêt — декларация интересов (Art. R231-4 et autres) — déclaration d'honneur» — декларация о честности (Art. R221-13 et autres).

Pour continuer avec les groupes de notions on ne peut pas passer sans attention la différence entre «l'intérêt général et l'intérêt public» — всеобщий интерес и государственный интерес. Ici il convient de préciser que l'intérêt général (всеобщий интерес) ne constitue l'ensemble des intérêts individuels mais l'intérêt public de l'État, donc l'intérêt individuel dans ce cas-là ne coïncide pas toujours avec l'intérêt général.

À titre d'exemple pour donner plus de cas qui ont exigé l'attention importante des traducteurs et rédacteurs pour ne pas confondre les notions et ne pas prêter à confusion le lecteur, on peut énumérer les suivants: secrétariat (секретариат- Art. R132-7 et autres) — greffe (канцелярия суда — Art. R222-4 et autres) — greffier en chef (руководитель канцелярии — Art. R112-1-1 et autres) — secrétaire général (главный секретарь — Art. R226-1 et autres) — greffe de l'audience (секретарь заседания — Art. R226-5 et autres) — greffier (работник канцелярии суда) / secrétaire (секретарь) — Art. R224-10 et autres. Encore : jugement (решение) — décision (постановление) — arrêt (определение) dans l'article R224-10 et autres, où ces presque synonymes dans l'autre contexte exigent des équivalents plus stricts. Cela concerne aussi les types de notifications : notification/ avertissement / communication (y compris électroniques) / avis d'audience/ titre d'imposition (Art. R.522-10-1 et autres) qui ont été respectivement traduits comme уведомление/извещение/сообщение. Pour ne pas trop aller en détail on citera seulement les groupes qui exigeaient aussi une traduction assez concrète et précise. C'est bien sûr le groupe de notions «requête/ demande/recours» qui dans les contextes différents peuvent être traduit comme заявление/ходатайство/требование/жалоба. Et c'est seulement le juriste qui peut d'un cas à l'autre dans chaque situation concrète faire le choix définitif qui se base sur son expérience professionnelle et le sens de la langue de droit ce qui a été fait grâce à Mme Elvira Talapina. Cela concerne aussi les couples de mots plus connus et faciles à particulariser puisque la différence existe en russe aussi — par exemple frais et dépens — издержки и расходы (Art. L761-1 et autres) ou encore pensions, prestations et allocations (Art. R432-3 et autres) traduits respectivement comme — пенсии, льготы и пособия.

En deuxième lieu se trouvait le travail d'unification et d'harmonisation qui a été énorme. Il y a eu même des phrases qu'on devait dégager tout au long du texte qui étaient mot par mot les mêmes et qui ne devaient pas perdre cette uniformité. Aussi que la traduction de différents types des formations du Conseil d'État — de jugement, d'instruction, de droit commun ou dénominations des organes par exemple Commission nationale de contrôle des techniques de renseignement — Национальная комиссия по контролю за осуществлением разведывательной деятельности (Art. L773-3 et autres) où le technique de renseignement a été traduit comme «разведывательная деятельность». Ou encore la Mission d'inspection des juridictions administratives — Постоянная миссия по контролю за административными судами (Art. L112-5 et autres).

Le travail a été long et dur. On a été toujours obligé de revenir au texte, revoir la traduction, prendre ses responsabilités pour les décisions, reformuler pour devenir plus clair, plus exacte, plus compréhensible. La traduction avec toutes les notes et le glossaire doit apparaître cet automne et elle doit être très utile et intéressante pour ceux dont le champ d'intérêt est le droit public, le droit comparé et le droit français en général.

BIBLIOGRAPHIE

1. Сумароков А. П. Что очень хорошо на языке французском, то может в точности быть скаредно на русском // Избранные произведения. — Л. : Советский писатель, 1957.
2. Bélanger Ch., Douyon-de Azevedo S., Michaud N. et Vallée C. «Faut-il être juriste ou traducteur pour traduire le droit ?» : contribution au débat // META. — Vol. 49. — № 2. — Juin 2004. — URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2004-v49-n2-meta770/009370ar.pdf>.
3. Bocquet C. La traduction juridique : Fondement et méthode. — Bruxelles : de Boeck, 2008.
4. Cornu M., Moreau M. Traduction du droit et droit de la traduction. — Paris : Dalloz, 2011 // Actes du colloque tenu à l'Université de Poitiers les 15 et 16 octobre 2009 sur le droit comparé et la traduction.
5. Gawron-Zaborska M. Le fantôme de la traduction littérale dans la traduction juridique. — Université De Genève. Grejut, 2000. — URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/gawron.pdf>.
6. Gémard J.-C. Aux sources de la «jurilinguistique» : texte juridique, langues et cultures // Revue française de linguistique appliquée. — 2011/1. — Vol. XVI. — P. 9—16. — URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2011-1-page-9.htm>.
7. Gémard J.-C. Les enjeux de la traduction juridique. Principes et nuances // URL: <http://www.tradulex.com/Bern1998/Gemard.pdf>.
8. Thiry B. Équivalence bilingue en traduction et terminologie juridiques : Qu'est-ce que traduire en droit? — Université De Genève. Grejut, 2000. — URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Thiry.pdf>.
9. Yuste Frías J. (2000). Les ressources en ligne du traducteur juridique de l'an 2000. — Université De Genève. Grejut, 2000. — URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Yuste.pdf>.

Чарльз ГОДДАРД,

профессор кафедры

международного

частного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

casgoddard@gmail.com

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ПРАВО — ВОЗМОЖНОСТИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. Эта короткая статья дает читателю представление о некоторых методах, используемых в нашем Университете для поддержки студентов, которые хотят стать более опытными в юридическом английском. Она начинается с обзора его важности для студента и предоставляет некоторые детали курсов, их содержание и другие возможности, которые доступны бесплатно, чтобы помочь в приобретении основного навыка для современного юриста.

Ключевые слова: язык, английский, курс, обучение, статьи, юридическое обоснование, верховенство закона, возможность.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.082-084

Ch. GODDARD,

Professor of the Faculty of International Private Law

of the Kutafin Moscow State Law University

casgoddard@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

ENGLISH LANGUAGE AND THE LAW — OPPORTUNITIES IN THE UNIVERSITY

Abstract. This short article gives the reader an insight into some of the methods used at our university to support students who wish to become more proficient in Legal English. It begins with an overview of its importance to the student, and provides some details of courses, their contents and other opportunities which are available free of charge to assist the acquisition of a major skill for the modern lawyer.

Keywords: language, english, course, training, articles, legal reasoning, rule of law, opportunity.

The topic of language and law is not a new one. It is not simply a matter of using language well — accurately, clearly, succinctly, effectively — but also about the choice of language itself. All too often, we hear lawyers sprinkling Latin words and phrases into their articles and speeches — in some way believing that their use enhances the argument — or justifies increased fees. The reader is undoubtedly already familiar with the power of words, and the effect — some might say “shock effect” — of injecting foreign language into legal argument.

Sometimes we hear Russian lawyers using English words in a similar way — and horrifyingly we also see the Russian language becoming adulterated with new words such as «кофе-брейк» and «тайм-менеджмент». Nevertheless, this is not enough. The modern lawyer, and our students deserve more, and they need more

than the ability to simply and indiscriminately scatter seeds of foreign language(s) into their work.

We have a small but distinguished core of elite students who actively seek to improve their ability to work in their chosen profession, by acquiring professional grade fluency in one or more non native languages. The programmes to obtain, through 4 years of additional study, the diplomas of translators in the professional sphere of law are not for the faint hearted. There are courses for English, French, German, Spanish and Chinese. In addition, the Faculty of International Moot Competitions promotes university team participation in English language international moot competitions — where students have to research, write, and orally present arguments from difficult international problems set in English. On average, we see perhaps no more than 40 or 50 such students each year who, on the top of their own studies, (often including an additional translation Diploma as well) choose to spend their free time on such moot programmes. Typically, the moot teams meet two or three times a week, with communications in English though closed social media platforms like VKontakte.

The teaching of legal English is a highly specialised field — a field that is complicated by the fact that Russian students in their timetables have almost no contact with the common law of England and Wales — nor parallel common law systems such as those in America or Australia. A relatively superficial knowledge may be acquired because of translation diploma studies — sufficient to understand and communicate, but legal working in English is a different matter entirely. Our university offers free lectures in English on various English law topics — both theoretical and practical — on Friday nights. These are given by myself, and are designed to be interactive, with practical writing exercises, verbal presentations and advocacy training, as well as theoretical foundations of knowledge in key areas of law.

The intention is to equip those students who want to join English language moot court competitions with sufficient legal knowledge and English language enhancements to give them the confidence and ability to “take the plunge”. Examples of work include enhancements to reading and writing, research and advocacy skills of a form that are given in international universities — where there are differences to what they might have experienced thus far in their training. One example is the “essay” form of end of year examination assessment, which is very different to the “ticket” type of assessment where the questions are known in advance. The essay type of assessment is founded in a different system of law — the common law system — where a significant portion of the study time is devoted to understanding the facts and reasons that exist in a family of cases upon a particular topic of law. Assessments are based on questions that explore these reasons with a series of facts or propositions — and the student meets the questions only on the day of the examination — and has 30 minutes per question to demonstrate mastery of the topic being examined.

There is no suggestion that either system is better or worse — they are simply different. Students from one system, meeting students from another system should have an appreciation of how they were trained, for it will give insights into their approach to problem solving and team working with professionals from a background different to theirs. These are two core skills needed in the professional workplace. Thus, students joining the programme of lectures and practical work in English on Friday nights are taken very quickly out of their “comfort zone”. The lectures are not only in English

from a native speaker at native speed (perhaps the first time they will have had this), they also cover materials that will be largely unfamiliar to them, with challenges and interactions in English. They are supported with a closed VKontakte group, where materials are posted, and they can interact with them and each other. The lectures are by no means passive — where students can simply switch themselves to “receive”, and settle back to play with their smartphones. Each week they have to present interesting topics of law they have found during the week, and they tell us about the chapter of the law reader with which we are working. At the time of writing, this is “The Rule of Law” by Lord Bingham, former Lord Chief Justice of England and Wales.

Often, we move into debates on legal topics, encouraging legal thinking —with questions designed to make them think in ways they might not have imagined. Recent topics have included discussions on Theft under English law (followed with a real life example, which they had to analyse) and what regulations (if any) should apply to gyroscope hoverboards and kick-scooters on pavements. It is surprising how fast our students improve with this immersive approach to training, and evenings fly by thanks to an atmosphere of enjoyment in exploring the law together.

The English language law journal of the University — Kutafin Law Review Journal — encourages academic grade scholarship where students and academics at a senior level can submit academic papers for publication. Generally, we seek papers from Candidates or Doctors, but we now permit shorter contributions of case reports or book reviews from less advanced authors. These are more suited to the student beginning to get to grips with new language, thinking in English (not translating) and different subjects of law. There is no charge for publishing papers or reviews, and we do all proof reading free as well, using native speakers. We will also give you help, support and guidance — so if you have an idea of something you would like to do, we will be pleased to talk to you further. You can contact us through the university website, or through the journal office in room 234.

We have been successful in attracting some new and highly distinguished people to our Editorial Team of Academic Consultants because of our vision of using our Journal to support Legal English studies in our university. Full details are on our website — but we are now joined by the Professors of Jurisprudence and International Private Law from Oxford University, the Professor of Real Property Law from Cambridge University, and the Professors of International Private Law and European Law from the London School of Economics, which is part of London University.

There are therefore no obstacles whatsoever to any student who wishes to upgrade their Legal English capabilities to professional grade ability. If you are reading this, by all means, come along and join in on Friday nights in Hall 3 at 6pm. We will be delighted to welcome you.

ПРОВЕДЕНИЕ ИМИТАЦИОННОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ К ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

Аннотация. Целью статьи является описание этапов проведения имитационного судебного процесса при обучении студентов-юристов английскому языку. В статье подчеркивается важность данного вида учебной деятельности для профессионально ориентированного обучения студентов иностранному языку и содержится подробная информация о различных видах заданий, которые могут использоваться в процессе подготовки к учебному судебному процессу, как в плане языка судебного разбирательства, так и в плане этикета.

Ключевые слова: имитационный судебный процесс, гипотетические судебные дела, этапы подготовки к имитационному судебному процессу, ведение судебного разбирательства, стандартные судебные фразы, судебные нормы и обычаи.

**Екатерина Андреевна
ДЕГТЯРЕВА,**

доцент кафедры
английского языка
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат социологических
наук

katerina742003@mail.ru
125993, Россия, Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.085-089

E. A. DEGTYARYOVA,

Associate Professor of English Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of sociological sciences

katerina742003@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

HOLDING A MOCK TRIAL IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL COMMUNICATION TO LAW STUDENTS

Abstract. The article focuses on the steps of holding a mock trial in teaching English to law students and the importance of a simulated court for professionally oriented language teaching. The paper details different types of tasks in terms of court language and etiquette that can be used while preparing for a mock trial.

Keywords: mock trial, hypothetical cases, steps in the preparation for a mock trial, court procedures, common court phrases, judicial rules and traditions.

Playing roles in an ESP class is an effective technique to improve students' speaking and intensify learning. Playing roles in a mock trial has one more advantage for law students: it helps students to familiarize themselves with legal proceedings based on common law jurisdiction and compare them with those of their own country. In fact it is a technique of using CLIL methodology in a non-linguistic

© Е. А. Дегтярева, 2020

higher educational institution. Subject-language integrated teaching helps students to develop linguistic and academic skills which are necessary for learning both the subject and the language. Russian scholars think that realization of interdisciplinary links is “one of the most progressive concepts of methodology and pedagogy”¹.

Mock trial is a method to teach students to argue both sides of a hypothetical legal issue using proper procedures. It is considered a specific form of stimulation in which students are asked to argue points of law before a stimulated court. It is important that students acquire different public speaking skills such as body language, maintaining eye contact, articulating clearly, speaking with conviction, etc.

Holding a mock trial in a foreign language class will require preparation both in terms of the language and court rules. The mock trial can serve as follow-up activity after watching a law-related feature film in a foreign language. A good example is a court hearing of an insurance case in the film “The Rainmaker”. The plot of the film can also be chosen for playing out a criminal court trial. The latter case will require more imagination and creativity on the part of the students. For the topic teachers can also choose situations from literature such as an episode with a court trial in “Alice in the Wonderland” which has the element of a parody or situations from some serious novel. As newspapers regularly cover high profile cases they can be a good source of topics for a mock trial. Teachers can use hypothetical cases that address matters of current political and constitutional importance. In fact any civil dispute can serve as basis for a mock trial that is why it would be useful to end some topics from the textbook with a mock trial. As an alternative students can play out a trial based of the court requirements of their own jurisdiction.

Preparation for a mock trial should be started with revising court procedures. In the adversarial model the judge is required to listen passively to both sides of the case and then to make a decision. The lawyers take the largest share of action. So students can be asked to discuss the duties of the participants of a court trial. For this purpose teachers can give true or false statements so that students could react to them and extend the information contained in the statement, e.g.:

1. “Both prosecutors and defense attorneys have similar duties.” (True: They have a duty to examine the facts of the case and decide what evidence to present and how to best present it to convince a judge or jury.)

2. Court staff rules on motions made by either party. (False: It is the judge who decides it).

Then it is important to revise the steps in the trial. It can be done with the help of the following task:

Rearrange the steps in the trial in proper order.

1. Opening statement from the Defense.
2. Opening statement from the Prosecution/Plaintiff.
3. Presenting the Prosecution's/Plaintiff's Evidence.
4. Closing Arguments/Statement from the Prosecution/Plaintiff.

¹ *Haleeva I. I. Lingvisticheskoe obrazovanie v Rossiyskoy Federatsii v usloviyah ustoichivogo razvitiya: ekologo-sotsialniy podhod [Linguistic Education in the Russian Federation under Sustainable Development: Ecological and Social Approach]. Moscow : MGLU Publ., 2013. P. 29.*

5. Presenting Defense's Evidence.
 6. Closing Arguments/Statement from the Defense.
 7. The Verdict/Award
- (Answer key: 2, 1, 3, 5, 4, 6, 7.)

The language used in a court room is strictly regulated. Teachers can give students a list of English standardized expressions and set phrases used in courts. These court phrases can be divided into several categories.

Court phrases are expressed in different ways. Some common court phrases are imperative sentences, either in the affirmative form or in the negative one, e.g.:

- State your full name for the record.
- Call your next witness.
- Don't volunteer explanations of your answers.
- Don't discuss the case.

This category also contains more polite forms of imperative sentences, e.g.:

- Please proceed.
- Will the prospective jurors please stand?
- Would you raise your right hand?

Other court phrases include sentences with modal verbs of obligation, where *have to* expresses a strong obligation or a general obligation based on law or authority; *must* expresses a strong obligation that involves the speaker's opinion; *should* expresses a mild obligation, suggestion; *be to* is applied to express order or prohibition (in the negative form), e.g.:

- Bail should be continued.
- As jurors you are not to be swayed by sympathy.

This category also includes sentences with modal verbs of permission, e.g.:

- You can resume your seat.
- You may cross-examine, counsel.
- Some court phrases express requests for information or permission.

Court phrases expressing requests for information requiring a 'Yes' or 'No' answer are general questions, e.g.:

- Are you familiar with this?
- Do you recall making this statement?
- Would you like to say anything on your own behalf?
- You and each of you, do solemnly swear (or affirm) that you will well and truly try this case before you, and a true verdict render, according to the evidence and the law so help you God? (Oath to jurors on trial)

More often requests for information are expressed by special questions or less frequently by general questions, presenting some alternative, e.g.:

- How are you employed?
- Have you been threatened or coerced into pleading guilty?

Requests for permission are mostly general questions beginning with modal verbs 'may' or 'could', e.g.:

- Could I have a brief voir dire?
- May we have a short recess?

Sometimes requests for permission represent motions set forth by one of the parties, e.g.:

— I move to strike (the answer, etc.).

It is important to mention that some courtroom phrases are just statements. Generally statements are simple sentences either in the affirmative or negative form, e.g.:

— I have a procedural matter.

— The defendant has not made his bail yet.

Very often the statements are expressed by one-member and elliptical sentences, e.g.:

— Objection.

— Motion denied.

When introducing courtroom phrases in a classroom it is proper to ask students to explain what situation each phrase is used in. Following this task, students can be asked to sort out who these phrases belong to. Teachers should elicit full answers from their students, e.g. when discussing the question “Have you reached the verdict?” students are supposed to give explanation in different ways: It is what the judge asks after the jury return from the room for deliberation” or “Judges always ask this question when it is time to hear the jury’s verdict”.

The judicial system is full of rules and traditions. It is important that students should know the etiquette of the courtroom. For this purpose students can be asked to do the following exercise:

Choose the appropriate answer:

1. To address the court begin by saying:

a) Ladies and Gentlemen!

b) May it please the Court!

c) May I speak?

2. You address the judge as:

a) Your Honor;

b) Your majesty;

c) Your Excellency.

3. You address a female attorney as:

a) Mrs. (Last Name);

b) Miss (Last Name);

c) Ms (Last Name).

4. Witnesses are sworn in by:

a) the judge;

b) the jury;

c) the clerk.

5. Litigants make their statements or present their testimony to:

a) the other party;

b) the other party’s attorney;

c) the judge.

6. When you are done speaking you thank:

a) the jury;

b) the judge;

c) all participants of the trial.

(Answer key: 1b, 2a, 3c, 4c, 5c, 6b.)

The next step in the preparation for a mock trial is assignment of roles. Usually students prefer to choose their roles themselves. As their home task students are to create questions for direct examination and cross-examination. Besides, each party is to prepare their witnesses and create opening and closing statements. With modern technologies at hand it is no problem for students nowadays to communicate and discuss the case in the comfort of their homes.

After the mock trial it is necessary to discuss its results with the class. Teachers should provide feedback on students' strengths and weaknesses as far as the language and professional skills are concerned.

Law teachers who practice such activities in class state that at six weeks after the lesson in the form of a simulated court trial retained knowledge of the material amounts to 33, 2 per cent while in case of traditional class activities it amounts only to 5 per cent².

REFERENCES

1. *Haleeva I. I.* Lingvisticheskoe obrazovanie v Rossiyskoy Federatsii v usloviyah ustoichivogo razvitiya: ekologo-sotsialniy podhod [Linguistic Education in the Russian Federation under Sustainable Development: Ecological and Social Approach]. — Moscow : MGLU Publ., 2013.
2. *Kuzmina A. V.* Imitatsionniy sudebniy process kak metodika provedeniya auditornyh zanyatiy v yuridicheskikh vuzah // Pravo i obrazovanie [Simulated Court Procedure as a Method of Teaching in a Law Higher Educational Institution // Law and Education]. — 2010. — No. 8.

² *Kuzmina A. V.* Imitatsionniy sudebniy process kak metodika provedeniya auditornyh zanyatiy v yuridicheskikh vuzah // Pravo i obrazovanie [Simulated Court Procedure as a Method of Teaching in a Law Higher Educational Institution // Law and Education]. 2010. No. 8. P. 63.

**Наталья Федоровна
ЕЖОВА,**

доцент кафедры
юридического перевода
Института юридического
перевода
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических
наук, доцент
nezhova@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА В ИЗУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме изучения иностранного языка в неязыковом вузе. Особую актуальность и значимость приобретают вопросы поиска инновационных методов преподавания английского языка студентам-юристам в условиях реализации ФГОС во (3++). Автором рассматривается в качестве определяющего направления компетентностный подход, а рамках которого одним из эффективных методов в изучении профессионального английского языка является использование метода проектов. В статье акцентируется внимание на специфике использования данного метода, а именно его влиянии не только на актуализацию языковых знаний и умений студентов, но и на их личностное и профессиональное становление в целом.
Ключевые слова: ФГОС во (3++), инновационные методы, метод проектов, обучение английскому языку, студенты-юристы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.090-096

N. F. EZHOVA,

Associate Professor of the Department of Legal Translation
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
nezhova@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

USE OF PROJECT METHOD IN LEARNING THE PROFESSIONAL ENGLISH LANGUAGE BY LAW STUDENTS

Abstract. This article is devoted to the problem of learning a foreign language in a non-linguistic University. It is relevant and important to search innovative methods of teaching English to law students in the context of the implementation of FSES (3++) . The project method is considered to be effective.
Keywords: FSES (3++), innovative methods, project method, English language teaching, law students.

В российских вузах на современном этапе изучение иностранных языков является обязательным как для получения образования, так и для профессионального становления специалиста в области юриспруденции, определяя его личностный гуманитарный потенциал как «многоязычной и поликультурной личности, владеющей новым языковым кодом и приобщившейся к новой нацио-

нальной культуре»¹. Кроме того, современное общество направлено на обучение и воспитание конкурентоспособных специалистов, особенно в области юриспруденции. Юристы должны быть способны владеть коммуникативными компетенциями на профессиональном иностранном (английском) языке. Следовательно, решение задачи обучения профессионально ориентированному иностранному языку является актуальным в современном вузе.

Как утверждают М. Р. Нурхамитов и Н. В. Геркина, «расширение международных контактов создает благоприятные условия для престижа дисциплины “иностранный язык — английский в сфере юриспруденции” в высших учебных заведениях. В связи с этим актуальным становится вопрос о повышении качества учебного процесса по данной дисциплине и о поиске новых, более эффективных методов и способов обучения студентов-юристов»².

«Профессия юриста требует от человека принятия быстрых и нестандартных решений, умений быстро и грамотно адаптироваться к новым и нестандартным профессиональным ситуациям. Обществу нужен специалист, самостоятельно и критически мыслящий, который способен видеть проблему и творчески ее решать. Профессия требует формирования у студентов бакалавров самостоятельности и инициативы в приобретении новых знаний в вузе, а затем и в последующие годы»³.

Следовательно, приоритетным в профессиональном образовании студентов-юристов выступает процесс повышения требований к психологическим характеристикам личности, уровню профессионализма и, соответственно, психологической готовности. Очевидным является тот факт, что эффективность личности в профессиональной деятельности взаимосвязана с уровнем квалификации, знаниями и умениями, уровнем интеллекта и эрудиции.

Целью обучения в вузе является овладение студентом профессиональными компетенциями в определенных видах профессиональной деятельности. Бакалавр по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» должен решать следующие профессиональные задачи в рамках вышеуказанных типов задач профессиональной деятельности:

- «нормотворческий тип задач: участие в разработке нормативных правовых актов и их подготовке к реализации;
- правоприменительный: обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм; составление юридических документов;
- правоохранительный: обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства; охрана общественного порядка; пред-

¹ Нурхамитов М. Р., Геркина Н. В. Особенности преподавания английского языка для студентов-юристов в университете // Novainfo.ru. 06.01.2017. № 58-1. URL: <https://novainfo.ru/article/10275> (дата обращения: 08.07.2019).

² Нурхамитов М. Р., Геркина Н. В. Указ. соч. С. 34.

³ Ежова Н. Ф. Исследовательская деятельность студентов-юристов на занятиях английского языка // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук / Воронеж. гос. ун-т инженерных технологий. 2017. Вып. 5 (18) : Актуальные проблемы языковой подготовки в неспециальных вузах : материалы VI Международной научно-практической конференции. С. 56.

упреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование правонарушений; защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;

- экспертно-консультационный: консультирование по вопросам права; участие в осуществлении правовой экспертизы документов»⁴.

Каждый из видов профессиональной деятельности студента-юриста требует владения целым рядом компетенций. Для достижения высокого уровня владения профессиональными компетенциями юридического образования необходимо, в свете реализации стандарта ФГОС ВО (3++), осуществлять поиск инновационных форм обучения.

Инновационные формы профессионального обучения, как правило, должны быть направлены на высокий уровень коммуникативного владения иностранным языком, на основании чего активно включать студентов-юристов в их учебно-профессиональную деятельность. Владение иноязычной компетенцией позволяет успешно решать поставленные профессиональные задачи в рамках ФГОС ВО (3++).

Как справедливо отмечают С. В. Кузнецова, Д. В. Грамма, «в течение многих лет преподавание английского языка было посвящено изучению общего английского языка. Наступило время обучать профессиональному английскому языку. Профессионально ориентированное обучение английскому языку, изучение английского языка для специальных целей зародилось как научное направление в 1960-х годах за рубежом и является актуальным в наши дни. По данным ЮНЕСКО, в настоящее время 45 процентов мировой научно-технической литературы публикуется на английском языке. Современное общество требует конкурентоспособных специалистов, способных общаться на профессиональном иностранном языке по своей специальности»⁵.

Основная цель обучения иностранным языкам — формирование коммуникативной компетенции, что предусматривает не только практическое владение иностранным языком, но и умение работать с информацией: печатной, звуковой на разных носителях, т.е. владение критическим и творческим мышлением. При организации исследовательской деятельности студентов на занятиях английского языка необходимо развивать навыки исследовательской работы, умение рассуждать, анализировать, развивать мысли, аргументировать суждения, доказывать свою точку зрения.

Целью освоения дисциплины «Иностранный (английский) язык в сфере юриспруденции» является овладение навыками «профессионального общения на иностранном языке, публичного выступления на иностранном языке по профессиональной тематике, чтения юридической литературы с целью извлечения профессиональной информации; овладение лексикой и фразеологией английского языка, отражающих основные направления права; перепиской на английском

⁴ Примерная основная образовательная программа по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень — бакалавриат) // URL: https://www.msal.ru/upload/medialibrary/367/prilozhenie_2.pdf (дата обращения: 08.07.2019).

⁵ Кузнецова С. В., Грамма Д. В. Некоторые вопросы обучения профессионально ориентированному английскому языку // Инновационная наука. 2015. № 12. С. 229—230.

языке; основами реферирования, аннотирования и перевода англоязычной специальной литературы»⁶.

Таким образом, языковая подготовка студентов-юристов должна напрямую сопровождать профессионально направленную подготовку в вузе и быть практикоориентированной. Традиционное преподавание иностранного языка было основано на приемах чтения и перевода иноязычных текстов. Современный ФГОС ВО требует ориентации на практическое владение иностранным языком. Кроме того, для самостоятельного изучения языка отводится более половины учебного времени студентов. Самостоятельная работа включает работу в интернет-источниках, поиск информации, работу с интернет-источниками, подбор литературы по теме, поиск и анализ документации, профессиональных текстов и т.д.

Интернет-сайты расширяют кругозор обучающихся, повышают мотивацию к обучению иностранному языку, способствуют развитию навыков чтения, перевода, расширению словарного запаса. Плюсы данного вида деятельности еще и в том, что студент получает возможность ее самостоятельной организации в удобное для себя время. Контроль со стороны преподавателя проводится в виде «круглых столов» с демонстрациями презентаций и устным обсуждением различных тем. Такой вид занятий, как правило, пользуется популярностью среди обучающихся и отличается высокой результативностью.

Как справедливо указывает А. Ю. Оконешникова, «это способствует адаптации к современным социальным условиям, так как обществу нужны люди, быстро ориентирующиеся в современном мире, самостоятельные и инициативные, достигающие успеха в своей деятельности. В основе любой инновационной деятельности лежит творческое начало. Творческая деятельность предполагает развитие эмоциональной и интеллектуальной сфер личности. Это одна из главных задач современного образовательного процесса. Учебная деятельность требует применения конкретных технологий, обеспечивающих решение данной задачи. Таковыми являются инновационные формы обучения: ролевая игра, метод проектов, ИКТ, приемы технологии критического мышления, многомерная дидактическая технология»⁷.

Метод проектов направлен на стимулирование интересов студентов к изучению иностранного языка, что напрямую определяет их учебную мотивацию. Студенты могут реализовать не только свои профессиональные и личностные интересы, но и совершенствоваться как профессионалы в реализации коммуникативной иноязычной компетенции, в свободном ведении беседы, понимании аутентичных текстов, в ориентировании в нормативно-правовых материалах неанглоязычных стран и т.д. Таким образом, метод проектов позволяет студентам-юристам успешно освоить все компоненты иноязычной компетенции, а глав-

⁶ Мангушев С. В. Методика преподавания иностранного языка в сфере юриспруденции (рецензия на учебник «Legal English: Quick Overview: Иностранный язык в сфере юриспруденции: английский язык») // Журнал педагогических исследований. 2016. Т. 1. №. 4. С. 22.

⁷ Оконешникова А. Ю. Инновационные формы обучения на уроках английского языка как средство повышения результативности обучения // Концепт. 2017. Т. 25. С. 229—231. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770564.htm>.

ное — позволяет студентам перейти от механизма усвоения готовых знаний к их самостоятельному добыванию и осознанному приобретению.

Метод проектов также учит студентов не только пользоваться языковыми знаниями и владениями, но и развивает их познавательную сферу, способствует развитию творческого и вместе с тем критического мышления, умению сотрудничать в группах, организовать свою деятельность.

Работа в проектах может осуществляться как индивидуально, так и в группах, коллективах студентов. Это могут быть простые ознакомительные проекты и межгрупповые проекты в форме коллоквиума, заседания кружка и т.п. Проект может осуществляться как в рамках учебных занятий, так и отдельно, если требует большей продолжительности времени.

Проекты могут быть выполнены в следующих видах:

- 1) информационно-реферативные творческие работы, написанные на основе нескольких источников с целью наиболее полного освещения какой-либо проблемы;
- 2) проблемно-реферативные работы, предполагающие сопоставление данных разных литературных источников, на основе которого дается собственная трактовка поставленной проблемы;
- 3) экспериментальные работы, описывающие научный эксперимент, имеющий известный результат;
- 4) натуралистические и описательные работы, направленные на наблюдение и качественное описание какого-либо явления (работы, выполненные в этом жанре, не имеют научного подхода);
- 5) исследовательские, творческие работы, выполненные с помощью корректной методики, имеющей собственный экспериментальный материал.

Организация проекта требует соблюдения следующих этапов:

- выбор формы работы (индивидуальной, групповой, коллективной);
 - формулировка цели и постановка задач проекта;
 - построение плана работы, выделение актуальных, своевременных тем и проблем исследования;
 - установление междисциплинарных связей (юриспруденции, лингвистики, педагогики и т.п.);
 - выбор видов отчетов (письменные, устные, презентация, коллоквиум, круглый стол и т.п.);
 - проведение мониторинга исследуемых вопросов внутри проблемы, в области политики, экономики, нормативно-правовых особенностей русско- и англоязычных стран, государств);
 - разработка критериев оценки проекта (его актуальность, широта и глубина решаемых вопросов, логика и структура изложения, наличие новизны в решении проблемы, грамотность оформления, владение языковой компетенцией и т.п.).
- Таким образом, метод проектов позволяет решать ряд задач:
- формирование мотивации профессионального обучения как по специальности, так и языкового;
 - успешное усвоение новых знаний, умений;
 - овладение новыми инновационными формами работы (написание эссе, презентация, работа с сайтами, подготовка кейса, проведение анкетирования и т.д.);

- овладение устными формами выступления (проведение коллоквиума, мозговые штурмы, представление презентации и т.п.);
- формирование коммуникативных навыков;
- совершенствование работы с источниками на иностранных сайтах, составление аннотаций, подбор анкет и т.п.;
- интегрирование междисциплинарных знаний при решении проблемного вопроса;
- навык самостоятельной работы с иностранными источниками;
- творческое мышление для нахождения нестандартного, нового решения искомого вопроса на иностранном языке.

В конце занятия необходимо подвести итог. Так, например, студентам надо ответить на вопросы:

- что нового они узнали в языковом отношении (новые слова, выражения, употребления слов и выражений в различных коммуникативных, правовых ситуациях и т.д.);
- как меняется ситуация общения в процессе коммуникации;
- в чем личное развитие каждого студента при реализации данного проекта;
- какими средствами и формами поиска информации, усвоения знаний и выработки умений овладели студенты.

Особое значение в изучении профессионального английского языка следует уделить изучению терминологии. Необходимо проследить употребление русской и англоязычной терминологии в разных англоязычных государствах. Этому виду работы можно посвятить отдельные проекты.

В своих исследованиях В. Г. Павленко отмечает: «В результате проведенного исследования приходим к выводу, что использование метода проектов повышает мотивацию, интерес к английскому языку, стимулирует изучение грамматики и лексики, помогает вовлечь студентов в иноязычную речевую деятельность. Так как проектная методика является новой педагогической технологией обучения, то она представляет собой альтернативу традиционной классической системе. Традиционный подход в образовании направлен на усвоение и воспроизведение учебного материала и развитие необходимых умений. Что касается проектной методики, то она делает преподавание проблемно ориентированным и стимулирует у студентов умение формулировать собственные суждения»⁸.

Следовательно, в основе обучения профессиональному английскому языку студентов-юристов лежит компетентностный подход, определяющий ряд основных профессиональных задач, при решении которых требуется освоение соответствующих компетенций. Успешное овладение ими в юриспруденции возможно при освоении на высоком уровне иноязычных коммуникативных компетенций. Метод проектов является эффективным условием для овладения профессиональными иноязычными компетенциями. Участие в проектных работах, несомненно, повышает уровень практического владения иностранным языком, формирует навыки самостоятельной языковой деятельности, а также поднимает совершенно новый

⁸ Павленко В. Г. Использование проектного метода при обучении английскому языку в неязыковом вузе // Концепт. 2015. № 11 (ноябрь). С. 21—25. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15379.htm>.

пласт междисциплинарных связей. Интеграция и систематизация межпредметных связей создает условия для относительной самостоятельности студентов в изучении дисциплин междисциплинарного блока и организации личностно ориентированного учебного процесса.

Таким образом, использование проектного метода в изучении профессионального английского языка студентами юридического вуза является важным условием их профессионального становления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ежова Н. Ф.* Исследовательская деятельность студентов-юристов на занятиях английского языка // *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук* / Воронеж. гос. ун-т инженерных технологий. — 2017. — Вып. 5 (18) : Актуальные проблемы языковой подготовки в неспециальных вузах : материалы VI Международной научно-практической конференции. — С. 61—66.
2. *Кузнецова С. В., Грамма Д. В.* Некоторые вопросы обучения профессионально ориентированному английскому языку // *Инновационная наука*. — 2015. — № 12. — С. 229—230.
3. *Мангушев С. В.* Методика преподавания иностранного языка в сфере юриспруденции (рецензия на учебник «Legal English: Quick Overview: Иностранный язык в сфере юриспруденции: Английский язык») // *Журнал педагогических исследований*. — 2016. — Т. 1. — №. 4.
4. *Оконешникова А. Ю.* Инновационные формы обучения на уроках английского языка как средство повышения результативности обучения // *Концепт*. — 2017. — Т. 25. — С. 229—231. — URL: <http://e-koncept.ru/2017/770564.htm>.
5. *Нурхамитов М. Р., Геркина Н. В.* Особенности преподавания английского языка для студентов-юристов в университете // *Novainfo.ru*. — 06.01.2017. — № 58-1. — URL: <https://novainfo.ru/article/10275> (дата обращения: 08.07.2019).
6. *Павленко В. Г.* Использование проектного метода при обучении английскому языку в неязыковом вузе // *Концепт*. — 2015. — № 11 (ноябрь). — С. 21—25. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/15379.htm>.
7. Примерная основная образовательная программа по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень — бакалавриат) // URL: https://www.msal.ru/upload/medialibrary/367/prilozhenie_2.pdf (дата обращения: 08.07.2019).
8. *Скобелева О. О.* Моделирование курса интегративных занятий по английскому языку и литературе в юридическом ведомственном вузе // *Самарский научный вестник*. — 2017. — Т. 6. — № 3.

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В РАМКАХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам применения современных образовательных технологий при обучении иностранному языку, в частности использованию образовательных технологий в контексте изучения профессионально ориентированного иностранного языка в рамках освоения дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки.

Ключевые слова: образовательные технологии, дополнительное профессиональное языковое образование, профессиональная коммуникация, профессиональная межкультурная компетенция, межкультурная коммуникация, иностранный язык для специальных целей.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.097-100

**Ольга Владимировна
ЯШИНА,**

заместитель директора
Института юридического
перевода, доцент кафедры
юридического перевода
Института юридического
перевода Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

ovjashina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

O. V. YASHINA,

Deputy Head of the Department of legal translation,
Associate Professor of Legal translation Faculty
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ovjashina@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE IMPLEMENTATION OF CONTEMPORARY PROGRESSIVE TEACHING METHODS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE FRAMEWORK OF ADDITIONAL EDUCATION

Abstract. The article deals with the problems of educational technologies, contemporary progressive teaching methods used for professional language teaching. The use of these technologies in the framework of additional language education. Special attention is given to learning language for specific purposes and different additional language programs that provide professional language training.

Keywords: teaching methods, educational technologies, additional professional language training, professional cross-cultural communication, professional cross-cultural competence, cross-cultural communication, foreign language for specific purposes.

Для обеспечения необходимого, достаточного уровня подготовки специалистов для современного рынка труда требуются новые подходы и технологии в системе образования. Важнейшим требованием к уровню и качеству образования любого специалиста, помимо профессиональных знаний, становится знание иностранных языков и компьютерных технологий. Однако основные образовательные программы не всегда предусматривают возможность получения не только профессиональных знаний, умений и навыков, но и языковых компетенций. Следует также отметить, что для квалифицированного специалиста недостаточно просто знать язык на общебытовом уровне, но необходимо уметь осуществлять профессиональную коммуникацию¹.

Основной целью обучения иностранному языку для профессиональных (специальных) целей становится формирование коммуникативных компетенций по использованию полученных знаний применительно к своей профессии. Дополнительное профессиональное образование имеет на сегодняшний день в своем распоряжении многие средства информационно-коммуникационных технологий для изучения учебного материала — электронные учебники, телеконференции, вебинары, видеоуроки, используемые в дистанционном обучении; электронные учебно-методические пособия; учебные презентации и видеоролики; программы, автоматизирующие контроль знаний в виде тренировочных и итоговых тестов; а также информация из Интернета, интернет-словари и справочники, чаты, форумы, электронная почта и др.

Благодаря данным технологическим средствам актуализируется содержание обучения, возможен интенсивный обмен между субъектами образовательного процесса. При этом обучающийся не должен быть пассивным слушателем, получающим полезную для практической работы информацию из чужих уст. С внедрением новых технологий он становится активным участником, приобретающим в ходе обучения мощный стимул для профессионального роста, творческого развития и самообразования².

Задача преподавателя дополнительного образования состоит в том, чтобы создать условия практического применения иностранного языка. Обучение иностранному языку априори практикоориентированно, поскольку только практическая его направленность может способствовать наилучшему усвоению материала и формированию тех необходимых знаний, умений и навыков, которые присущи свободному профессиональному общению.

Задача в том, чтобы выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому обучающемуся проявить свое творческое начало и активность. Выбор образовательных технологий для достижения поставленных целей объясняется потребностью формирования у обучающихся комплекса общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых для осуществления межличност-

¹ *Boymurodova F.* Contemporary approaches and methods in teaching english language // International scientific review of the problems of philisophy, psychology and pedagogy collection of scien-tific articles : XII International correspondence scientific specialized conference / ed. by Emma Morgan. Boston, 2019. С. 55—59.

² *Бозоров А. А.* Использование информационно-коммуникационных технологий на уроках английского языка // *Academy*. 2019. № 3 (42). С. 60—63.

ного профессионального общения, сотрудничества в условиях межкультурной коммуникации.

Главную роль в качественном овладении иностранным языком играет использование современных образовательных технологий.

Что же подразумевается под современными образовательными технологиями и использование каких технологий лучше всего отвечает этим целям?

Образовательная технология — это комплекс методов, правил и педагогических приемов, которые воздействуют на обучение, развитие и воспитание обучающихся. Современные образовательные технологии на занятиях иностранного языка — это четко сформулированный процесс взаимодействия преподавателя и обучающегося, необходимый для достижения определенной цели.

Активно внедряется в процесс обучения появившаяся довольно давно технология коммуникативного обучения. Цель — формирование коммуникативной компетенции, умения общаться на иностранном языке. В случае профессионального обучения это умение общаться не только в условиях межкультурной языковой среды, но и в профессиональном мультиязычном сообществе. Коммуникативный подход не только моделирует общение, но и помогает создать психологическую и языковую готовность к общению³.

Технология разноуровневого (дифференцированного) обучения направлена на осуществление обучающимся познавательной деятельности с учетом его индивидуальных особенностей, личных возможностей, уровня базовой языковой подготовки, желаний и интересов. Такой подход поощряет его к реализации его творческого потенциала.

Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) призваны расширить рамки образовательного процесса, повысить его практическую направленность, делают более интенсивной самостоятельную работу обучающегося и стимулируют его познавательную активность.

Использование ИКТ в процессе обучения может подразумевать использование двух видов технологий, а именно:

- технологии использования компьютерных программ, что позволяет дополнить как процесс обучения в аудитории, так и самостоятельную работу обучающихся. Существует огромное количество программ, направленных на формирование или закрепление как одного из необходимых навыков языкового общения (чтение, письмо, аудирование и говорение), так и нескольких;
- интернет-технологий, открывающих широкие возможности для поиска информации, разработки разнообразных проектов, ведения исследований.

Внедрение ИКТ в процесс обучения иностранному языку значительно разнообразит процесс восприятия и обработки информации. Технология использования ИКТ в процессе обучения значительным образом стимулирует применение интерактивного метода обучения, поскольку позволяет обучающемуся использовать различные источники информации с последующими сортировкой и анализом⁴.

³ Жоган Е. В., Подолян А. С. Использование игровых технологий при обучении грамматике иностранного языка в вузе // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12 (29). С. 329—338.

⁴ Сартбекова Н. К. Инновационные подходы в преподавании английского языка // Наука и инновационные технологии. 2018. № 9 (9). С. 41—44.

Проектная технология реализуется в рамках личностно ориентированного подхода к обучению. Эта технология способствует развитию творчества, познавательной деятельности. В случае с профессионально ориентированным обучением способствует развитию не только языковых, но и профессиональных компетенций. Проекты могут выполняться в виде монопроекта, группового проекта, краткосрочного, долгосрочного, устного, письменного проекта и т.д. Однако на практике чаще всего проекты получаются смешанными. Это многоуровневый подход, технология, позволяющая сочетать работу над четырьмя основными навыками речи: чтением, говорением, аудированием и письмом.

Обратимся к технологии развития критического мышления (ТРКМ). Критическое мышление иногда называют направленным мышлением, поскольку оно направлено на получение желаемого результата. При традиционной системе обучения целью выступает формирование грамотности, когда преподаватель показывает и объясняет, а обучающийся — запоминает и повторяет; при этом общение, как правило, фронтальное. ТРКМ меняет деятельность обучающегося, привыкшего к получению готовых знаний, к подчинению, послушанию, монотонной работе на занятии, а значит, меняет и его смысловые установки. При использовании этой технологии обучающийся является субъектом при определении целей учебной работы, критериев оценки ее результатов; у обучающегося есть возможность исправления, редактирования работ. Такие занятия дают обучающимся возможность проявить себя, показать свое видение предложенных тем и проблем, большую свободу творческого поиска.

Комплексное использование этих и других современных образовательных технологий в процессе обучения стимулирует личностную, интеллектуальную активность, развивает познавательные процессы, способствует формированию и развитию компетенций, которыми должен обладать будущий специалист.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бозоров А. А. Использование информационно-коммуникационных технологий на уроках английского языка // *Academy*. — 2019. — № 3 (42). — С. 60—63.
2. Жоган Е. В., Подолян А. С. Использование игровых технологий при обучении грамматике иностранного языка в вузе // *Современные научные исследования и разработки*. — 2018. — № 12 (29). — С. 329—338.
3. Сартбекова Н. К. Инновационные подходы в преподавании английского языка // *Наука и инновационные технологии*. — 2018. — № 9 (9). — С. 41—44.
4. Boymurodova F. Contemporary approaches and methods in teaching english language // *International scientific review of the problems of philisophy, psychology and pedagogy collection of scientific articles : XII International correspondence scientific specialized conference / ed. by Emma Morgan*. — Boston, 2019. — С. 55—59.

ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. В статье исследуется влияние правозащитного подхода на терминологию, применяемую в международно-правовых актах, посвященных защите прав мигрантов. Особенности текстов нормативных правовых актов рассматриваются в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. На основе проведенного анализа англоязычных документов правозащитных органов ООН исследуется, каким образом функции юридического дискурса реализуются за счет используемой терминологии.

Ключевые слова: юридический дискурс, когнитивно-дискурсивный подход, термин, защита прав человека, миграция.

**Елизавета Андреевна
БОРОДИНА,**

преподаватель кафедры
английского языка
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
соискатель кафедры
иностранных языков
филологического
факультета
Российского университета
дружбы народов
eaborodina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.101-107

E. A. BORODINA,

Lecturer of English Faculty of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctoral Student in Philological Sciences at the Department of Foreign Languages
of the Philological Faculty of RUDN University
eaborodina@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

FUNCTIONS OF LEGAL DISCOURSE WITHIN THE COGNITIVE DISCURSIVE PARADIGM TROUGH THE EXAMPLE OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS

Abstract. The article examines the impact of a human rights approach on the terminology applicable in international legal acts on the protection of migrants' rights. Features of the texts of regulatory legal acts are considered within the cognitive-discursive paradigm. Based on the analysis of the English-language documents of UN human rights bodies, the article studies how the functions of legal discourse are realized through the terminology used.

Keywords: legal discourse, cognitive-discursive paradigm, term, protection of human rights, migration.

В эпоху глобализации в современном обществе происходят фундаментальные и динамичные изменения, охватывающие все сферы жизни человека. За последнее десятилетие в мире значительно активизировались процессы миграции населения, представляющие интерес для исследований в самых разных областях знаний. Так, регулирование миграционных процессов осуществляется в рамках международного права, для прогрессивного развития которого большое

© Е. А. Бородина, 2020

значение имеют лингвистические исследования. Правозащитный подход к миграционным процессам, прочно утвердившийся к настоящему времени в международном праве, оказывает влияние на терминологию, применимую в международно-правовых актах программного характера. В связи с этим представляется актуальным рассматривать лингвистические проблемы, связанные с миграцией, в рамках правовой лингвистики — сравнительно молодой области знания, предметом которой выступает зона пересечения языка и права.

В современном языкознании язык права рассматривается в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, как лингвокогнитивное явление, передающее некий объем информации с помощью определенной совокупности языковых средств¹. В рамках данной парадигмы тексты международно-правовых актов можно охарактеризовать по тому, как они служат, с одной стороны, дискурсивным (т.е. коммуникативным), а с другой — когнитивным (т.е. познавательным) целям². Когнитивно-дискурсивный подход к изучению языка права позволяет более глубоко изучить его структуру и составляющие.

С точки зрения дискурс-анализа тексты международных нормативно-правовых актов относятся к юридическому дискурсу, который, будучи разновидностью институционального дискурса, представляет взаимодействие людей в рамках определенного социального института. И. В. Палашевская определяет юридический дискурс как «статусно ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения»³.

Одна из задач юридического дискурса — организация и обеспечение стабильности социальной структуры общества. Право выступает в роли регулятора, обеспечивающего контроль над общественными отношениями посредством исторически сложившейся структуры правовых институтов⁴. Функции и особенности юридического дискурса всецело определяются сущностью права как регулятивного явления.

Так, задачей международно-правовых актов является регулирование отношений между государствами и другими субъектами международного права. В текстах международно-правовых актов формулируются их правовые обязанности во взаимоотношениях друг с другом, а также в обращении с отдельными группами лиц в рамках государственных границ. Таким образом, участникам юридического дискурса предписывается выполнение определенных институциональных действий, влекущих за собой правовые последствия. На уровне языка эти действия формируются и находят отражение в описывающих их языковых средствах — знаках, за которыми скрывается некий смысл. Транслируемый смысл соотносится с индивидуальным смыслом как фактом сознания, культурой

¹ Кубрякова Е. С. К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2—3.

² Кубрякова Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.

³ Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 5 (37). С. 535—540.

⁴ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 388—412.

как системой коллективных смыслов, в концентрированном виде выражающих опыт сообщества, и смыслами, зафиксированными в виде значений языковых единиц⁵. В этом проявляется интенциональность дискурса — выражение коммуникативного намерения.

Между знаком и полем его смысловых значений существует ассоциативная связь, поэтому адресат должен самостоятельно осмыслить полученную информацию и вывести смысл сообщения. Таким образом, итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом⁶. Юридический дискурс стремится к однозначности толкования, тем самым ограничивая интерпретативную свободу адресата, что реализуется за счет использования специальных языковых средств — терминов. Одноплановость выражаемых смыслов ориентирует адресата на восприятие информации в прямом смысле, вместо поиска подразумеваемой информации.

Тексты международно-правовых актов имеют информативную тональность⁷, что предполагает одностороннее, нейтральное информирование адресата, который изначально нацелен воспринимать информацию в заранее заданном формате. В. Б. Исаков говорит, что, юридический дискурс прежде всего отличается точностью и ясностью, слова и термины должны использоваться в строго определенном смысле, а грамматические конструкции — исключать двусмысленность. Язык текстов международно-правовых актов также должен быть эмоционально нейтрален⁸.

С точки зрения когнитивной лингвистики тексты международно-правовых актов способствуют познанию мира адресатом. Язык влияет на познание человека, на то, какими концептами он обладает и какие мысли придут ему в голову⁹. Нормы и предписания, изложенные в международно-правовых актах, отражают не только ценности конкретной общественной группы, образующей институт, но и ценности международного сообщества в целом. Юридический текст несет в себе определенные представления о справедливости, законности и правосубъектности. В связи с этим можно говорить о том, что на уровне текста с помощью вербальных символов происходит реализация ценностей правовой культуры, что формирует представления человека об окружающей его действительности.

Дискурс создается в целях конструирования особого мира или его образа¹⁰, а также является частным случаем использования языка для «выражения особой ментальности»¹¹. По ходу развертывания дискурса каждый человек строит свой «возможный мир». Он самостоятельно оценивает и осмысливает явления этого воображаемого и конструируемого мира, поэтому образ, рождающийся в его сознании, может стать как адекватным отражением существующего мира,

⁵ Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. С. 334.

⁶ Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006. С. 376.

⁷ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 288.

⁸ Исаков В. Б. Язык права. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

⁹ Harman G. The Making of Cognitive Science. Cambridge, 1988. С. 259.

¹⁰ Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004. С. 525.

¹¹ Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности. М., 1995. С. 38—39.

так и полным его искажением. Таким образом, тексты международно-правовых актов могут оказывать воздействие на людей, диктуя им определенный способ мировосприятия и формируя в их сознании определенное отношение к различным процессам и явлениям на международно-правовой арене.

Функции юридического дискурса вытекают из назначения права как социального образования. И. В. Палашевская выделяет следующие функции: регулятивную, перформативную, информативную, интерпретационную, кумулятивную, стратегическую, кодовую и презентационную¹². Исходя из задач данного исследования нам представляется интересным рассмотреть, каким образом эти функции реализуются в текстах правозащитных международно-правовых актов за счет использования особой терминологии.

Анализ англоязычных документов правозащитных органов ООН выявил многообразие терминов, используемых в отношении мигрантов в контексте незаконной миграции: *illegal migrants*, *irregular migrants*, *undocumented migrants*, *migrants in irregular situations*. Однако наблюдается тенденция к искоренению термина *illegal* применительно к мигрантам. Так, 9 декабря 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой говорилось о предпочтительности использования во всех официальных документах терминов *non-documented* или *irregular migrant workers* применительно к лицам, которые в неустановленном порядке или тайно въезжают в другую страну с целью получения работы¹³. В свою очередь, Парламентская Ассамблея Совета Европы¹⁴ и Европейский Парламент¹⁵ призывают государства воздерживаться от использования термина *illegal migrant*, имеющего ярко выраженную отрицательную коннотацию и усиливающего стигматизацию мигрантов, и отдают предпочтение терминам *irregular/undocumented workers/migrants*.

Тенденция к искоренению термина *illegal* применительно к мигрантам обусловлена несколькими причинами. С юридической точки зрения использование термина *illegal migrant* в отношении всех мигрантов является некорректным, поскольку нарушение миграционного законодательства в большинстве стран, как правило, является не уголовно наказуемым преступлением, а административным правонарушением, не представляющим угрозу общественной безопасности. Семантика прилагательного *illegal* включает элемент «преступности», поэтому его использование автоматически превращает всех мигрантов в «преступников», что не соответствует действительности. Это может способствовать формированию предвзятого отношения к данной группе лиц в обществе, в том числе среди сотрудников правоохранительных органов и миграционной службы.

Вторая причина вытекает из принципа толерантности. Под влиянием правозащитного подхода значение нейтрального термина *illegal* расширилось. В юрис-

¹² Палашевская И. В. Указ. соч.

¹³ The Economic, social and cultural rights of migrants in an irregular situation. OHCHR. New York and Geneva, 2014. С. 142.

¹⁴ Резолюция 1509 «О правах человека нелегальных мигрантов», принятая Парламентской Ассамблеей Совета Европы 27 июня 2006 г.

¹⁵ Резолюция о фундаментальных правах в Европейском Союзе, принятая Европарламентом 14 января 2009 г.

пруденции прилагательное *illegal* (незаконный) означает «не соответствующий или нарушающий применимые нормативно-правовые предписания». В правозащитном дискурсе использование данного термина в отношении лиц стало трактоваться как попытка подчеркнуть отсутствие у них правового статуса.

Так, словосочетание *illegal migrant* часто трактуется как «мигрант, находящийся вне закона» или «вне правового поля», вместо «мигрант, нарушивший миграционный режим». Такая трактовка совершенно противоречит основным принципам правозащитного подхода, в рамках которого обязательства государств в сфере защиты прав человека должны применяться ко всем формам и стадиям миграции¹⁶, а права человека принадлежат всем мигрантам, независимо от их миграционного статуса¹⁷.

В соответствии с принципами международного права ни одно государство не может лишить человека правосубъектности, т.е. нарушить его право быть признанным субъектом права. Использование термина *illegal migrants* отрицает врожденное достоинство и права человека, тем самым как бы «обесчеловечивает» мигрантов.

«And let me be clear about my vocabulary too: illegal migrants do not exist. People may come to the EU and might be required to use irregular ways...but no human being is illegal. Only an act can be illegal, a person can not»¹⁸ («И позвольте мне пояснить свой лексикон: незаконных мигрантов не существует. Люди могут приехать в ЕС, и для этого может потребоваться использование незаконных способов... но ни один человек не является незаконным. Незаконным может быть только действие, а не человек»).

Так, использование соответствующей терминологии способствует реализации регулятивной функции юридического дискурса. Нормы права, которые применяют равную меру, одинаковый масштаб к различным людям, устанавливая границы, пределы поведения людей, вносят в общественные отношения стабильность и порядок, тем самым направляя их в определенное русло¹⁹.

Использование устоявшихся терминов в нормативных правовых актах может задеть чувства и достоинство уязвимых групп лиц, в том числе мигрантов. Политкорректность, выражающаяся в замене этих терминов на эмоционально нейтральные или положительные эвфемизмы, позволяет создать положительный образ мигрантов и миграции, как фактора, способствующего устойчивому развитию стран, в том числе их трудового потенциала.

Так реализуется презентационная функция юридического дискурса. Использование нейтральных терминов *irregular migrants* или *migrants in irregular situations* способствует снижению негативности коннотации незаконной миграции в общественном восприятии. Термин *migrants in irregular situations* означает «незаконно

¹⁶ Киселева Е. В. Правозащитный подход к миграции и цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 131—141.

¹⁷ Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 сентября 2016 г.

¹⁸ Сесилия Мальмстрем, бывший еврокомиссар по внутренним делам. 29 ноября 2010 г.

¹⁹ Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 363.

пребывающие граждане третьих стран»²⁰. Данные термины являются универсальными и собирательными для всех проблем, с которыми сталкиваются мигранты:

The housing situation of *migrants in an irregular situation* is often precarious and insecure.

The right to education for *irregular migrant children* remains unclear in many countries.

Large-scale raids are another tool to detect *irregular migrants* and can involve the use of force.

Употребление определенных терминов — *undocumented migrants* или *irregular migrants* вместо *illegal migrants* — увеличивает шансы текста получить верную интерпретацию адресата, тем самым способствуя реализации интерпретационной функции юридического дискурса. Людям, остро переживающим за свой социальный статус, свойственно интерпретировать и осмысливать любую информацию в идеологическом ключе. Такая интерпретация часто основывается на позиционировании «свои и чужие», а также на поиске враждебных прямых и косвенных смыслов. Заинтересованный адресат склонен воспринимать сообщение, используя заранее заготовленные выводы. В странах с наиболее активными потоками мигрантов граждане, ощущающие на себе негативные последствия миграции, как правило, враждебно настроены по отношению к «чужим». Термин *illegal* также имеет дискриминационную окраску, поскольку он используется для определения «чужих» и крайне редко в отношении лиц, имеющих гражданство:

Next week ICE will begin the process of removing the millions of *illegal aliens* who have illicitly found their way into the United States.

Trump promises mass deportations of '*millions of illegal aliens*' next week.

Употребление термина *illegal* в международно-правовых актах, посвященных защите прав мигрантов, может косвенно способствовать возникновению разногласий в обществе, вызывать подозрение и недоверие по отношению к мигрантам. Это негативно сказывается на стабильности в обществе и может привести к расовой дискриминации, ксенофобии и преступлениям, совершаемым на почве ненависти.

Таким образом, терминология международно-правовых актов, посвященных миграционным процессам, испытывает влияние правозащитного подхода, предполагающего соблюдение политкорректности по отношению к особо уязвимым группам лиц. Нейтральная профессиональная лексика подвергается изменениям под влиянием настроений и процессов, происходящих в мировом сообществе. Семантическое значение и концептуальное содержание терминологических единиц могут расширяться за счет преобразования стоящих за ними структур знания.

Реализация функций юридического дискурса — информативной, интерпретационной, презентационной и регулятивной — во многом зависит от грамотного использования терминов. Язык международно-правовых актов содержит ценностные ориентиры и конкретные указания на то, какое поведение и поступки являются социально приемлемыми, поэтому правовые нормы и предписания,

²⁰ Директива 2008/115/ЕС «Об общих стандартах и процедурах, подлежащих применению в государствах-членах для возврата незаконно пребывающих граждан третьих стран», принятая Европейским парламентом и Советом ЕС 16 декабря 2008 г.

нашедшие отражение в тех или иных средствах языкового выражения, являются основой институциональных сценариев взаимодействия и определяют поведение их участников.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М., 2006.
2. Исаков В. Б. Язык права. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград, 2007.
5. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. — М., 2003.
6. Киселева Е. В. Незаконная миграция в деятельности правозащитных органов ООН // Порівняльно-аналітичне право. — 2017. — № 5 — С. 380—382.
7. Киселева Е. В. Правозащитный подход к миграции и цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 131—141.
8. Кубрякова Е. С. К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 2—3.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. — М., 2004.
10. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М., 2007.
11. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — № 5 (37). — С. 535—540.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. — М., 1995.
13. Harman G. Cognitive Science // The Making of Cognitive Science. — Cambridge, 1988.
14. The Economic, social and cultural rights of migrants in an irregular situation // OHCHR. — New York and Geneva, 2014.

**Таймураз
Станиславович
ДЗЕБОВ,**

студент 4-го курса
Международно-правового
института
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
tdzeboev@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ВЕНЧУРНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА¹

Аннотация. В наши дни венчурные инвестиции имеют большое значение для научно-технического прогресса, поскольку они связывают воедино идеи и капитал. Зачастую такие капиталовложения носят трансграничный характер, что определяет специфику этих инвестиций. В то же время в международном праве отсутствуют правовые акты, регулирующие трансграничные инвестиции. В данной работе предпринята попытка осмыслить необходимость принятия такого правового акта и определить место трансграничных венчурных инвестиций в международном частном праве.

Ключевые слова: венчурные инвестиции, венчурный капитал, правовое регулирование.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.108-110

T. S. DZEBOYEV,

4-year student of the International Legal Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

tdzeboev@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

VENTURE INVESTMENTS IN CONTEXT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abstract. In today's world, venture investments are of great importance for scientific and technological progress, as they link together ideas and capital. Often such investments are cross-border, which determines the specifics of these investments. At the same time, there are no legal acts regulating cross-border investments in international law. In this work, an attempt is made to understand the need for the adoption of such a legal act and to determine the place of cross-border venture investments in private international law.

Keywords: venture investment, venture capital, legal regulation.

Venture capital is the provision of long-term funds to young companies that are at an early stage of development and are engaged in high-risk innovative projects, in exchange for a stake in these companies. Venture capital provides a financial link of innovation infrastructure, uniting the carriers of capital and technology carriers, and it solves the problem of financial insufficiency in the sector of starting innovative

¹ Представлены научные тезисы студента — победителя VI Студенческого юридического форума в рамках круглого стола «Law through centuries: historical development and modern challenges».

projects. Thanks to venture capital many outstanding companies were set (such as Intel, Microsoft, Google, Yandex, Abby Russia, A4Vision and others).

The profound changes taking place in the entire system of international economic relations lead to the emergence of numerous difficulties in the legal regulation of relations in the implementation of investment activities. Some lawyers assume that one of these problems is legal vacuum in cross-border venture investments, which is currently being filled by the general principles of investment regulation and the analogy of law, including the conflict-of-laws regulation typical of a foreign economic transaction. However, lack of legal norms do not prove the existence of problem in any area of social life. That is why in this article we will try to make sure if cross-border venture investments should be regulated in more detail.

Relations on cross-border venture investment arise between individuals and legal entities operating in different legal systems, concerning the cross-border placement of civil rights objects in companies in early stages of development, as well as professional management of these investments, aimed at increasing the value of the object and its subsequent implementation in the medium term, in order to make a profit or obtain another effect, characterized by an increased risk of losses.

Venture capital investments have following typical features:

- fiduciary nature of obligations;
- small capitalization of recipient companies;
- increased risk of loss.

It would be possible to assume expediency of creation of the uniform international legal act regulating the relations in the sphere of venture investment, but it seems that such necessity does not exist. This is due to the broad regulation of cross-border investment relations, which predetermines the unity of investment regulation and the application of international investment agreements to venture capital relations. Proceeding from a certain similarity with direct investments, the corresponding special investment agreements can be applied to venture capital by analogy of the law. The main legal regulation, which creates a legal field for the activities of cross-border venture investors, is contained in national legislation. In the development of numerous multilateral and bilateral agreements, under the influence of the processes of unification and harmonization of law, many countries are trying to pursue their policy of legal regulation of relations on cross-border venture investment, which predetermines a significant variety of national ways of legal regulation of these relations.

In legal systems of countries with developed market relations there are neither special laws on venture activity, nor a legal definition of the concept of venture capital investments. So, basically, this method of investment is carried out within the framework of complex regulatory legal acts, as well as through indirect regulation applied in this area.

Special legislation exists mainly in developing countries, which are particularly interested in attracting investors for the innovative development of their industries.

The key features of such regulation are:

- Tax benefits. In Taiwan, India, investors' dividends are tax-free.
- Special registration procedure. In India, venture investors are registered in a special order. The advantage of this gradation is that venture investments are regulated by special legal regime. Unlike foreign direct investors, venture capitalists do not need

to obtain permission from the Central administration to invest in certain areas, and shares issued by unregistered Indian companies can be sold to venture capitalists at a negotiated price.

- Procedural rules. Mainly relate to the timing during which venture capital funds have to place interest on their savings.
- Investment restrictions. Hungarian law states that investors should not have an interest in financial institutions, investment service providers, management companies, clearing institutions, insurance companies and companies associated with money games.

In contrast to the substantive law, there is no special conflict regulation in national legislation, which predetermines the application to cross-border venture investment relations of the general tools of private international law existing in domestic law.

Given the specifics of this type of investment, it seems that excessive interference and regulation of activities by the state can only harm. Therefore, at the moment the best strategy in the legal regulation of venture investments is to improve the agreements between the parties themselves. It is the contractual principle of legal regulation that is of particular importance in venture capital relations.

REFERENCES

1. *Bertoni F., Colombo Massimo G., Quas A.* The Role of Governmental Venture Capital in the Venture Capital Ecosystem: An Organizational Ecology Perspective // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. — 2017.
2. European Association of Direct and Venture Investments // URL: www.evca.org.
3. *Rouly J.* Corporate venture investment climbs higher throughout 2018 // *TechCrunch*. — URL: <https://techcrunch.com/2018/09/22/corporate-venture-investment-climbs-higher-throughout-2018>.
4. *Vasileva O. Yu., Lyagoskina D. Yu., Lyapunov A. N.* Venchurnye investitsii v RF za 2007—2013 gg. [Venture investments in Russia for 2007—2013] // *Aktualnyie napravleniya nauchnyih issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika* [Actual directions of scientific researches of the XXI century: theory and practice]. — 2014. — Vol. 2. — No. 3.
5. *Venture capital: investment strategies, structures, and policies* / ed. by D. J. Cumming. — John Wiley & Sons, 2010.

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ

II ОЛИМПИАДА ПО ЮРИДИЧЕСКОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

В марте 2019 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла II Олимпиада по юридическому английскому языку, организованная Институтом частного права и Институтом юридического перевода. Проведение такого рода мероприятий становится традиционным для кафедры юридического перевода ИЮП. Следует также отметить, что интерес к проведению подобных мероприятий растет. В 2019 г. Олимпиада становится популярной среди студентов многих юридических вузов и факультетов России. Количество участников, решивших побороться за первое место в Олимпиаде, составило 97 человек. Это студенты ведущих вузов страны, а именно Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, а также других немалозначимых вузов России.

Для участия в данном мероприятии студенты должны были пройти онлайн-регистрацию. Состязания проходили в два этапа.

Первый этап (отборочный) проводился дистанционно в формате тестирования, время для выполнения заданий составило 90 минут. В этом году, с учетом достойного уровня подготовки студентов и результатов прошлой Олимпиады, задания были усложнены как лексическими терминами, так и грамматическими конструкциями.

Второй этап (заключительный) проходил в главном корпусе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 19 марта 2019 г. В этом этапе принимало участие 20 студентов, набравших максимальное количество баллов. В ходе проведения второго этапа участники продемонстрировали свой уровень владения неподготовленной устной речью на английском языке, применяя навыки и умения монологического и диалогического высказываний, а также показали свою эрудированность в области права и других смежных наук.

Задание второго этапа состояло из двух частей. Первая часть представляла собой проблемную юридическую ситуацию (мини-кейс), требующую изложения своего решения данной задачи. Время подготовки на ответ по первому вопросу было ограничено 10 минутами. В качестве второго задания участникам было предложено прокомментировать высказывание (цитату) правового характера. Это задание было направлено на демонстрацию спонтанной речи студентов с использованием юридической терминологии в ответе.

В состав жюри второго этапа Олимпиады вошли сотрудники Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): профессор кафедры международного частного права Чарльз Адриан Скотт Годдард (председатель жюри), директор Института юридического перевода Татьяна Витлинская, заместитель директора Института частного права Анастасия Митрущенко, заместитель директора Института юридического перевода Ольга Яшина, заведующий кафедрой юридического перевода Института юридического перевода Виктория Калиновская., и.о. заведующего

кафедрой правового моделирования Яна Алимова, и.о. заведующего кафедрой гражданского права Елена Богданова.

По результатам заключительного этапа II Олимпиады по юридическому английскому языку победителями и призерами стали:

- 1) Маргарита Калинина (победитель 1-й степени);
- 2) Мария Надежина (победитель 2-й степени);
- 3) Яна Васильева (победитель 3-й степени);
- 4) Ксения Сняtkова (призер);
- 5) Алан Надиров (призер).

Победителям были вручены памятные призы на заседании Ученого совета ректором Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В. В. Блажеевым.

Поздравляем победителей и призеров Олимпиады, желаем удачи и новых побед!

Отчет подготовила:

Н. Ф. Ежова,

доцент кафедры юридического перевода

Института юридического перевода

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат филологических наук

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ»

4-5 апреля 2019 г. в рамках VI Московского юридического форума прошла организованная кафедрой английского языка № 1 Института юридического перевода, кафедрой английского языка № 2 и кафедрой иностранных языков Международная научно-практическая конференция «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку в юридическом и экономическом вузе».

4 апреля доклады прозвучали на пленарном заседании и трех секциях. Всего выступили 43 человека, среди которых кандидаты и доктора филологических, педагогических, философских и исторических наук, опытные педагоги, авторы учебных пособий и практики с многолетним стажем.

Пленарное заседание конференции приветственным словом открыла заведующий кафедрой английского языка № 2 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук, доцент Н. Ю. Ильина.

В рамках пленарного заседания, руководителем которого являлась кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В. В. Пикалова, обсуждались актуальные тенденции преподавания юридического английского в юридических вузах разных стран.

С особым вниманием на пленарном заседании были заслушаны доклады:

- Людмилы Владимировны Яроцкой, доктора педагогических наук, профессора кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета «Интернационализация образовательного процесса: проблемы и решения»;
- Татьяны Владимировны Амосовой, кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института Академии генеральной прокуратуры РФ «Культурно значимая информация юридического термина»;
- Лидии Беккер, PhD, профессора кафедры романской филологии Университета имени Г. В. Лейбница (г. Ганновер, ФРГ) «Тенденции упрощения юридического языка на примере plain English и lenguaje ciudadano»;
- Иветы Новаковой, PhD, заведующего кафедрой иностранных языков Академии полицейских сил (г. Братислава, Словакия) «Specifications in the development of an E-learning tool for the police interventions».

Основная работа конференции была организована в трех секциях.

Модератором секции № 1 выступила М. В. Донская, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 2.

В этой секции затрагивались вопросы мотивационных факторов эффективности обучения английскому языку юристов-международников, человеческого

фактора при обучении иностранному языку в неязыковом вузе и обсуждались спорные проблемы методологии преподавания ESP.

Модератором секции № 2 выступила Н. Б. Шрамкова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 Института юридического перевода.

В этой секции большой интерес вызвали вопросы когнитивной лингвистики и контентно-языкового интегрированного обучения дисциплинам информационного обеспечения экономики, а также доклады сотрудников кафедры английского языка № 1 Института юридического перевода МГЮА: кандидата филологических наук, доцента В. В. Калиновской «Современные подходы в преподавании ESP», кандидата филологических наук, доцента кафедры английского языка № 1 А. И. Миловидовой «Обучение студентов неязыкового вуза элементам устного перевода в сфере профессиональной коммуникации» и доцента кафедры профессиональных иностранных языков Академии труда и социальных отношений С. А. Воробьевой «Методика работы с фразеологизмами английского языка в специальных текстах».

Модератором секции № 3 выступила В. У. Ногаева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Доклады на актуальные темы в этой секции сделали 20 спикеров, среди которых:

- Г. В. Томсон, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД России («Презентация учебного пособия “Немецкий язык. Право Европейского союза. Особенная часть : практикум. Уровень С1”»);
- Е. В. Думина, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права МГЛУ («Реализация лингводидактического потенциала электронных средств обучения в процессе развития умений иноязычной письменной речи студентов юридических специальностей (немецкий язык)»);
- Е. В. Саванкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД России («Опыт преподавания немецкого как основного иностранного языка в магистратуре (направление подготовки “Международное экономическое право”)»);

— Ф. О. Байрамова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова («О переводе некоторых терминов в области судебной экспертизы (на материале русского и немецкого языков)»).

Также в рамках этой секции были подняты вопросы обучения французскому языку в разноуровневых группах, вопросы структурных и функциональных особенностей отдельных юридических концептов, использования современного аудио- и видеоконтента.

Разновекторность представленных докладов этой секции отражает разнообразие подходов и многоаспектность современных научных исследований в области преподавания LSP, юридического перевода и методики обучения иностранным языкам для специальных целей в целом.

5 апреля в рамках форума также состоялся мастер-класс «Специфика обучения иностранному языку в европейском вузе», спикером которого выступила Лидия Беккер, PhD, профессор кафедры романской филологии Университета имени Г. В. Лейбница (г. Ганновер, ФРГ).

Участники мастер-класса познакомились с современными традициями и тенденциями в преподавании юридического английского языка в европейских вузах.

Отчет подготовила:

В. В. Пикалова,

доцент кафедры юридического перевода

Института юридического перевода

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат филологических наук, доцент

XVIII КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА». СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК»

5 апреля 2019 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла XVIII Международная конференция молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права», в рамках которой состоялось заседание секции «Юридический английский язык», состоящей из четырех подсекций. Подсекции «Российское право» и «Международные правовые системы» были проведены преподавателями кафедры английского языка № 1 Института юридического перевода; подсекции «Гражданское право» и «Уголовное право и национальная безопасность» — преподавателями кафедры английского языка № 2.

Цель работы секции «Юридический английский язык» — предоставить студентам возможность продемонстрировать полученные навыки публичного выступления и проведения презентаций по актуальным правовым вопросам современности. Подготовка к конференции включала проведение предварительного отбора студенческих работ, актуальных по тематике и написанных на должном научном уровне, с соблюдением норм английского языка. Каждый из претендентов на участие в конференции вместе со своим научным руководителем с кафедр английского языка № 1 и № 2 предварительно согласовал тему выступления, а затем подготовил презентацию с использованием аудиовизуальных средств. Многие из студентов получили дополнительную консультацию преподавателей соответствующих правовых дисциплин.

Отборочная комиссия в составе ответственных за проведение студенческой конференции кандидата философских наук, доцента кафедры английского языка № 1 Наталии Борисовны Шрамковой, доцента кафедры английского языка № 1 Ларисы Федоровны Милициной, старшего преподавателя кафедры английского языка № 2 Светланы Васильевны Гузеевой и преподавателя кафедры английского языка № 2 Ксении Ярославовны Матияшиной тщательно проанализировала содержание и грамотность изложения материала. Работы, прошедшие конкурсный отбор, были допущены к участию в конференции.

В программе секции «Юридический английский язык» были представлены доклады студентов 1—3-го курсов Института частного права, Международного правового института, Института судебных экспертиз, Института прокуратуры и Института бизнес-права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), а также Российской академии права, МГИМО (У) МИД России, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского государственного лингвистического университета, Московского университета Министерства внутренних дел имени В. Я. Кикотя, РПА Минюста России.

Ведущими подсекций выступили Н. Ф. Ежова, Н. Б. Шрамкова, С. В. Гузеева, К. Я. Матияшина.

К работе в экспертной комиссии были привлечены преподаватели кафедр и приглашенные эксперты. Так, в работе экспертной комиссии в подсекции «Рос-

сийское право» приняли участие Екатерина Владимировна Соловьева, специалист и руководитель направления по работе с вузами компании «ГАРАНТ», а также преподаватели кафедры английского языка № 1 Института юридического перевода: Ольга Ивановна Габуния, кандидат филологических наук, доцент, Ольга Геннадьевна Прокофьева, кандидат филологических наук, доцент, Лариса Викторовна Горбачева, старший преподаватель, Елена Михайловна Черепихина, старший преподаватель.

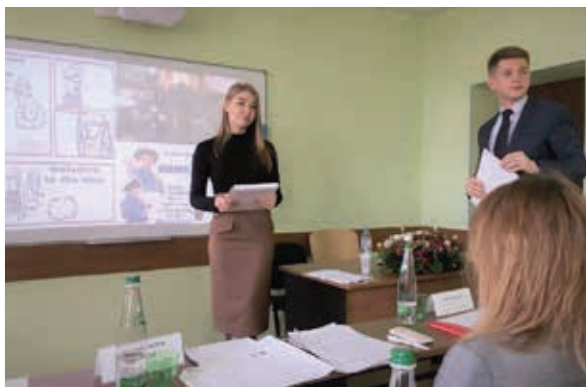
В состав экспертной комиссии подсекции «Международные правовые системы» вошли председатель экспертного жюри Дмитрий Андреевич Максимович, старший юрист британской аудиторско-консалтинговой компании «Ernst & Young (EY)» в России, Чарльз Адриан Скотт Годдард, профессор кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), магистр наук в области строительного договорного права и арбитража, Дарья Владимировна Пономарева, кандидат юридических наук, консультант Департамента международного права и сотрудничества Министерства юстиции РФ, Екатерина Львовна Паньшина, независимый переводчик (синхронный, последовательный и письменный перевод), член Национальной лиги переводчиков, Кирилл Александрович Карпов, член Координационного совета молодых юристов АЮР, юрисконсульт Московского государственного педагогического университета.

Экспертное жюри подсекций «Гражданское право» и «Уголовное право и национальная безопасность» возглавила Надежда Юрьевна Ильина, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедры английского языка № 2, членами жюри выступили преподаватели кафедры: Марьяна Владимировна Донская, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Оксана Геннадьевна Злобина, доцент, Ольга Анатольевна Миненко, старший преподаватель, Елена Петровна Ткачева, старший преподаватель, Светлана Юрьевна Буденная, старший преподаватель, Елизавета Андреевна Бородина, преподаватель. Оценивать доклады выступающих также были приглашены эксперты: глава английского отдела компании «ГАРАНТ» Надежда Гмыря, руководитель группы обслуживания клиентов английского отдела компании «ГАРАНТ» Максим Константинов, директор по юридическим вопросам группы компаний «Отис» Юлия Матвейчук и старший юрист Координационного центра национального домена сети Интернет.ru/.rf.

На заседании секций присутствовали все преподаватели кафедр, которые с интересом и волнением следили за выступлениями своих студентов, поддерживали их и участвовали в обсуждении. Темы, выбранные студентами, включали широкий спектр вопросов: от роли права Европейского Союза и Brexit до суррогатного материнства и лингвистической экспертизы. Все вопросы, затронутые в выступлениях, вызвали живой интерес аудитории.

По окончании выступлений были определены победители конкурса презентаций на основании предварительно подготовленных аспектных листов оценки, включающих анализ таких факторов, как соответствие темы содержанию доклада, оформление и эффективность презентации, использованный терминологический

вокабуляр, грамматическая правильность речи и произношение, внешний вид и стиль общения, ответы на вопросы слушателей.

Во время совещания комиссии аудитории было предложено провести свое голосование «Глас народа» и выбрать лучшего выступающего в номинациях «Самый харизматичный спикер», «Самая острая тема».

По результатам решения экспертной комиссии лучшими были признаны выступления Дарьи Потаскуевой, студентки 1-го курса Института прокуратуры МГЮА, на тему «Child marriage as an international socio-legal problem in 2019», Дарьи Лапеки, студентки 1-го курса магистратуры МГЮА, на тему «Foreign arbitration in non-foreign-element Russian contracts», Игоря Ширина, студента 2-го курса Института публичного права и управления МГЮА, на тему «Extremism and Freedom of Speech» и Яны Васильевой, студентки 1-го курса Международно-правового института МГЮА, на тему «Fashion Law».

Победители получили дипломы, а все участники — сертификаты. Победители номинаций были награждены памятными подарками и книгами на английском языке.

Эксперты отметили высокий уровень владения английским языком и умение аргументированно отвечать на сложные вопросы аудитории.

Отчет подготовили:

Н. Б. Шрамкова,

доцент кафедры юридического перевода

Института юридического перевода

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат философских наук

С. В. Гузеева,

старший преподаватель

кафедры английского языка

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПРАВО. ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В ЭРУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

5 апреля 2019 г. кафедра иностранных языков совместно с кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках VI Московского юридического форума провели IV Международный научный симпозиум «Предпринимательство и право. Французский язык в эру цифровых технологий», собравший более 50 представителей академической науки, практикующих юристов, студентов и аспирантов из России и Франции.

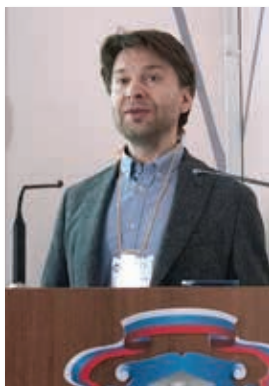
С приветственным словом к участникам выступили: заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор И. В. Ершова, заведующий кафедрой иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент М. А. Бирюкова, а также представитель посольства Франции в России, ассистент советника по правовым и судебным вопросам Кристина Дрожжа.

Почетным гостем симпозиума стал сопредседатель Международной ассоциации юристов и экономистов (Франция), эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» (г. Лион, Франция), преподаватель Университета Лион-III Ален Дюфло, участие в симпозиуме приняла стажер Департамента по правовым и судебным вопросам посольства Франции в России Марианна Цестари.

Представители симпозиума отметили важность подобного опыта межкультурного научного и делового общения, обратили внимание на массовость мероприятия, которая свидетельствует об актуальности и растущем интересе к симпозиуму со стороны представителей научных и деловых кругов.

В ходе секции, руководителями которой выступили кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков В. У. Ногаева и преподаватель кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) М. С. Воскресенская, было заслушано 9 научных докладов.

Давид Красовец, кандидат искусствоведения, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления РАНХиГС при Президенте РФ, выступил первым с докладом на тему «Англицизмы во французском языке как проявление технологического развития права», акцентируя внимание аудитории

на том факте, что в условиях технического прогресса и глобализации англицизмы активно проникают во французский язык, что сказывается на самобытности Франции.

Следующий докладчик, Самуэль К. Хатчинсон, специалист в области конкурентного права, преподаватель-исследователь Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при правительстве РФ, рассказал о вызовах конкуренции при договорных ограничениях, налагаемых на ритейлеров в онлайн.

Марианна Цестари, стажер Департамента по правовым и судебным вопросам посольства Франции в России, представила анализ актуальных вопросов конкурентного права во Франции, в частности рассказала о некоторых изменениях французского законодательства в области конкурентного права.

В докладе Алена Дюфло, основателя адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» (г. Лион), преподавателя Университета Лион III имени Жана Мулена, «Франция в эру цифровых технологий: преимущества и недостатки» была поднята чрезвычайно актуальная проблема. В частности, речь шла об активном внедрении цифровых технологий в нашу жизнь, о возможностях перевода терминов из области цифровых технологий. Был также затронут вопрос принятия Общего регламента по защите персональных данных (GDPR), регулирующего распространение и использование личных данных европейцев.

Алена Щербакова, выпускница МГИМО (У) МИД России продолжила тему принятия Общего регламента по защите персональных данных (GDPR), затронутую г-ном Дюфло, подробно рассказав о новых требованиях к защите личных данных клиентов, партнеров и сотрудников предприятий.

С докладами, посвященными вопросам предпринимательства в России и Франции, выступило молодое и многообещающее поколение студентов — будущих юристов, среди которых: Дарья Яковлева, студентка 3-го курса Международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) («Покупка онлайн в России: правовые аспекты») и Ксения Носова, студентка 3-го курса Международно-правового института Университета («La réglementation légale de l'achat des étoiles et de leurs noms»). Следует отметить, что активными участниками дискуссии были стажеры из Университетов Париж Нантер и Лион III, обучающиеся в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по обмену, преподаватели кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и студенты, изучающие французский язык.

Все докладчики особо отметили конструктивность научного диалога, высокий уровень организации симпозиума, тщательный отбор участников, активность аудитории, заинтересованность со стороны студентов, актуальность тематики и практические выходы, необходимые для того, чтобы успешно справиться с вызовами, которые диктует жизнь.

Отчет подготовила:

В. У. Ногаева,

*доцент кафедры иностранных языков
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат педагогических наук*

Английский язык для направления подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» : учебное пособие / под ред. И. А. Мартыненко. — М. : Проспект, 2019.

Пособие создано преподавателями кафедры английского языка Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) для студентов, обучающихся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности».

Основной материал содержит тексты со словарными пояснениями и разнообразными упражнениями (смысловыми, логическими, творческими и др). Тематика текстов: стратегии национальной безопасности России и стран изучаемого языка, международное право, международные преступления, борьба с распространением наркотиков, коррупция, экстрадиция и многое другое. Тексты основаны на фактическом материале, журнальных статьях и документах.

В учебное пособие включены приложения в виде упражнений по грамматике и материалов для дополнительного чтения, а также англо-русский глоссарий используемых терминов. Книга позволит развить и закрепить навыки чтения, перевода, устного и письменного изложения, говорения.

Для студентов юридических специальностей, изучающих английский язык.

ПИТЕР М. ТИЕРСМА: «РЕФОРМА ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНОЙ ЦЕЛЬЮ»

Аннотация. Статья повествует о жизненном и профессиональном пути выдающегося американского юриста и лингвиста Питера Мейеса Тиерсмы. Обозначаются его вклад в развитие мировой юрлингвистики и основные направления профессиональной деятельности. Автор рассказывает о монографиях и статьях П. Тиерсмы, приводит цитаты, перечисляет организации, в которых он состоял. Актуальность работ Тиерсмы обусловлена тем, что в англо-американской правовой системе часто существует разрыв между структурой и смыслом писаных законов и их применением в реальных условиях. В статье приводятся предложения Тиерсмы по решению этой задачи, которые основаны на междисциплинарном подходе и упрощении юридического английского языка. Также перечисляются работы российских лингвистов, опирающихся на мнение американского специалиста.

Ключевые слова: П. Тиерсма, юрист, лингвистика, монография, статья, закон, язык.

**Ирина Анатольевна
МАРТЫНЕНКО,**

доцент кафедры
английского языка
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических
наук

irineta@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.123-130

I. A. MARTYENKO,

Associate Professor of English Department of the Kutafin Moscow State Law
University (MSAL),
PhD in Philology
irineta@rambler.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PETER M. TIERSMA: “LEGAL LANGUAGE REFORM IS AN IMPORTANT GOAL”

Abstract. The article tells about the life and professional path of the outstanding American lawyer and linguist Peter Mejes Tiersma. His contribution to the development of the world linguistics and the main directions of his professional activity are described. The author tells about the monographs and articles by P. Tiersma, quotes his works, lists the organizations in which he was a member. The relevance of Tiersma's works is due to the fact that in the Anglo-American legal system there is often a gap between the structure and meaning of written laws and their application in real life. The article presents Tiersma's proposals for solving this problem, which are based on the interdisciplinary approach and simplification of the legal English language. The works of Russian linguists based on the opinion of this American specialist are also listed.

Keywords: P. Tiersma, lawyer, linguistics, monograph, article, law, language.

© И. А. Мартыненко, 2020

Why can't lawyers write more clearly, concisely, and comprehensibly? We know they can communicate well enough when they want to. So why must so many important legal documents — documents that govern our rights and obligations as citizens, that allow a bank to repossess our house, or that determine who is responsible for damage to a rental car — be in virtually unintelligible legalese?

Peter Meijes Tiersma

Активное изучение английского юридического языка и дискурса ведется с конца XX в. Британские и американские лингвисты активно исследуют вопросы, связанные с практическим использованием языка в процессе законотворчества и правоприменения, главным образом в судебном дискурсе и при уголовном делопроизводстве. Отечественные филологи также уделяют значительное внимание конструированию и узусу терминологических единиц в англоязычных нормативных правовых актах и юридическому переводу.

Огромный вклад в изучение юридического английского языка внес американский лингвист и юрист Питер Мейес Тиерсма (Peter Meijes Tiersma, 1952—2014), выступавший за упрощение сложных юридических формулировок и реформу языка права с целью сделать его более доступным для восприятия неюристами.

В русскоязычной научной литературе существует два варианта написания и произношения фамилии автора: Тирсма и Тиерсма. Ввиду голландского происхождения ученого мы станем придерживаться второго варианта.

Получив базовое образование в языковой сфере (Стэнфордский университет, Калифорнийский университет, ученая степень (PhD) по лингвистике), а затем и в юридической (Университет Беркли, степень J.D.), Тиерсма сосредоточил свою научную деятельность на междисциплинарном подходе к взаимодействию языка и права, прорабатывая вопрос о необходимости упрощения языка в юридических текстах.

Тиерсма родился 23 июня 1952 г. в голландской провинции Фрисландия и в пятилетнем возрасте эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. Английский язык стал третьим языком в семье Тиерсма, и такое раннее знакомство с языками способствовало в дальнейшем его интересу к языкознанию. Связь с родиной ученый так или иначе поддерживал всю жизнь. Один эпизод вспоминает ближайший друг и соратник Тиерсмы Лоуренс Солан: «После одной из конференций в Амстердаме мы заехали в провинцию Фрисландия в северной части Нидерландов, где в 1952 г. Питер родился. Там я увидел старое фермерское подворье, на котором Питер провел свои юные годы перед тем, как его семья эмигрировала в Соединенные Штаты и в конечном итоге осела в центральной части Калифорнии. Семья занималась молочным животноводством, и попутно замечу, что некоторые родственники по-прежнему им занимаются. Питеру всегда доставляло радость показать людям, что фризский был его родным языком. На самом деле он знал много языков, голландский был его вторым языком. Позже он освоил английский, испанский и немецкий»¹.

¹ Власенко С. В. Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тиерсмы // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).

Тиерсма вырос в центральной долине Калифорнии, посещал среднюю школу Сангер, а затем поступил в Стэнфордский университет. Затем защитил диссертацию по лингвистике в Калифорнийском университете в Сан-Диего. Тиерсма преподавал лингвистику в университетах Сан-Диего и Майами до поступления на юридический факультет Боулт-Холл (Беркли), где он работал младшим редактором юридического журнала *California Law Abstract*. После окончания Беркли Питер стал секретарем судебных заседаний у судьи Верховного суда Калифорнии Стэнли Моска. Затем работал в юридических фирмах Сан-Франциско и Санта-Барбары.

Тиерсма всю жизнь испытывал глубокий интерес к изучению своего родного фризского языка и был автором книги «Фризская справочная грамматика» (*“Frisian reference grammar”*)², активно сотрудничал с Фризской академией, также называемой Академией Фриске (г. Леуварден, Нидерланды), в деле сохранения западно-фризского языка. В грамматике описывается стандартный, или литературный, фризский язык, базирующийся на западнофризском диалекте. Ввиду того, что стандартный фризский язык преподается в школах и используется в официальных целях, он стал основой для грамматики Тиерсмы. Поскольку, по мнению автора, все еще существовала потребность в относительно полном описании грамматики фризского языка на английском языке, Академия Фриске любезно предложила и поддержала второе издание этой книги в 1999 г.³ На момент выхода второго издания завершалась работа над фризско-английским словарем. Обе работы в совокупности, по расчетам Тиерсмы, должны стать хорошей отправной точкой для студентов и ученых, начинающих изучать фризский язык.

В 1990 г. Питер вошел в профессорско-преподавательский состав юридического факультета Университета г. Лойолы (штат Калифорния), где затем заведовал кафедрой с 2009 г. до своей кончины в 2014 г. Он был любим студентами, неоднократно становился лауреатом премии «Лучший профессор года».

На фоне интенсивной исследовательской деятельности в сложных и фактически пионерских областях прикладной лингвистики, П. М. Тиерсма вел большую организационную деятельность. В частности, он был инициатором, организатором и президентом Международной ассоциации языка и права (*The International Language and Law Association*), президентом Международной ассоциации юрлингвистов (*International Association of Forensic Linguists*), координатором и медиатором многочисленных конференций, семинаров, круглых столов по проблематике взаимодействия языка и права, соотношению лингвистической и правоведческой составляющей в решении реальных проблем развития законодательства и отправления правосудия.

Наряду с этим Тиерсма входил в состав многих известных организаций, включая редакционный совет журнала *Oxford University Press*, выпускающего серию изданий по вопросам права и языка, а также в состав консультативных групп для классического в среде юрлингвистов «Словаря Блэка» (*Black's Law Dictionary*) и для «Словаря американского наследия» (*American Heritage Dictionary*). Он также работал в Консультативном комитете присяжных по уголовным делам при Су-

² Tiersma P. M. *Frisian Reference Grammar*. Dordrecht : Foris Publications, 1985. 157 p.

³ Tiersma P. M. *Frisian Reference Grammar*. 2nd ed. Ljouwert : Fryske Akademy, 1999. 147 p.

дебном совете Калифорнии, где помог переписать инструкции присяжных, чтобы сделать их более понятными и эффективными для присяжных заседателей.

В целом деятельность ученого была посвящена интеграции языка и права. Тиерсма — автор книг: «Юридический язык»⁴, «Говоря о преступности: язык уголовного правосудия» (совместно с Лоуренсом Соланом)⁵, «Пергамент, бумага, пиксели: право и коммуникационные технологии»⁶, «Оксфордский справочник языка и права» (совместно с Лоуренсом Соланом)⁷, а также многочисленных статей. Его буклет «Общение с присяжными: как составить более понятные инструкции для присяжных заседателей»⁸ был опубликован Национальным центром государственных судов и до сих пор широко распространен среди государственных учебных комитетов присяжных заседателей.

Актуальность работ Тиерсмы обусловлена тем, что в англо-американской правовой системе часто существует разрыв между структурой и смыслом писанных законов и их применением в реальных условиях, что может привести к несоответствующим результатам. Лингвисты пытаются исправить это несоответствие, подчеркивая необходимость понимания истории английского языка и основных идей в лингвистике (с целью проведения интеллектуальных реформ, например, движения за простой язык). Тиерсма также решает эти вопросы в своей монографии «Пергамент, бумага, пиксели: право и коммуникационные технологии». Профессор считал, что «с точки зрения стиля, язык закона часто является архаичным, формальным, обезличенным, пространственным или не отражающим суть. И он может быть относительно точным, или достаточно общим, или расплывчатым, в зависимости от стратегических целей составителя документа»⁹. В своем труде *“The nature of legal language”* он пишет: «Один из парадоксов юридической профессии заключается в том, что юристы, с одной стороны, являются одними из самых красноречивых пользователей английского языка, а с другой, — пожалуй, самыми известными его злоупотребителями. Почему юристы, преуспевающие в общении с присяжными, оказываются неспособными написать обычное, понятное английское предложение в контракте, доверенности или завещании? И что мы можем с этим сделать?»¹⁰.

П. Тиерсма последовательно рассматривал ситуации, в которых судьи должны анализировать язык. Целый ряд преступлений совершается посредством языка: подкуп, заговор, лжесвидетельство, угроза, вымогательство. В таких случаях, считает ученый, судья или присяжные должны решить, что обвиняемый имел в виду,

⁴ Tiersma P. M. Legal Language. Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1999. 328 p.

⁵ Solan L., Tiersma P. Speaking of crime. The language of criminal justice. Chigago, London : The University of Chicago Press, 2005. 289 p.

⁶ Tiersma P. M. Parchment, Paper, Pixels : Law and the Technologies of Communication. Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2010. 256 p.

⁷ Tiersma P. M., Solan L. M. (eds.). The Oxford Handbook of Language and Law. Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. 642 p.

⁸ Tiersma P. M. Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions. Williamsburg, VA : National Center for State Courts, 2006. 37 p.

⁹ Tiersma P. The nature of legal language.

¹⁰ Tiersma P. The nature of legal language. P. 7.

говоря те слова, которые предположительно доказывают один из элементов преступления. Подобно перечисленным преступлениям клевета представляет собой правонарушение, которое совершается посредством использования языка и которое бывает трудно объяснить с лингвистической точки зрения. Контракты, завещания и подобные частные соглашения представляют интерес с точки зрения реализуемых в них речевых актов. От решения лингвистических проблем часто зависит вопрос, будут ли контракт или завещание признаны действительными.

Проблемы, связанные с законодательными текстами, включают прежде всего их интерпретацию. Кроме того, не всегда ясно, как действия обвиняемого соотносятся с законодательным текстом. Судьям также приходится анализировать функциональное наполнение различных высказываний, произнесенных в процессе преступления, и квалифицировать их должным образом. Понятия прямых и косвенных речевых актов оказываются весьма полезны и применимы для этой цели в судебной деятельности¹¹. Обобщая анализ различных ситуаций, П. Тиерсма отмечает, что «при интерпретации текста законодательного или разговорного тщательный лингвистический анализ всегда должен быть пунктом отправления»¹².

Монография «Юридический язык», расширяя ранние работы Д. Меллинкова¹³, исследует происхождение юридического языка от ранних англосаксонских времен до наших дней (например, статуты, свидетельства, договоры, судебные заключения и т.д.) как с лингвистической точки зрения, так и сквозь призму судебной теории и практики.

В статье «Реформирование языка обучения присяжных заседателей»¹⁴ П. Тиерсма анализирует проблему эффективного общения судьи и присяжных. Автор пишет о коммуникативных неудачах, которые возникают в результате того, что сложные толкования закона и инструкции, которые судья дает присяжным, оказываются недоступными для понимания простого обывателя. Среди «лингвистических препятствий» автор выделяет избыточное использование пассивных конструкций, двойного и тройного отрицания, сложных юридических терминов; замену глаголов отглагольными существительными и опущение относительных местоимений; обилие сложноподчиненных предложений с нагромождением придаточных и т.д.¹⁵

Н. П. Глинская в рецензии на «Оксфордский справочник языка и права» так оценивает значение работы авторов для отечественной юрислингвистики: «Рецензируемое издание — это крупное достижение в сфере юридической лингвистики — особого направления в сфере междисциплинарной, межкультурной и меж-

¹¹ Дубровская Т. В. Судья как лингвист: лингвистический аспект правовой деятельности (на материале русского и английского языков) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1 (13). С. 123.

¹² Tiersma P. M. The judge as linguist // Loyola of Los Angeles Law Review. 1993. Vol. 27. P. 283.

¹³ Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston, Toronto : Little, Brown and Company, 1963. 526 p.

¹⁴ Tiersma P. M. Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 37—78.

¹⁵ Tiersma P. M. The judge as linguist // Loyola of Los Angeles Law Review. 1993. Vol. 27. P. 269—283.

культурной коммуникации. Сборник станет безоговорочно полезным для юристов и лингвистов, специалистов по языку права и юридической экспертизе, юридических переводчиков и преподавателей языка права в современной России»¹⁶.

Соавтор П. Тиерсмы Л. Солан говорил об их сотрудничестве: «В первое десятилетие текущего века мы с Питером представляли собой успешный авторский коллектив: мы опубликовали не только “Говоря о преступности” / “Speaking of Crime”, но также восемь совместных статей, причем все это на фоне индивидуального творчества и написания самостоятельных работ. Назову две работы Питера: замечательную книгу “Пергамент, бумага, пиксели” / “Parchment, Paper, Pixels” и его статью “Текстуализация прецедента” / “The Textualization of Precedent”. По моему убеждению, книга является самой лучшей его работой, которую он написал за всю жизнь. В ней содержатся ценные положения по теории права, творческий характер которых только усиливают доказательные размышления о взаимосвязи истории развития технологий и истории становления права»¹⁷.

Питер М. Тиерсма был коллекционером и ценителем редких и важных юридических документов. Он оставил свою необыкновенную коллекцию библиотеке Уильяма М. Рейнса при юридическом факультете Университета г. Лойолы. Библиотека делает эти документы общедоступными в режиме онлайн. На сайте URL: http://digitalcommons.lmu.edu/tiersma_collection/ можно ознакомиться с отсканированными копиями документов, включая страницу из Нюрнбергской хроники («Первая иллюстрированная книга») Anno Regni Georgii III quarto (Акт о введении более эффективного положения для правительства провинции Квебек).

«В течение почти 25 лет Питер был известным во всем мире ученым, любимым преподавателем и сыграл важную роль в составлении инструкций для присяжных, которые выдавались в каждом гражданском и уголовном процессе в судах штата Калифорния», — вспоминает профессор Виктор Голд, декан юридического факультета Университета г. Лойолы (штат Калифорния).

Говоря о мировом масштабе личности Питера Мейеса Тиерсмы, необходимо отметить, что рецензии на его монографии и статьи регулярно писали зарубежные ученые¹⁸; также результаты исследований Тиерсмы «проросли» в научных трудах российских филологов и лингвистов. Творческое и научное наследие автора тщательно изучено С. В. Власенко. В своих работах на ученого ссылаются, например, С. Н. Плотникова (2006), Н. П. Глинская (2012), В. С. Вахштайн (2014), Е. В. Харьков (2014), Т. В. Дубровская (2014), Н. Ю. Мартышко (2015), А. И. Геращенко (2016), Н. Э. Алексеев, Л. И. Алексеева, Т. В. Синева (2017), К. Г. Ибрагимова (2017).

¹⁶ Глинская Н. П. Язык и право: панорамный взгляд на современное состояние междисциплинарного взаимодействия (Рецензия на книгу: The Oxford Handbook of Language and Law / ed. by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. Oxford : Oxford University Press, 2012. 642 p.) // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 220.

¹⁷ Власенко С. В. Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тиерсмы.

¹⁸ См., например: Mootz F. J. III. Law as Language (Reviewing Peter M. Tiersma, Legal Language (1999)) // William S. Boyd School of Law. Scholarly Works. 1999. Paper 68.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вахштайн В. С.* Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. — 144 с.
2. *Власенко С. В.* Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тиерсмы // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 250—256.
3. *Глинская Н. П.* Язык и право: панорамный взгляд на современное состояние междисциплинарного взаимодействия (Рецензия на книгу: The Oxford Handbook of Language and Law / ed. by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 642 p.) // Вестник ВГУ. — Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 2. — С. 218—220.
4. *Дубровская Т. В.* Судья как лингвист: лингвистический аспект правовой деятельности (на материале русского и английского языков) // Известия высших учебных заведений. — Поволжский регион. — Гуманитарные науки. — 2010. — № 1 (13). — С. 122—131.
5. *Ибрагимова К. Г.* Межъязыковые лакуны в юридическом дискурсе и лингвокультурные аспекты их элиминирования (на материале англо-русского перевода) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2017. — 222 с.
6. *Мартыненко И. А., Злобина О. Г.* Корпусная лингвистика как инструмент для изучения юридической лексики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 11 (51). — С. 88—98.
7. *Мартышко Н. Ю.* Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2015. 201 с.
8. *Плотникова С. Н.* Лекции по судебной фонетике. — Иркутск : ИГЛУ, 2006. — 58 с.
9. *Солан М. Л.* Вспоминая Питера Тиерсму / пер. С. В. Власенко // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 257—259.
10. *Mellinkoff D.* The Language of the Law. — Boston, Toronto : Little, Brown and Company, 1963. — 526 p.
11. *Mootz F. J. III.* Law as Language (Reviewing Peter M. Tiersma, Legal Language (1999)) // William S. Boyd School of Law. Scholarly Works. — 1999. — Paper 68.
12. *Solan L., Tiersma P.* Speaking of crime. The language of criminal justice. — Chicago, London : The University of Chicago Press, 2005. — 289 p.
13. *Tiersma P. M.* Communicating with Juries: How to Draft More Understandable Jury Instructions. — Williamsburg, VA : National Center for State Courts, 2006. — 37 p.
14. *Tiersma P. M.* Frisian Reference Grammar. — Dordrecht : Foris Publications, 1985. — 157 p.
15. *Tiersma P. M.* Frisian Reference Grammar. — 2nd ed. — Ljouwert : Fryske Akademy, 1999. — 147 p.
16. *Tiersma P. M.* Legal Language. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1999. — 328 p.
17. *Tiersma P. M.* Parchment, Paper, Pixels : Law and the Technologies of Communication. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2010. — 256 p.
18. *Tiersma P. M.* Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Abstract. — 1993. — Vol. 22. — No. 1. — P. 37—78.

19. *Tiersma P. M.* Textualizing the Law // International Journal of Speech, Language and the Law. — 2001. — Vol. 8. — No. 2. — P. 73—92.
20. *Tiersma P. M.* The Textualization of Precedent // Notre Dame Law Abstract. — 2006. — Vol. 82. — Is. 3. — P. 1186—1278.
21. *Tiersma P.* The nature of legal language // In book: Dimensions of Forensic Linguistics / ed. by John Gibbons and M. Teresa Turell. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2008. — P. 7—25.
22. *Tiersma P. M.* The judge as linguist // Loyola of Los Angeles Law Abstract. — 1993. — Vol. 27. — P. 269—283.
23. *Tiersma P. M., Solan L. M.* (eds.). The Oxford Handbook of Language and Law. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2012. — 642 p.

Peter Tiersma
WHAT IS LANGUAGE AND LAW?
AND DOES ANYONE CARE?¹

This paper will discuss in a very general sense the emerging interdisciplinary field of language and law, as well as its relationship to the individual disciplines of both law and linguistics. It will also examine more specifically the field of forensic linguistics.

It's hard to know when exactly the study of language and law began. But there has always been a close relationship between these two fields, even if that relationship has not always have been formally acknowledged. It may be possible to have language without having law. Indeed, it is likely to have been the situation for much of the early history of mankind. Of course, our prehistorical ancestors would almost certainly have developed customs and some method of informal dispute resolution at a relatively early stage of human history. But the word "law" suggests something more formal than mere custom. I would like to avoid the philosophical and jurisprudential debates regarding what is "law," and how law differs from custom. Nonetheless, it seems safe to conclude that human beings had language long before they had law.

In contrast, it is utterly impossible to conceive of law without language. In making the statement, I do not want to suggest that law must inevitably be written. There are some scholars who seem to believe that the emergence of law necessarily presupposes the existence of writing. It is certainly true that the technology of writing facilitates the expression and communication of legal norms. Almost as soon as the ancient Babylonians created writing, they began to use it for legal purposes. Around four or five millennia ago, they were writing contracts on clay tablets and chiseling codes of law into stone stelae (Versteeg 2000).

Yet despite the close historical connection between writing and law, writing is not essential to the existence of law. An excellent example is medieval Iceland. Once a year, people would gather from all around the island to attend the Althing, a type of folk assembly or parliament. The Althing took place at Thingvellir, a dramatic setting where the Eurasian tectonic plate meets the North American plate. One of the main purposes of the Althing was to settle disputes. Of course, to settle disputes, it's convenient to have some law. Iceland at the time did not have a written code. Yet Iceland did have law. We know this because the official who presided over the Althing was called the *lögsögumaður*, or "lawspeaker." Every year, the lawspeaker was required to recite from memory one-third of Iceland's law to those who had gathered at Thingvellir. Thus, the entire corpus of the law would be recited in three-years cycles (Quinn 2000). Eventually, scribes wrote down the law of Iceland, as dictated by a lawspeaker. But it seems bizarre to suggest that before the scribes wrote down the lawspeaker's recital, Iceland had no law, and that after they wrote it down, Iceland did.

¹ Legal Studies Paper No. 2009-11. March 2009. URL: <http://ssrn.com/abstract=1352075>. This article appeared in: *Law and Language: Theory and Society* / Frances Olsen, Alexander Lorz, & Dieter Stein eds. 2008.

In contrast to writing, *language* more generally is indeed essential to law. Perhaps it's not necessary that legal norms be *articulated* in language, but at the very least they ought to be *describable* in language. In addition, just about any legal activity, such as settling disputes, making contracts, or providing for what happens to your possessions after you die, presupposes the existence of a sophisticated system of communication, which is another way of saying that such legal activities require language.

Thus, language is essential to law in at least two ways. First, laws or legal norms cannot exist without the ability to articulate or describe them in language. Secondly, language is an essential tool in carrying out the business of law. There is, without any doubt, an extremely close relationship between language and law.

Although this relationship is an ancient one, it's not clear when scholars first began to explicitly think about it or study it. We do know that people have been thinking about the consequences of writing down law for quite some time. About 500 BC, a Chinese prime minister ordered that certain laws be written down on bronze tripod vessels. The vessels themselves have been lost. But scholars know they existed because of a surviving letter written at the time by another government official. That official objected to the writing down of law, because he believed that people would stop following accepted norms of behavior and would instead "make their appeal to the written word, arguing to the last over the tip of an awl or knife." (Bodde & Morris 1973:16-17).

In contrast, the work of Plato suggests that the ancient Athenians had a more positive view of written law. In a speech by Clinias, he stated that "legal ordinances when put in writing remain wholly unchanged, as though ready to submit to examination for all time, so that one need have no fear even if they are hard to listen to at first, seeing that even the veriest dullard can come back frequently to examine them" (Plato 1926:319).

1. The marginality or obscurity of the field

Given that language and law are so closely linked, and that people have been thinking about the relationship for millennia, why is it that today—when interdisciplinary studies of all kinds have proliferated—the field of language and law remains a relatively obscure and marginal discipline?

This is not just my subjective impression. Using an informal corpus linguistic approach, in early 2006 I conducted a survey of the number of times that the phrase "language and law" appears on the Internet, using the search engine Google². It appeared 61,500 times. The phrase "language and *the* law" produced 58,200 hits. And "law and language" added another 126,000 hits.

Altogether these phrases produced around 250,000 hits, which might seem impressive. But now consider that the phrases "law and economics" and "economics and law" produced over 5 million hits. Of course, phrases like "law and economics" or "language and law" give only a rough indication of how much is being published on the Internet on these topics, which in turn provides a very approximate indication

² The search was conducted on April 13, 2006. For readers who might wish to see what the current situation is, it is critical to place quotation marks around this and similar phrases.

of how much scholarly attention is devoted to the respective fields. Yet it confirms my own impression, as an American legal academic, about the much greater amount of attention paid by American legal scholars to law and economics, as opposed to language and law. This phenomenon is particularly striking because language is at least as important to the law, and arguably more important, than economics is³.

To ensure that Google is not biased in some way, the search was repeated on Yahoo, another search engine. It produced 29,000 results for the phrase "language and law" (in quotation marks), 23,800 for "language and *the* law," and 57,700 for "law and language." For "law and economics" there were 905,000 hits, and 196,000 additional hits when the nouns were reversed⁴. By this reckoning, the Internet has about ten times more references to law and economics than to language and law. Roughly speaking, this confirms the Google results.

Part of the problem may be that there is no single descriptive label for the disparate activities that relate in some way to language and the law. For example, law and literature might be considered a branch of the study of language and law, or at least a closely related study. If we add the search results for that phrase (once again, placing the phrase in quotation marks and using the search engine Google), we would have somewhat over 220,000 more references to the topic. Reversing the nouns ("literature and law") nets another 50,000 results. Likewise, we could conduct a search for the term "linguistics and law," but this increases our results by a paltry 551 hits. The results for "law and linguistics" roughly doubles the total to approximately one thousand. Finally, we could add the term "forensic linguistics," a phrase that has made significant headway recently in the United Kingdom. That collocation returned somewhat over 70,000 hits.

The grand total of all these possible references to the study of language and law is approximately half a million, which is still quite a few less than are garnered by the single phrase, "law and economics."

Similar results obtain in other languages. Once again using Google, the phrase "Sprache und Recht" (language and law) returned over 14,000 hits. "Recht und Sprache" produced an additional 9,400. The phrase "forensische Linguistik" produced a much smaller number of hits (695)⁵. A closer examination of the websites suggests that there is a fair amount of interest in forensic linguistics at various German universities, including several courses on the topic, as well as faculty who list themselves as doing research in this area. It's also worth noting that about all of the interest in "forensische Linguistik" seems to be in departments of linguistics or German or some other language, rather than in law faculties.

³ For some reason, when I replicated this search in early 2007, the number of results was quite a bit lower: around 1.4 million for the phrases "law and economics" and "economics and law." The results for language and law were also lower than when the search was conducted in April of 2006, but not as dramatically. Apparently, Google has changed how it counts results. The moral is to use these numbers with caution, but the overall conclusion remains the same.

⁴ Search conducted January 17, 2007.

⁵ This number had increased to 1,610 when the search was replicated in January, 2007. In addition, adding the results for "forensischen Linguistik" increased the number by 328 results.

By way of comparison, it's difficult to get a handle on the impact of law and economics in the German-speaking world. The phrase "Recht und Ökonomie" produced approximately 16,000 hits, and "Ökonomie und Recht" around 16,700. And the phrase "ökonomische Analyse des Rechts" appeared in over 25,000 web pages⁶.

These search results give only an extremely general indication of the size of a particular field of study and research. But it does seem that in Germany, law and economics is not as trendy as it is in the United States, a result confirmed by a German colleague who has taught law in both countries⁷. Or—on the positive side—it may be that the study of language and law is considerably more prominent in Germany than in the English-speaking world. Part of the reason may be the multilingual nature of the European Union, which has been the subject of much scholarly attention recently.

Overall, despite some encouraging news, these results suggest that language and law is a field of study whose significance has not up to now been fully appreciated. Why might this be so?

2. An underappreciated discipline

2.1. Failure to engage the legal profession

One of the major reasons that language and law is underappreciated is that legal education, and the legal profession more generally, pays very little explicit attention to it. At least in the United States, lawyers and law professors tend to view language as a tool, rather than as an object of study. Lawyers are *users*—often very good users—of language, but most of them don't consciously think about it very much. The result (or perhaps the cause) of this state of affairs is that law schools devote little attention to language and the law as a subject. In contrast, there are quite a few classes on law and economics at American law schools, and a respectable number of courses on law and literature, or law and feminism, or race and law.

The Internet once again provides some tangible perspectives on this issue. Thus, if you search on Google for "law and economics seminar," you will find dozens of courses offered at major American law schools. "Law and literature seminar" also reveals information about a respectable number of law school courses. But classes on language and law are an extremely rare breed at American law schools. Courses on the topic are currently offered on a regular basis only at Brooklyn Law School and Loyola Law School in Los Angeles. David Mellinkoff once taught such a course at UCLA law school, but since he retired and died, there has apparently been no effort to replace the course⁸. Nonetheless, it suggests that the presence of a course on language and law

⁶ The results when the search was replicated in January 2007 was somewhat lower (22,300). In general, the results for law and economics were somewhat lower in 2007, while the results for language and law were slightly higher. I have no explanation, but the trend is encouraging.

⁷ Thanks to Joachim Zekoll of the law faculty at Frankfurt University.

⁸ Through an informal survey I know that there are at least two dozen courses on some aspect of language and law or forensic linguistics offered at universities around the world, but mostly these are taught at the undergraduate level in departments of linguistics rather than law schools.

at American law schools is purely a matter of happenstance. No law school seems to believe that it needs to have an expert on legal language on its teaching staff or to offer a class on the subject. Of course, if such a person ends up on the faculty, which has occurred in a few instances, adding a course on language and law to the curriculum is usually tolerated, or might even be encouraged⁹.

The closest that most American law schools come to a course on language and law is that almost all of them offer classes on legal writing. In fact, such courses are often mandatory. But these are usually skills classes that teach students how to use language for specific purposes, such as writing legal memoranda or briefs, rather than focusing on the relationship between language and law. They are generally taught by teaching assistants, practicing lawyers, or special skills faculty, who are almost always considered second-class citizens in the hierarchy of the legal academy. Although there are some notable exceptions, most teachers of legal writing have little training in language or linguistics, so it's not surprising that they usually focus on nuts and bolts of drafting legal documents. Having said this, there are a number of areas in which the legal academy pays somewhat more attention to language per se. One of these areas is the distinctive language of the profession.

2.2. The language of the legal profession

Scholars have done a fair amount of analysis of the language of lawyers, or the language of the law, and how it differs from ordinary speech and writing. Most of this literature has focused on written language. A classic study is Mellinkoff (1963). Tiersma (1999) also concentrates primarily on written language, although it pays relatively more attention to oral communication than Mellinkoff did.

Anyone who analyzes the written language of the legal profession soon realizes that there is room for improvement. When it comes to usage and style, the person who has unquestionably made the largest impact in the English-speaking world is Bryan Garner. He has introduced modern lexicographical principles to the most recent editions of the venerable *Black's Law Dictionary* (see Tiersma 2006). Garner, as the author of a *Dictionary of Legal Usage* and also a handbook of American usage in general, has become a leading arbiter of legal style. Although most linguists are inherently suspicious of anyone engaging in what they consider to be prescription, Garner bases his recommendations on careful observation of the better legal writers, and his work for that reason is potentially quite useful for the average lawyer, who can do far worse than imitate the style of Holmes, Cardozo, or Lord Denning.

A practical application of the work done on legal language has been the movement to make the law more understandable to the public at large, especially in the case of contracts, leases, warnings, and other legal documents that are directed at consumers. This is the focus of the plain English movement. The classic book in this area is Wydick (1994).

In addition to consumer documents, jury instructions have also claimed the attention of the plain English movement. A number of states, most notably California, have

⁹ One possible exception is Brooklyn Law School, as the Center for Law, Language, and Cognition, headed by Larry Solan, attests.

abandoned the legalese that is traditionally used to explain the law to juries and replaced it with instructions in more ordinary English (see Tiersma 2006).

Yet although progress has been made in this area, it still remains relatively marginal from the perspective of most legal academics. Generally, law schools seem to regard the study of legal language as part of the skills curriculum, if they think about it at all. Or, in the alternative, legal language may so integral to the study of law that legal academics seldom explicitly distinguish it from the substantive areas in which they are interested.

2.3. Language and the substantive law

Linguistic knowledge can also be helpful in understanding the substance or content of the law. Once again, however, the legal profession seems slow to recognize the point.

One area where some progress has been made is in criminal law. Janet Ainsworth's excellent explanation of why interrogating police officers are sometimes allowed to ignore requests by suspects for the assistance of a lawyer during police interrogation, which appeared in an article in the *Yale Law Journal*, illustrates how a lawyer with some background in linguistics can illuminate an otherwise obscure area of the law (Ainsworth 1993). Other examples relating to criminal law can be found in Solan and Tiersma (2005).

Constitutional law is another area in which theories of language and linguistics have played a modest role. The American constitution protects the "freedom of speech," for instance, but what exactly is meant by "speech"? Does "speech" include only verbal utterances, or can it also include nonverbal acts that communicate in some way? Conversely, can verbal utterances, such as threatening or hateful speech, be classified as "conduct" rather than "speech," which would mean that they are not protected by the free speech clause? There has been intense debate on these issues, sometimes making fruitful use of the tools of speech act theory and the philosophy of language (Greenawalt 1989; Haiman 1993; Tiersma 1993).

The area where knowledge about language and linguistics has probably had the greatest impact is legal interpretation, especially the interpretation of statutes. An English judge, Chief Baron Pollock, once remarked that "Judges are philologists of the highest order" (Megarry 1958:25). Whether judges are philologists is debatable, but English judges did indeed pay very close attention to language in the past, especially when an interpretive principle called the *plain meaning rule* was in vogue. This rule mandates that judges must determine the meaning of a legal text acontextually, without considering any evidence outside of the text itself. Barred from considering "extrinsic evidence," judges developed canons or maxims of interpretation to help them resolve the meaning of difficult or ambiguous language.

Some of these maxims, including *expressio unius* and *ejusdem generis*, were held to reflect rules of ordinary language, rather than being made-to-order legal principles. The canons of interpretation have been subjected to a great deal of criticism in the past few decades. But at least two legal scholars, Sinclair (1985) and Miller (1990), using the tools of linguistic pragmatics, and more specifically Grice's (1989) notion of *conversational implicature*, have shown that the textual canons are indeed linguistically-based generalizations about language.

The plain meaning rule and the accompanying canons were also influential in United States, albeit never so much as in England. Yet about two decades ago, Justice Antonin Scalia of the U. S. Supreme Court began a campaign to reinvigorate them. This led to a huge debate, at least among legal scholars. One of the more interesting aspects of this debate has been the linguistic perspective that the notion of “plain” meaning (which generally refers to acontextual or literal meaning) is very problematic (Solan 1993).

Another promising approach in the area of legal interpretation is cognitive linguistics, or cognitive science more generally. Examples of work in this area include Solan (1998) and Winter (2001).

Of course, language-based approaches are not the only way, or even the best way, to interpret statutory language. There are many nonlinguistic considerations that should be taken into account in deciding how to understand and apply a statute. But to the extent that we expect judges to carry out the intentions of legislatures, and to the extent that those intentions are expressed by language, linguistic approaches to meaning—which are based not on abstract theorizing, but on observations of how people actually use language—are obviously extremely relevant to this enterprise.

Some legal scholars are beginning to realize that linguistics can be useful in understanding legal interpretation, but few have the background to put this insight into practice. Many legal scholars during the past decade or two have taught themselves the fundamentals of economic theory. Maybe it’s time for legal academics to learn some basic principles of language, especially if they consider themselves to be experts in areas of the law, like legal interpretation and free speech, where a more sophisticated knowledge of language and linguistics can be especially helpful.

Whether a growing appreciation of the role of language in understanding legal issues will energize the field of language and law is harder to say. Most legal scholars who know something about philosophy of language or linguistics, which is already a very small number, tend not to think of themselves as engaged in the practice of language and law. Instead, they regard themselves as experts in legal writing or criminal law or constitutional law. There is a very small number of people in the legal academy who consider themselves to be specialists in language and law. Until that situation changes, the field is going to remain a relatively marginal enterprise within the legal world.

3. A fractured field

If the field of language and law is underappreciated in the legal world, there seems to be substantially more interest in the topic on the “language” side of the equation, among scholars of linguistics, communications, and perhaps also in anthropology, literature, and sociology. Obviously, the problem here is not lack of interest. Rather, it is that there are a number of different groups producing work in this area, often with differing backgrounds and interests. These groups sometimes identify themselves as being part of the broader field of language and law, but on other occasions they identify themselves more narrowly with their own group. They don’t talk to each other very much, don’t attend conferences together all that often, and therefore tend not to know what other groups of scholars are doing. There is nothing wrong with this, of

course, but it does tend to result in the overall field of language and law being relatively fractured and consequently receiving less prominence than it might otherwise deserve.

It may be useful at this point to survey the various fields of study and research that could reasonably be considered as comprising part of the larger field of language and law. I will be mentioning some of the major works in each of these disciplines to give some idea of what sorts of scholarship are being done. To keep the task manageable, this survey is limited almost entirely to books that are written in English, and it also leaves aside journal articles and books that are merely collections of essays. Those who want a more comprehensive list of resources should consult Levi (1994) or the online bibliography that can be found on the website of the International Association of Forensic Linguists (www.iafl.org).

3.1. Law and literature

The field of law and literature is a large one. Two of the leading figures are quite prominent in American intellectual life. One is Richard Posner, a very well-known and extremely prolific judge, who has written a book on the “misunderstood” relationship between literature and law (1988). The other is Stanley Fish, who comes from the literary world but has an appointment at a law school and for the past decade or two has written on legal and literary interpretation (see Fish 1989).

For the most part, work in law and literature seems to revolve around analysis of literary themes in legal texts, legal themes in literary texts, and discussion of whether and how literary theory might have relevance to the problem of legal interpretation.

One way to get a more specific idea of what is included in the field is to browse through the two-volume bibliography by Christine Alice Corcos (2000). It contains over 1000 pages listing books and articles on the topic. Assuming an average of at least 30 works per page, we can conclude that there have been more than 30,000 books and articles written on law and literature, broadly construed.

Focusing in more closely, we see that there are well over 50 pieces of scholarship in the Corcos bibliography under the heading “Was Shakespeare a Lawyer,” hundreds of works on “Shakespeare’s Vision of Law and Lawyers,” and one or two thousand articles and books on legal themes in his various plays. And this, of course, is just a small part of the field of law and literature.

Obviously, if we could incorporate this enormous body of scholarship into the category of language and law, we could vastly increase its perceived significance. But it seems to me that law and literature—as a whole—cannot simply be considered a branch of language and law. There’s a close relationship, of course, but it is one between two equal categories, rather than category and subcategory.

Of all the work being done in this large field, the one area that deals most explicitly with language is the scholarship that compares literary and legal theories of interpretation, including discussion of the importance of authorial intentions and the role of the audience. A good overview of some of this work can be found in a symposium issue of the *Texas Law Review* (1982).

Another area of overlapping interests is authorship attribution, discussed in somewhat more detail below. Just as literary scholars debate who wrote the works attributed to Shakespeare, forensic linguists debate who wrote a threatening letter or whose voice is contained on an incriminating audio recording.

3.2. Law and semiotics

Another discipline that could be considered part of the broader language and law movement is semiotics and the law. A good overview is provided by Bernard Jackson (1985). Law and semiotics has its own journal, the *International Journal for the Semiotics of Law*, also known as the *Revue Internationale de Sémiotique Juridique*. The French title suggests (correctly, in my estimation) that this discipline is better known in continental Europe than it is in the English-speaking world.

The journal also gives us some idea of what those who are part of the discipline consider to be included within it. It welcomes submissions on the “different forms of textual analysis to the discourses of law.” More specifically, it refers to the semiotic approaches of Greimas, Peirce, and Lacan, as well as rhetoric, philosophy of language, sociolinguistics, and deconstructionism. Arguably, some of these approaches more useful than others in trying to understand the “discourses of law,” but they certainly are connected in some way to the study of language and law.

3.3. Law and rhetoric

Rhetoric and law could likewise be considered part of the broader category of language and law. Rhetoric has been studied since classical times. And theories of rhetoric were put to practical use in the courts of this period as well, most notably by Cicero.

Modern work on legal rhetoric includes that of Peter Goodrich (1987) and Austin Sarat (see, e.g., Sarat and Kearns 1994). Not surprisingly, there is also a huge practical literature, mostly written by lawyers for lawyers, on the use of language as a persuasive tool. To the extent that it focuses on linguistic devices, it seems that the study of rhetoric and law fits quite naturally under the umbrella of language and law.

3.4. Discourse analysis, sociolinguistics, and law

Discourse analysis, and sociolinguistics more generally, is another discipline that is being used to shed light on the legal system. There is a growing number of studies on the discourse strategies that occur in the courtroom, often involving analysis of the interaction between legal professionals and ordinary citizens during trials.

Examples include Janet Cotterill’s (2003) study of the O. J. Simpson murder trial, Greg Matoesian’s (2001) work on the William Kennedy Smith rape trial, Susan Ehrlich’s (2001) book on a rape case that took place on a university campus, Gail Stygall’s (1994) analysis of a civil trial, and the ethnographic study by John Conley and William O’Barr (1990) of discourse in small claims courts. This literature, which often focuses on how legal professionals use language as a tool of power and domination, once again clearly fits within the realm of language and law.

3.5. Multilingualism and legal translation

Bilingualism (or multilingualism and law) is a field that has received a great deal of attention during the past years. Much of the interest results from the development of the European Union and the linguistic issues created by a political entity that operates in almost two dozen official languages (see, e.g., Bhatia, Candlin, Engberg, & Trosborg 2003).

This complex multilingual situation poses challenges not just for interpreters and translators, but also for the legal profession, which must often make sense of legislation that has no single authoritative text. In the United States, multilingualism is also an issue, but there the focus is primarily on language policy and rights. Both legal scholars and social scientists have examined the growing bilingualism or multilingualism in the country, both in everyday life and in the legal system (Berk-Seligson 1990). There has been quite a bit published in American law journals on the rights of members of linguistic minorities to have an interpreter in court, to understand the Miranda warnings, to receive bilingual education, or to use their native language in the workplace.

Most of the people writing in this area do not seem to consider themselves part of the field of language and law, however. Instead, they tend to identify with various movements that fight for the rights of ethnic and racial minorities. But it seems fair to conclude that these concerns are also a very natural part of the study of language and law, broadly speaking.

3.6. Philosophy of language and law

There is a great deal of interest in the intersection between law and philosophy, both by philosophers and legal academics. Sometimes this field of enquiry is simply called *jurisprudence*. Philosophy of language, and more specifically, speech act theory, is probably the aspect of philosophy most relevant to language and law. An interesting attempt to apply speech act theory to the legal system is Kurzon (1986).

More central to the concerns of jurisprudence is the nature of law itself. As one might expect, this discussion is often quite philosophical. But when philosophers look more closely at the language in which laws are expressed, the discussion can become more linguistic. Is law a *command* from the sovereign to the population as a whole, or does it consist of *declarations*, or is it a series of *statements* to judges regarding how they should decide cases? In other words, what kind of speech act is the law? This is a fascinating issue, although legal philosophers seem to have lost interest in it recently. There also is a very large literature on what we might call philosophical approaches to legal interpretation. A good introduction to legal interpretation from a philosophical point of view is Bix (1993).

3.7. Forensic linguistics

The final branch of language and law to be discussed here is forensic linguistics. An initial issue is that it is not entirely clear what the field of "forensic linguistics" includes. It unquestionably refers to the use of linguistic knowledge and methodologies to solve factual issues that are relevant to legal disputes. For instance, linguistic expertise can help resolve questions of identity. Who is the author of a particular writing? Who spoke the words captured on a sound recording of a telephone conversation made to the police? And is it possible to identify a person's national origin based on linguistic analysis?

Although the identify of speakers and writers is a major preoccupation of forensic linguistics, practitioners of the field concern themselves with just about any factual questions that are raised in legal disputes and involve issues of language. Thus, Shuy (1993) discusses several examples in which he has testified regarding the content and meaning of statements that were secretly tape-recorded by police or government

informants. And Coulthard (2002) has conducted analyses that call into question the authenticity of some written confessions that have been used in British criminal cases.

The biggest challenge facing the practitioners of forensic linguistics is the reliability of their results. Eades (2005) has been at the forefront of efforts questioning the accuracy of national origin identification work that has been used by various governments around the world to determine whether to grant asylum. Lawrence Solan and I have expressed concerns about the reliability of speaker and author identification as currently practiced. The problem is not that linguistic judgments on such issues are necessarily unreliable, but that we presently have so little knowledge of how reliable they are. We conclude that the field has been making serious progress on this issue, although completely reliable identification of a speaker or author based on a relatively short sample of speech or writing (as is typical in real cases) remains elusive (Solan and Tiersma 2005).

Some scholars suggest that the term “forensic linguistics” should be employed more broadly, as a synonym for the phrase “language and law” (Gibbons 2003). “Forensic linguistics” is a convenient term, and it has gained a certain amount of currency. But in my view, forensic linguistics is inevitably going to be regarded as a subfield of the broader field of language and law.

There are two problems with using “forensic linguistics” to refer to language and law in this more expansive sense. One the word “forensic.” In the legal context, “forensic” generally refers to people or organizations devoted to solving crimes. Somewhat more broadly, it could be used to refer to scientific efforts to resolve any type of factual issue relevant to a legal dispute. But it does not usually refer to analysis of the law or the workings of the legal system in general, not does it apply to studies of legal language. So, it excludes a great deal of important work that is done by scholars studying the interaction of language and the law.

The other problem is use of the word “linguistics.” Although this term could be understood as referring to any aspect of the study of language, it in fact tends to be most often used to identify the highly formal study of language that is associated with people like Leonard Bloomfield, Roman Jakobson, and Noam Chomsky. Scholars engaged in the study of law and literature, or semiotics and law, or law and the philosophy of language, will in many instances not consider themselves to be part of this tradition.

The bottom line is that forensic linguistics is an important part of the field of language and law, as indicated by a growing organization devoted to its study (the International Association of Forensic Linguists) and by the *International Journal of Speech, Language, and the Law*. But forensic linguistics is not synonymous with the broader discipline of language and law.

4. Conclusion

If language and law is a discipline that has not realized its potential, the obvious question is what can we do about it?

One imperative is to make the field more relevant to lawyers, judges, and the legal academy. The challenge, of course, is figuring out how to accomplish this goal.

It seems to me that some of the most interesting and relevant work on language and law is being done by people who have degrees in, or at least substantial knowledge about, both language and law. Of course, for many scholars getting another degree or doing substantial coursework in either law or linguistics may not be a practical option.

A more realistic option is collaboration between scholars of law and scholars of language. A good example is Conley and O'Barr (1990). Working together may not always be easy. In the United States, law schools tend to be physically, or at least institutionally, detached from their universities. It may be that collaboration is more practical in Europe, where law faculties are ordinary departments within universities, rather than separate professional schools.

Another way of fostering more dialogue and collaboration is by means of organizations and conferences that bring scholars of language and law together. Of course, there's nothing wrong with meetings devoted to forensic linguistics, law and literature, law and semiotics, and similar cross-disciplinary ventures, but it would be very helpful if conferences were held regularly on language and law in the broader sense.

Finally, there is currently no organization that can serve to bind together all of the fractured groups that I've described. There's an International Association of Forensic Linguists, an International Association of Forensic Phoneticians, an International Association for the Semiotics of Law, an Association for the Study of Law, Culture and the Humanities, and so on. Perhaps it is time to begin discussions on creating an International Language and Law Association.

REFERENCES

1. Ainsworth, Janet. 1993. In a different register: The pragmatics of powerlessness in police interrogation. *Yale Law Journal* 103: 259.
2. Berk-Seligson, Susan. 1990. *The bilingual courtroom*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Bhatia, V. K., Christopher N. Candlin, Jan Engberg, and Anna Trosborg. 2003. *Multilingual and multicultural contexts of legislation: An international perspective*. Bern: Peter Lang.
4. Bix, Brian. 1993. *Law, language, and legal determinacy*. Oxford: Clarendon Press.
5. Bodde, Derk, and Clarence Morris. 1973. *Law in imperial China*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
6. Bowers, Frederick. 1989. *Linguistic aspects of legislative expression*. Vancouver: University of British Columbia Press.
7. Conley, John M., and William M. O'Barr. 1990. *Rules versus relationships: The ethnography of legal discourse*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Corcos, Christine Alice. 2000. *An international guide to law and literature*. Buffalo, N.Y.: William S. Hein & Co.
9. Cotterill, Janet. 2003. *Language and power in court: A linguistic analysis of the O. J. Simpson trial*. Houndmills: Palgrave.

10. Coulthard, Malcolm. 2002. Whose voice is it?: Invented and concealed dialogue in written records of verbal evidence produced by the police. *Language in the legal process* 19 (Janet Cotterill ed.). Houndmills: Palgrave.
11. Eades, Diana. 2005. Applied linguistics and language analysis in asylum seeker cases. *Applied Linguistics* 26:503—526.
12. Ehrlich, Susan. 2001. Representing rape: Language and sexual consent.
13. What is language and law? And does anyone care? 35 London: Routledge.
14. Fish, Stanley. 1989. Doing what comes naturally: Change, rhetoric, and the practice of theory in literary and legal studies. Durham: Duke University Press.
15. Gibbons, John. 2003. Forensic linguistics: An introduction to language in the justice system. Oxford: Blackwell Publishing.
16. Goodrich, Peter. 1987. Legal discourse: Studies in linguistics, rhetoric and legal analysis. London: Macmillan.
17. Greenawalt, Kent. 1989. Speech, crime, and the uses of language. Oxford: University Press.
18. Grice, H. P. 1989. Logic and conversation. *Studies in the way of words*, 22- 40. Harvard: University Press.
19. Haiman, Franklyn S. 1993. "Speech acts" and the First Amendment. Chicago: University Press.
20. Jackson, Bernard S. 1985. Semiotics and legal theory. London: Routledge & Kegan Paul.
21. Kurzon, Dennis. 1986. It is hereby performed: Legal speech acts. Amsterdam: John Benjamins.
22. Levi, Judith. 1994. Language and the law: A bibliographic guide to social science research in the U.S. A. Chicago: American Bar Association.
23. Matoesian, Gregory. 2001. Law and the language of identity: Discourse in the William Kennedy Smith rape trial. Oxford: University Press.
24. Megarry, R. E. 1958. *Miscellany-at-law: A diversion for lawyers and others*. London: Stevens and Sons.
25. Mellinkoff, David. 1963. The language of the law. London: Little, Brown & Co.
26. Miller, Geoffrey P. 1990. Pragmatics and the maxims of interpretation. *Wisconsin Law Review* 1990:1179.
27. Plato. 1926. Plato in twelve volumes, XI, *Laws*, vol. 2 (R. G. Bury trans.). Cambridge: Harvard University Press.
28. Posner, Richard. 1988. Law and literature: A misunderstood relation. Harvard: University Press.
29. Quinn, Susan. 2000. From orality to literacy in medieval Iceland. *Old Icelandic literature and society* 30 (Margaret Clunies Ross ed.). Cambridge: University Press.
30. Sarat, Austin, and Thomas B. Kearns (eds.). 1994. The rhetoric of law. Ann Arbor: University of Michigan Press.
31. Shuy, Roger. 1993. Language crimes: The use and abuse of language evidence in the courtroom. Oxford: Blackwell.
32. Sinclair, M. B. W. 1985. Law and language: The role of pragmatics in statutory interpretation. *University of Pittsburgh Law Review* 46: 373.
33. Solan, Lawrence M. 1993. The language of judges. Chicago: University of Chicago Press.

34. Solan, Lawrence M. 1998. Law, language, and lenity. William & Mary Law Review 40:57.
35. Solan, Lawrence M. and Peter Tiersma. 2005. Speaking of crime: The language of criminal justice. Chicago: University Press.
36. Stygall, Gail. 1994. Trial language: Differential discourse processing and discursive formation. Amsterdam: John Benjamins.
37. Texas Law Abstract. 1982. Symposium: Law and literature. University of Texas Law Review 60: 373—586.
38. Tiersma, Peter. 1993. Nonverbal communication and the freedom of “speech.” Wisconsin Law Review 1993: 1525—1589.
39. Tiersma, Peter. 1999. Legal language. Chicago: University of Chicago Press.
40. Tiersma, Peter. 2005. The new Black’s. Journal of Legal Education 55:386.
41. Tiersma, Peter. 2006. Toward more understandable jury instructions. Criminal Justice 21:4.
42. What is language and law? And does anyone care? 37.
43. VerSteeg, Russ. 2000. Early Mesopotamian law. Durham: Carolina Academic Press.
44. Winter, Steven L. A clearing in the forest: Law, life, and mind. Chicago : University of Chicago Press.
45. Wydick, Richard. 1994. Plain English for lawyers (third edition). Durham : Carolina Academic Press.

Материал подготовила:

И. А. Мартыненко,

*доцент кафедры английского языка
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических наук, доцент*

TIERSMA COLLECTION

The images in this gallery are from the donated collection of Peter M. Tiersma. This collection contains legal texts from throughout the ages.

UNIFORM LIVE STOCK CONTRACT (Prescribed by the Interstate Commerce Commission)

THIS form of contract to be used for shipments of Live Stock and Wild Animals instead of Uniform Bill of Lading

DUPLICATE ORIGINAL.—NOT NEGOTIABLE

The Nashville, Chattanooga & St. Louis Railway

THIS AGREEMENT, made this 12th day of JANUARY, 1946, by and with the

"The Nashville Chattanooga & St. Louis Ry."

party of the first part, hereinafter called the carrier, and W. H. A. Goss, (Shipper's name)

part of the second part, hereinafter called the shipper:

WHEREAS, the classifications and tariffs under which this agreement is made require that, for the purpose of applying the lawful rate of freight, the shipper must declare the shipment to be "Ordinary Live Stock," specifying the kind or kinds of animals, or if said "Ordinary Live Stock," now, then declare the kind and value of each animal, upon such declaration being provided below:

NOW, THEREFORE, THIS AGREEMENT WITNESSETH, That the carrier has received from the shipper, subject to the classifications and tariffs in effect on the date of this agreement, the livestock described below, in accordance with the conditions, contained and destined as indicated below, which the carrier agrees to carry to its usual place of delivery at said destination, if on its route or on its own way, free, otherwise to deliver to another carrier on the route to said destination. It is mutually agreed, as to each animal, of all or any of said livestock over all or portion of said route or to its destination, or any of said livestock, that every service to be performed and every liability incurred in connection with said shipment shall be subject to all the conditions, whether printed or written, herein contained, including the conditions on back hereof, and which are agreed to by the shipper and accepted for himself and his agents.

DECLARED BY THEODORE B. STILES P.O. NORTH DARTMOUTH HARBOR

Destination New Bedford State of MASS. County of _____

Route _____

Car Initials and Numbers 471 29646

ORDINARY LIVE STOCK

Ordinary live stock means all cattle, swine, sheep, goats, horses, and mules, except such as are chiefly valuable for breeding, racing, show purposes, or other special uses. On shipments of ordinary live stock no declaration of value shall be made by the shipper, nor shall any value be entered on this bill of lading.

OTHER THAN ORDINARY LIVE STOCK

On shipments of live stock chiefly valuable for breeding, racing, show purposes, or other special uses, different rates of freight are in effect dependent on the valuation placed thereon by the shipper; which valuation may be the basic value as stated in the classification, at which the lowest freight rate applies, or it may be the higher valuation up to actual value, in which event the freight rate will be higher by the amount prescribed in the tariffs or classifications. Such declared or agreed value shall be entered in the column provided therefor in this bill of lading, and in no event shall the carrier be liable for any amount in excess of such valuation.

I (We) declare the shipment covered by this bill of lading to be ordinary live stock.

I (We) declare the shipment covered by this bill of lading to be other than ordinary live stock, and of the value herein declared, or agreed upon, and entered.

Shipper _____

NOTE—The shipper shall execute one of the above declarations. Upon refusal of a shipper of other than ordinary live stock to declare the value of said stock for entry in this bill of lading the shipment will not be accepted for transportation under this contract. In the event the shipment consists of both ordinary live stock and other than ordinary live stock, both of such declarations shall be executed, but values shall be declared and entered on only the other than ordinary live stock.

Number and Description of Animals	Shipper's Declared Value (If on live stock chiefly valuable for breeding, racing, show purposes, or other special uses)	Weight (Subject to surcharge)	Rate of Freight (Per 100 Lbs.)	Per Car
1 HEAD MULE	LOADED 4:20 PM.			
SHIPPER'S LOAD A COUNT	ROUTED FOR MULE TO LYN DOWE AND RUST			
MULE PARTITIONED OFF IN END OF CAR				
FEED AND WATER IN CAR	IN WATER CITY'S DUE DATE NASHVILLE			

Subject to Section 3 of conditions if this shipment is to be delivered to the consignee without recourse on the consignee, the consignee shall sign the following statement:

The carrier shall not make delivery of this shipment without payment of freight and all other lawful charges.

Signature of Shipper _____

Acknowledgment to be used if freight is prepaid.

I charge are to be prepaid, write or stamp here "To be prepaid."

Received \$ _____ to apply in prepayment of the charges on the live stock described hereon.

For _____ Agent, Carrier.

(The signature here acknowledges both the receipt and payment)

Charges advanced \$ _____

Witness my hand and seal of the Company this _____ day of _____, 1946.

By _____ Shipper's Agent.

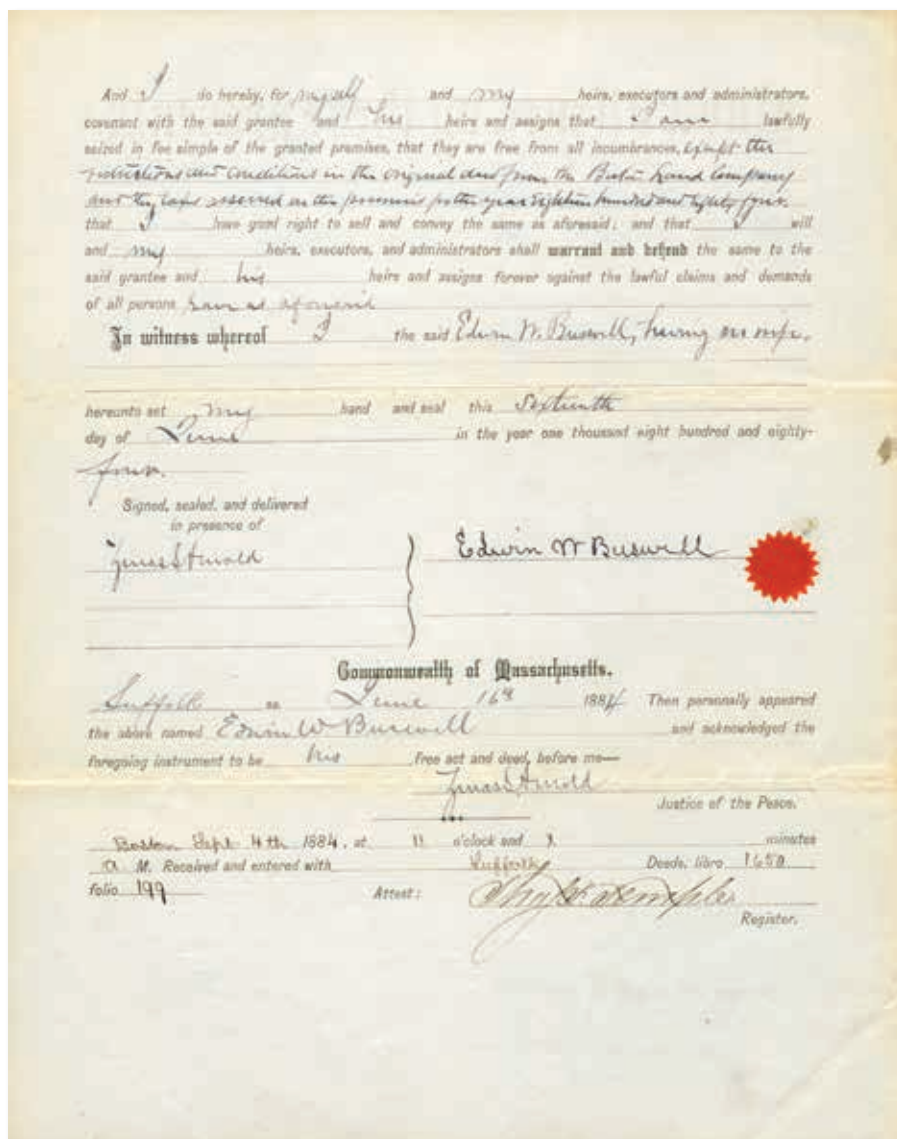
Witness _____

By _____ Agent.

*The word "agent" is to be understood throughout this contract as including any person or corporation in position of the live stock under the contract.

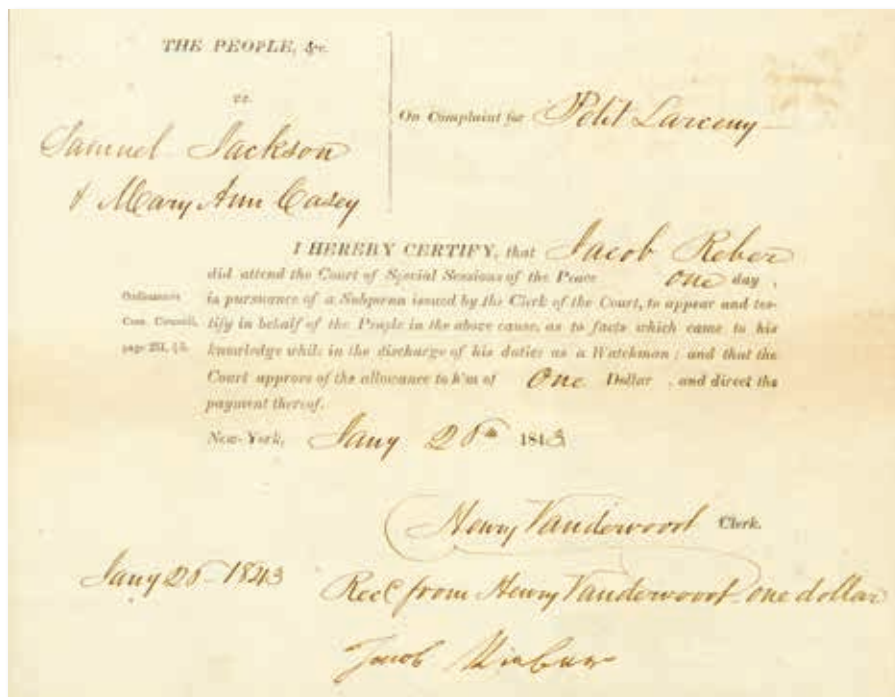
Contract between Nashville and St. Louis (1946)

This is a uniform live stock contract into by and between the Nashville Chattanooga & St. Louis Railway and Mrs. M. H. Sikes whereby the railway had agreed that it received from Sikes One head mule to be transported to its usual place of delivery.

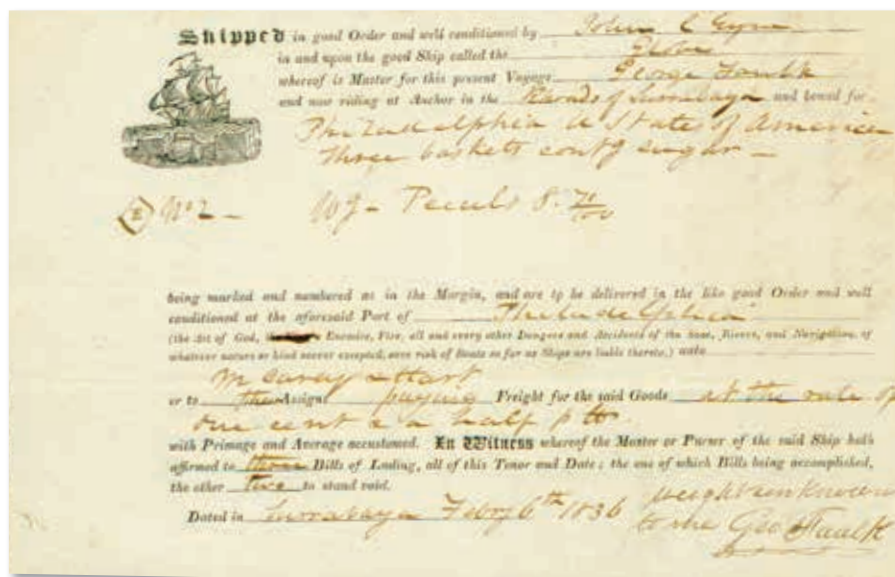
Deed (New York) 1884

Deed by and between Edwin W. Buswell and Mark W. Pray, in which Buswell granted to Pray a certain parcel of land situated in Suffolk County.

Certification Regarding Juror Allowance NY (1843)

Certification regarding juror allowance for Jacob Reber.

Bill of Lading (1836)

Bill of Lading in connection with three baskets of sugar. Surabaya to Philadelphia.

The State of Ohio, } In the Probate Court.
 Harrison County, ss.

In the matter of the minors of
 Thos McKee
 Deceased.

Application for appointment of Guardian

I, John McFadden, Harrison Co Ohio
 hereby make application for the guardianship of James C. McKee aged
 11 years the 3^d day of Dec 1864

minor and heir of Thos McKee deceased; and being
 duly sworn, say that the condition, situation and amount of all of the property of said
 minor heir as I verily believe is as follows, to wit: personal estate consisting of
 money in the hands of Thos McKee
 Settlor for Estate

amounting to
 about three hundred & fifty Dollars: and Real Estate
 situate in

Valued at 840
 1865

Dollars;
 the annual rents of which amount to John M^d Fadden Irish
 Dollars.

Sworn to and subscribed before me, this 13th day of
 Sept 1865

A. L. Larrison,
 Probate Judge

Application for Appointment of Guardian (1865)

ЭКЗАМЕНЫ НА ЗНАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Развиваясь, рынок труда становится более требовательным. И сегодня, когда ведение международных юридических дел на английском языке уже стало привычным, знание английского языка — *lingua franca* в сфере юриспруденции является одним из основных рабочих инструментов для каждого юриста, занимающего должность в транснациональной компании.

Работодатели таких организаций хотят быть уверенными в том, что нанятый ими юридический персонал владеет юридическим английским на достаточно высоком уровне и способен справляться с потоком информации на специализированном английском языке, а также осуществлять профессиональную коммуникацию с клиентами и партнерами в других странах. Поэтому рассматривая CV кандидатов, особое внимание они уделяют официальным документам, подтверждающим уровень владения юридическим английским. Такой документ позволяет облегчить процесс поиска сотрудников.

Для студентов и выпускников юридических факультетов подобного рода документ также является ценным, так как у них появляется возможность предоставить работодателям доказательство своей языковой компетентности. Таким образом, можно сказать, что экзамены на знание юридического английского и сертификаты, выданные после их успешного прохождения, созданы для того, чтобы удовлетворять потребности и работодателей, и соискателей.

TEST OF LEGAL ENGLISH SKILLS (TOLES)

Экзамены TOLES — это практикоориентированные тесты на знание юридического английского языка, учебные материалы которых разработаны при участии опытных практикующих юристов специально для нужд транснациональных юридических компаний.

Цель экзаменов состоит в проверке у соискателя практических знаний в области юридического английского, поскольку главными требованиями работодателей сегодня являются отличные навыки составления документов на правильном юридическом английском языке, навыки ведения переговоров на английском языке при участии иностранных партнеров и клиентов, умение понять и проанализировать правовые материалы.

Впервые экзамены TOLES были разработаны в 2000 г. компанией *Global Legal English Ltd.*, которая специализируется на обучении юридическому английскому языку, как прямое решение проблемы работодателей, сталкивающихся с трудной задачей найма юристов, обладающих языковыми дипломами, но не обладающих достаточными компетенциями для решения ключевых задач в области права с использованием юридического английского.

Сегодня TOLES не только проверяет и подтверждает качество знания юридического английского у соискателя в правовой нише, но также предоставляет возможность уже работающим юристам улучшить свой уровень владения юридическим английским или приобрести уверенность в ранее полученных знаниях. Кроме того, TOLES — неоценимое подспорье для переводчиков в области права, которые не являются носителями английского языка и до конца еще не смогли разобраться в самых незаметных оттенках профессионального языка.

Программа TOLES состоит из структурированного курса юридических учебных материалов по английскому языку, поддерживаемых тремя уровнями (Level 1, Level 2, Level 3) профессиональных экзаменов. Уровни экзаменов являются прогрессивными шагами к достижению стандарта юридического английского языка, необходимого таким работодателям, как международные коммерческие юридические фирмы, внутренние юридические группы в частных компаниях, переводчики высшего класса.

Экзамены TOLES информативны и удобны как для работодателей, так и для соискателей при трудоустройстве на юридические специальности, поскольку определяют не только лингвистические возможности того или иного юриста, но и не упускают из виду проблемы профессионального мастерства.

TOLES Level 1 подходит для начинающих и акцентирует внимание на базовой грамматике и практической юридической лексике в аутентичных ситуациях.

TOLES Level 2 подходит для среднего уровня, погружая слушателей в реалистичное введение в юридическую работу, затем проверяя практические навыки чтения, письма и аудирования в реальных юридических ситуациях.

TOLES Level 3 подходит для продвинутого уровня, когда слушатель владеет грамматикой и обладает словарным запасом на уровне носителя и может продемонстрировать не только юридическое чтение и письмо, безусловно, являющимися приоритетными в профессии юриста, но и знание регистра и навыки делового английского языка в реальных юридических ситуациях.

Последовательно проходя все уровни тестов (TOLES Foundation — базовый уровень владения английским юридическим языком, TOLES Higher — средний уровень владения английским юридическим языком, TOLES Advanced — профессиональный уровень владения английским юридическим языком), можно, во-первых, максимально точно оценить свои достижения в области освоения юридического английского, во-вторых, получить полный объем необходимых знаний — от первоначального знакомства с юридической лексикой до изучения сложных правовых тем.

Обучающие материалы для подготовки к экзамену TOLES всегда разрабатываются при участии опытных юристов.

Конкретное содержание тестов TOLES является результатом регулярных подробных консультаций с ведущими юридическими фирмами и постоянно обновляется в соответствии с изменениями в правовой сфере.

Экзамены TOLES широко известны в мире среди юридических фирм и очень высоко ими ценятся. Данные экзамены и учебные материалы к ним предназначены именно для практикующих юристов, желающих приобрести практические навыки языка для дальнейшей работы и быть готовыми к возможным рабочим ситуациям (переговорам, обсуждениям меморандумов, законодательных актов,

уставов, коммерческих предложений) и прочим обязанностям, включая обширную переписку по юридическим вопросам.

Международные юридические фирмы, транснациональные компании, которые имеют офисы в том числе в крупных российских городах, и многие государственные органы используют экзамены TOLES для проверки знаний юридического английского у кандидатов на вакантные позиции, среди них: *Baker McKenzie, PricewaterhouseCoopers, KPMG, European Court of Justice, European Central Bank.*

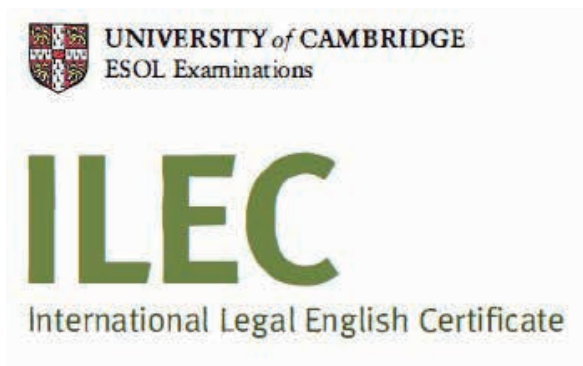
Сертификат TOLES действителен на протяжении всей жизни и не требует подтверждения.

ILEC

Экзамен ILEC (International Legal English Certificate) прекратил свое существование в 2016 г., возможно, отчасти потому, что являлся скорее академическим и был предназначен для выпускников иностранных юридических учебных заведений, планирующих продолжить свое обучение за рубежом для получения степени LLM (Master of Laws) или PhD (Doctor of Philosophy), нежели для практикующих юристов.

Кембриджский экзаменационный синдикат, пользуясь рекомендациями специалистов TransLegal, работал над International Legal English Certificate (ILEC) несколько лет. Экзамены с успехом проходили в странах Евросоюза, а 2008 г. их популярность возросла в США и в России.

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) к успешной сдаче этого экзамена много лет готовила своих студентов четвертого и пятого курсов кафедра английского языка № 1 (ныне кафедра юридического перевода ИЮП), поскольку он полностью соответствовал требованиям международного юридического рынка и был востребован в российских компаниях.

PROFESSIONAL LEGAL ENGLISH LANGUAGE EXAM

Не так давно командой экспертов-лингвистов и юристов с большим опытом преподавания, обучения и оценки профессиональных юридических знаний по английскому языку швейцарской компании Lawbility AG был разработан новый международный экзамен по юридическому английскому языку — Professional Legal English Language Exam.

Экзамен состоит из двух частей. Первая часть направлена на проверку знаний юридической терминологии в области контрактного, корпоративного

и трудового права и применение навыков профессиональной письменной коммуникации.

Вторая часть ориентирована на проверку понимания документов международной юридической практики и умение вести письменные переговоры с клиентом относительно его юридической проблемы.

С 2017 г. сдать этот экзамен можно в экзаменационном и тренинговом центре английского языка для специалистов в области юриспруденции Legal English Centre в г. Санкт-Петербурге.

Автор-составитель:

В. В. Пикалова,

доцент кафедры юридического перевода

Института юридического перевода

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат филологических наук, доцент

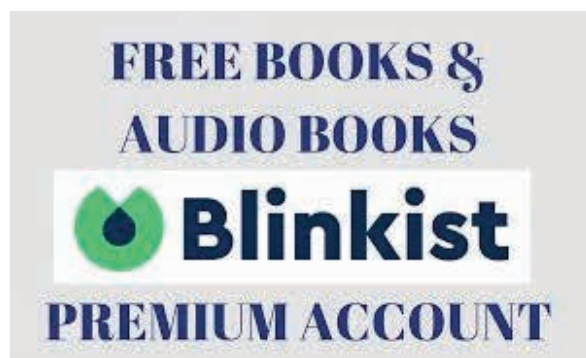
ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭТО — BLINKIST!

Время, в котором мы живем, многие называют началом эпохи Интернета и информационных, или цифровых, технологий. Трудно представить, что еще каких-то 20—30 лет назад не было смартфонов, планшетов, электронных читалок и прочих девайсов, без которых мы сегодня уже не мыслим нашу жизнь. Современные технологии не могли не затронуть и область образования, включая такую сферу, как преподавание и изучение иностранных языков. В целом можно с уверенностью утверждать, что Интернет и все связанные с ним ресурсы значительно облегчили процесс овладения иностранным языком. Теперь никого не удивит аутентичными аудио- и видеоматериалами, электронными словарями или онлайн-курсами с носителями языка. Количество разного рода сайтов, приложений и программ множится день ото дня. И хотя большинство из них напрямую никак не связаны с изучением иностранных языков, они представляют собой неоценимый источник современной идиоматичной английской речи.

В этом очерке я хотел бы познакомить вас с одним из таких интернет-ресурсов, который, не будучи специально предназначенным для обучения языку, на мой взгляд, может быть неплохим подспорьем в совершенствовании английского языка на продвинутом уровне. Итак, знакомьтесь, это — *Blinkist*!

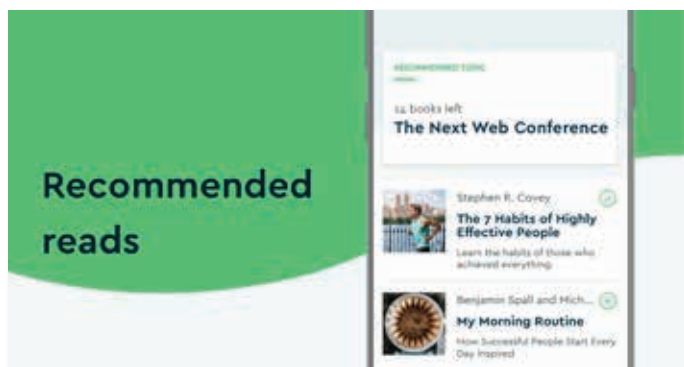
Представить *Blinkist* можно по-разному. Начнем с того, что *Blinkist* — это сайт www.blinkist.com и одноименное интернет-приложение для смартфонов. Идея создания *Blinkist* принадлежала четырем друзьям из Германии, которые основали этот интернет-ресурс в 2012 г. Сегодня *Blinkist* — это большая команда профессионалов, создающих инновационный интеллектуальный продукт для более 6 млн подписчиков по всему миру. В чем же «фишка» *Blinkist*? Цель данного приложения — представить пользователям Интернета в сжатом виде самые интересные книги в жанре нехудожественной литературы (*non-fiction*). Уникальность этого приложения состоит в формате представления материала, который называется *book-in-blinks*.

По сути, *book-in-blinks* — это профессионально составленный дайджест основных идей одноименной «полноформатной» книги в жанре *non-fiction*. Дайджест поделен на несколько глав, которые называются *blinks*. Их можно прочитать или послушать как аудиокнигу. Аудиокниги озвучены дикторами — носителями языка. Книга состоит из 5—9 глав, продолжительность аудиозаписи составляет в среднем 15—18 минут. Завершается книга резюме по всему материалу (*final summary*), в котором приводятся основные идеи всей книги.

Каждые сутки на сайте или в приложении *Blinkist* выкладывают одну книгу бесплатно (*free daily*). В полночь активируется новая книга и деактивируется старая. Работать с бесплатной книгой можно только в онлайн-режиме. При желании вернуться к какой-либо из ранее выложенных книг нужно купить платную версию мобильного приложения. Годовая подписка, стоимостью около 5 000 рублей, дает право читать любую книгу из библиотеки, которая на данный момент насчитывает около трех тысяч произведений *non-fiction*. В этом случае читать книгу можно и офлайн.

Хотя изначально *Blinkist* не задумывался как учебный ресурс, приложение обладает целым рядом преимуществ, которые могут заинтересовать как преподавателей, так и студентов, занимающихся самообразованием по иностранному языку. Рассмотрим некоторые из них.

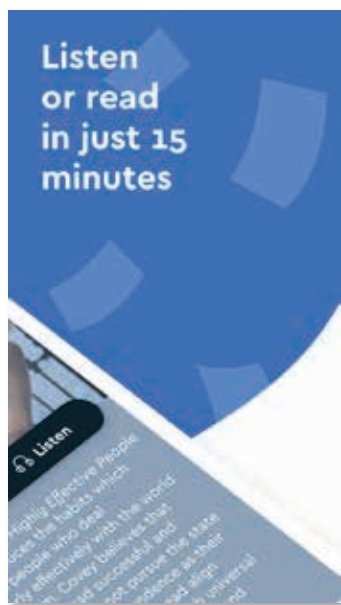

Интересный и качественный контент. Тематика *non-fiction* в силу своего разнообразия (экономика, политика, бизнес, наука, история, охрана окружающей среды, практическая психология, здоровый образ жизни и т.д. — всего 27 категорий) способна привлечь самый широкий круг читателей. Следует также отметить, что библиотека приложения постоянно пополняется, а сами книги тщательно отбираются. Вместо бессистемных и порой весьма поверхностных материалов блогов, твитов и лент новостей вашему вниманию предлагается только качественный контент.

Экономия времени. Используемый в книгах формат дает читателям возможность получить самую важную информацию по определенной теме за короткий период времени. Теперь в поисках ключевой информации вам не нужно «перелопачивать» 100 и более страниц текста — за вас это сделал профессиональный редактор! Что важно — текст книги при этом является законченным и цельным в смысловом отношении.

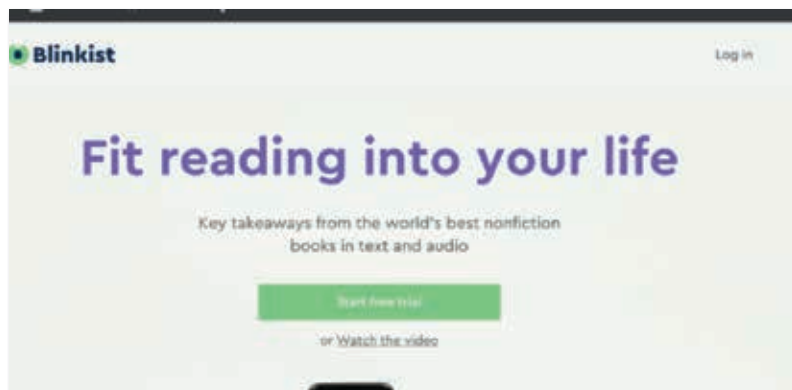
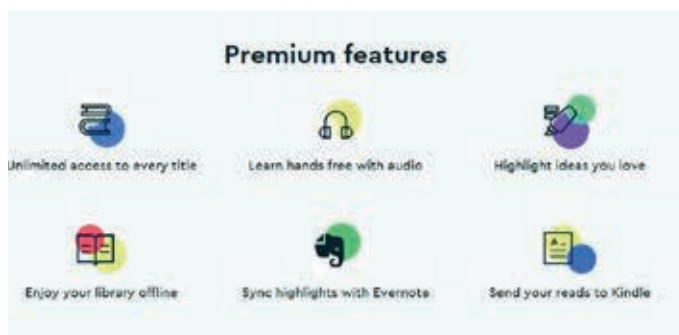
Удобный формат. Книгу в формате *blinks* можно прочитать и (или) прослушать на смартфоне за 15–20 минут, при этом у читателя есть возможность читать книгу по частям, что, к примеру, удобно для людей, которые любят читать в общественном транспорте (*on the go*) или же вынуждены читать урывками из-за нехватки свободного времени (*make the most of your downtime*).

Доступность и качество языка. По сравнению с художественной литературой язык *non-fiction* проще и больше следует стандарту: в текстах, как правило, отсутствуют жаргонизмы, историзмы, сложный синтаксис и другие языковые элементы, присущие конкретному автору или дискурсу. По этой причине тексты *non-fiction* легче для понимания. Это особенно важно при восприятии текста на слух. Все тексты написаны на письменном литературном языке, в силу чего они идеально подходят для пополнения словаря, изучения рецептивной грамматики и практики перевода.

Отличное средство для самостоятельного изучения языка. Книги *blinkist* можно использовать как для совершенствования навыков чтения и аудирования, так и в качестве источника пополнения словаря. В зависимости от наличия свободного времени, учебных целей и трудности текста вы можете разработать свой алгоритм работы с книгой. Например, сначала можно прослушать всю книгу без зрительной опоры на текст, затем прочитать ее, после чего отметить встретившиеся там интересные/новые слова и выражения. Также можно читать и слушать аудиозапись одновременно, отмечая новые слова по окончании каждой главы.

Book-in-blinks удобно использовать и для повторения материала: вы можете время от времени перечитывать понравившиеся вам книги, тем самым лучше запоминая как содержание книги, так и используемые в тексте ключевые слова и выражения. Наконец, не стоит забывать, что *book-in-blinks* также содержит резюме (*final summary*), которое можно использовать в качестве модели для сравнения с собственноручно написанным резюме прочитанной вами книги.

Надеюсь, что вам уже не терпится познакомиться с *Blinkist* лично. Сделать это совсем не трудно — достаточно выйти на сайт www.blinkist.com, загрузить мобильное приложение на вашем смартфоне, открыть предлагаемый бесплатный текст (*free daily*) и погрузиться в чтение! Enjoy!

Материал подготовил:

П. В. Рыбин,

доцент кафедры юридического перевода
Института юридического перевода
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

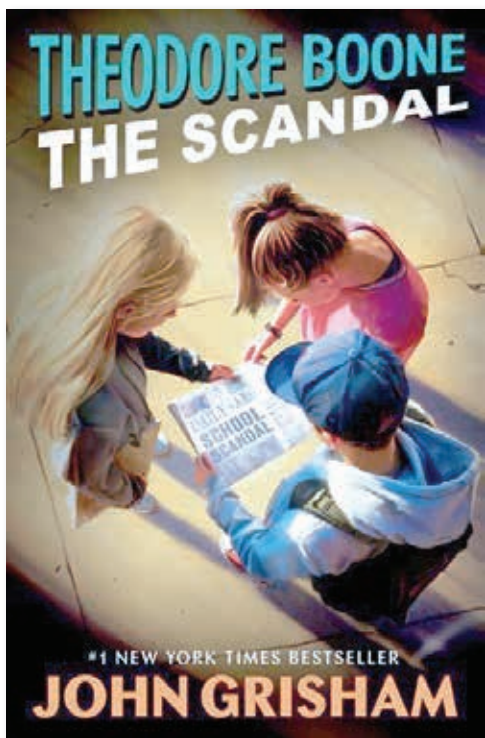

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ

Книга — это уникальный инструмент обучения любому языку. Если же вы начали своей нелегкий путь в освоении юридического английского, то вашим спутником с самого начала занятий должен стать юридический триллер.

Джон Гришем — «король юридического триллера» — уже много лет пишет о взаимоотношениях человека и закона (на злобу дня). И в 2016 г. был опубликован его очередной роман «Теодор Бун: скандал» (Theodore Boone: The Scandal), посвященный важной проблеме современного школьного образования во многих странах — фальсификации результатов учебной деятельности, в первую очередь экзаменов.

Как известно, лексика юристов обширна, как минимум из-за большого количества областей юридической деятельности. Этот роман, как и все предыдущие, содержит много юридической терминологии различных отраслей права. Поэтому, чтобы слова имели качественный контекст, а их запоминание становилось эффективнее, погрузитесь в профессиональную языковую среду прямо сейчас!

В. В. Пикалова,
доцент кафедры юридического перевода
Института юридического перевода
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических наук, доцент

John grisham THE SCANDAL (THEODORE BOONE)

Chapter 1

Theodore Boone woke up in a foul mood. In fact, he'd gone to bed in a foul mood, and things had not improved during the night. As a few rays of morning sun lit his room, he stared at the ceiling and tried to think of ways to avoid this entire week. Generally, he enjoyed school—his friends, the teachers, most of the classes, debating—but there were times when he just wanted to stay in bed. This was one of those times, the worst week of the year. Beginning tomorrow, Tuesday, and running through Friday, he and every other eighth grader would be stuck at their desks taking a series of dreadful tests.

Judge knew something was wrong, and at some point had left his spot beside Theo's bed and assumed his spot on top of the covers. Mrs. Boone frowned on the idea of the dog sleeping in Theo's bed, but she was downstairs having her quiet time with the morning newspaper and wouldn't know. Or would she? Occasionally she noticed dog hair on the covers and asked Theo if Judge was sleeping with him. Most of the time Theo said yes, but quickly followed the admission with the question: "What am I supposed to do?" He couldn't watch the dog while he, Theo, was sound asleep. And, to be honest, Theo didn't really want the dog in the bed with him. Judge had the irritating habit of stretching himself out smack in the middle of things and expecting Theo to retreat to the edges, where he often came within inches of crashing to the floor and waking up with a sore head. No, Theo preferred that Judge sleep on his little doggy bed down below.

The truth was, Judge did whatever he wanted to do, and not only in Theo's room but in every room in the house.

On days like today, Theo envied his dog. What a life: no school, no homework, no tests, no pressure. He ate whenever he wanted, napped most of the day at the office, and seemed unconcerned about most things. The Boones took care of his needs, and he did anything he wanted.

Reluctantly, Theo got out of bed, rubbed his dog's head, said good morning, but not with as much enthusiasm as usual, and went to the bathroom. Last week the orthodontist had readjusted his braces, and his jaws still ached. He grinned at himself in the mirror, took stock of the mouthful of metal that he despised, and tried to find hope in the fact that he might get the braces off just in time to start the ninth grade.

He stepped into the shower and thought about the ninth grade. High school. He just wasn't ready for it. He was thirteen and quite content at Strattenburg Middle School, where he liked his teachers, most of them anyway, and was captain of the Debate Team, almost an Eagle Scout and, well, thought of himself as a leader. He was certainly the only kid lawyer in the school, the only kid he knew of who dreamed of being either a big-time trial lawyer or a brilliant young judge. He couldn't make up his mind. In the ninth grade he would be just another lowly freshman at the bottom of the pile. Freshmen got no respect in high school. Middle school was okay because Theo had found his place, a place that would disappear in a few months. High school was all about football, basketball, cheerleaders, driving, dating, band, theatre, large classes,

clothes, shaving, and, well, growing up. He just wasn't ready for it. Most of his friends wanted to hurry along and grow up, but not Theo.

He stepped out of the shower and dried off. Judge was watching him and thinking about nothing but breakfast. Such a lucky dog.

As Theo brushed his teeth, or rather cleaned his braces, he admitted that life was changing. High school was slowly rising on the horizon. One of its most important and unpleasant warning signs was standardized testing, a horrible idea cooked up by some experts far away. Those people had decided that it was important to give the same tests at the same time to every eighth grader in the state so that the folks in charge of Strattenburg Middle School and all the other schools would know how they stacked up. That was one reason for the tests. Another reason, at least in Strattenburg, was to separate the eighth graders into three groups for high school. The smartest would be fast-tracked into an Honors program. The weaker students would be placed on a slower track. And the average kids would be treated normally and allowed to enjoy high school without special treatment.

Yet another reason for the tests was to measure how well the teachers were doing. If a teacher's class did really well, he or she would qualify for a bonus. And if the class did poorly, all kinds of bad things might happen to the teacher. He or she might even be fired.

Needless to say, the entire process of testing, scoring, tracking, and evaluating teachers had become hotly controversial. The students, of course, hated it. Most of the teachers didn't like it. Almost all parents wanted their kids in the Honors classes, and almost all were disappointed. Those with kids on the "slow track" were mad, even embarrassed.

And so the debate raged. Mrs. Boone was firmly opposed to the testing, so, of course, Mr. Boone supported it. The family had talked about testing for weeks, over dinner and in the car, and even while watching television. For a month, the eighth-grade teachers had been preparing the students for the tests. "Teaching to the tests," was the favorite description, which meant no creative teaching was being done and no one was having fun in class.

Theo was already sick of the tests, and they had not even started.

He dressed, grabbed his backpack, and went downstairs, Judge at his heels. He said hello to his mother, who, as always, was curled up on the sofa in her robe, sipping coffee and reading the newspaper. Mr. Boone always left early and joined his friends for coffee and gossip at the same downtown diner.

Theo fixed two bowls of Cheerios and put one on the floor for Judge. They almost always ate in silence, but occasionally Mrs. Boone joined them for a chat. She did this when she suspected something was bothering Theo. Today, she entered the kitchen, poured more coffee, and took a seat across from her son. "What's up today?" she asked.

"More reviewing, more practicing how to take the tests."

"Are you nervous?"

"Not really. I'm just tired already. I don't do well on these tests, so I don't like them."

It was true. Theo was almost a straight-A student, with an occasional B in the sciences, but he had never done well on standardized tests. "What if I don't make the Honors track next year?" he asked.

"Teddy, you're going to excel in high school, college, and law school, if you choose to go there. Don't worry about where they put you in the ninth grade."

"Thanks, Mom." Her words felt good in spite of the fact that she called him "Teddy," a little nickname that, thankfully, only she used, and only when they were alone.

Theo had friends whose parents were turning flips and losing sleep over the tests. If their kids didn't make Honors, the parents were convinced their kids were headed for miserable lives. The whole thing seemed silly to Theo.

She said, "I suppose you know that there is a backlash across the country against these tests. They are becoming very unpopular, and there appears to be widespread cheating."

"How do you cheat on a standardized test?"

"I'm not sure, but I've read about some of the cheating. In one district the teachers changed answers. Hard to believe, isn't it?"

"Why would a teacher do that?"

"Well, in that case, the school was not very good and on probation with the district. Plus, the teachers wanted to qualify for a bonus. None of it makes any sense."

"I think I'm getting sick. Do I look pale?"

"No, Teddy. You look perfectly healthy."

It was eight o'clock, time to move. Theo rinsed both bowls and left them in the sink, same as always. He kissed his mom on the cheek and said, "I'm off."

"Do you have lunch money?" she asked, the same question five days a week.

"Always."

"And your homework is complete?"

"It's perfect, Mom."

"And I'll see you when?"

"I'll stop by the office after school." Theo stopped by the office every day after school, without fail, but Mrs. Boone always asked.

"Be careful," she said. "And remember to smile."

"I'm smiling, Mom."

"Love you, Teddy."

"Love you back."

Theo stepped outside and said good-bye to Judge, who would ride in the car with Mrs. Boone to the office where he would spend his day sleeping and eating and worrying about nothing. Theo jumped on his bike and sped away, once again wishing he could be a dog for the next four days.

Chapter 2

At 8:40 the bell rang and Mr. Mount called his troops to order. Usually, on Mondays, they were fairly rowdy and gabbing nonstop over whatever happened during the weekend. Today, though, they were more subdued. The truth was that everyone in the eighth grade, from the kids to the teachers to the administrators, maybe even the secretaries and janitors, was dreading the week to come.

Woody raised his hand and said, "Say, Mr. Mount, I have an idea. Since I don't want to be on the Honors track, and since I'm far too smart for the slow track, why can't I just take a pass and be normal and skip all these tests?"

Mr. Mount smiled and said, "Because the school says you have to take the tests. It's one way of making sure our school is doing well."

"Our school is in the top ten percent in the state, or at least that's what we're told all the time around here," Woody replied. "Of course we're doing well. We have great teachers, brilliant students, the works."

"Sorry. Look, guys, I'm not crazy about these tests myself, but I'm not making the rules."

Woody was on a roll. "Okay, but just look around the room. We know that Chase and Joey and Aaron and maybe Theo will score high and make Honors. We also know that the slow ones—Justin and Darren and, of course, Edward—will end up in the slow group. Why can't the rest of us just admit that we're normal and skip the tests?"

Amid the hissing, Edward said, "Speak for yourself, you idiot."

"My IQ is much higher than yours," Darren shot from across the room.

"You almost flunked phys ed," Justin yelled from the back.

"Okay, okay," Mr. Mount said, holding up both hands. "That's enough for now."

"I think I'm going to puke," Woody said. "I'm really getting sick."

"Knock it off. First period will be with Ms. Garman to review math. Next will be language arts with Ms. Eberlee, then a fifteen-minute break. I know you guys are excited. Let's go."

They moaned and groaned and trudged out of the room, as if headed for a firing squad.

After three hours of torture, the students were especially happy to gather in the cafeteria for a thirty-minute lunch break. Theo wanted to get away from the boys and happened to see April Finnemore sitting alone. He took his tray of spaghetti and salad and eased into the chair next to her. "Having any fun?" he asked.

"Hello, Theo," she said quietly. They were close friends, nothing romantic or anything like that, though Woody and the others often teased Theo about his weird girlfriend. April was different, not weird. She was serious, often moody, and often misunderstood by her classmates. She dressed more like a boy than a girl, wore her hair very short, and had no interest in fashion and teen gossip and social media and all the other stuff she deemed trivial. She loved art and wanted to be a painter, in Paris or Santa Fe, somewhere far from home because home was not a happy place. Her parents were nuts. Her older brother and sister had already fled. She was often alone and left to fend for herself.

Theo was about the only kid in the eighth grade who tried to understand her. "Are you as bored as I am?" he asked.

"Totally. I can't wait until Friday afternoon and these tests are behind us."

"Are you nervous?" he asked as he shoveled in a load of spaghetti.

"Yes, very. I have to make the Honors track, Theo, because it offers more art programs. I don't care about anything else. The art classes are small, and the best teachers are in Honors." She spoke softly as she pushed some salad around her plate. She had the appetite of a bird. She hadn't touched her roll, and Theo had his eye on it.

"You'll do fine, April. You could make straight A's if you wanted to." She didn't, because neither parent pushed her at home. She was absent more than any other student, and when she was in class she was often unprepared. She made perfect grades in French and Spanish but was uninterested in everything else. Except art.

"How are things at home?" he asked, glancing around. It was a loaded question because the answer could be anything. The Finnemores lived in a rental house in a lesser part of town, and April kept her other friends away from the house. But Theo understood.

"Okay, I guess. About the same. I just stay in my room, do art, and read books."

"I'm glad things are okay."

"Thanks, Theo. You're going to do fine on the tests."

"I don't really care."

"Yes, you do. You're a good student and you're competitive. You want to be at the top of every class, including law school. Don't tell me you don't care."

"Okay, maybe a little. But law school seems like a long way off."

"It is. Let's get through high school first."

"Deal."

A boy named Pete approached them from the other side of the cafeteria and looked as if he wanted to say something. He was an eighth grader from another section, a kid Theo hardly knew. His hands were empty; he had no lunch tray, no brown bag. Slowly, he sat down and glanced nervously at April, then at Theo. "Hi, Pete," Theo said.

"Can I talk to you?" he said timidly, as if April had suddenly vanished.

"Uh, sure. What's up?"

"Can we talk, just the two of us?"

"Just finishing up here," April said as she grabbed her tray and stood. "See you later, Theo."

"Sorry," Pete said after she was gone. "I didn't mean to interrupt."

Well, you sure did a fine job of it, Theo thought, but said nothing. The kid had a bruise on his cheek and looked frightened. "Can we go outside?" he asked.

"Have you eaten?" Theo asked.

He nodded slightly, as if he wasn't sure. "Yes."

Theo stuffed his mouth with as much spaghetti as possible and took his tray to the counter. They stepped outside onto the playground and walked around the edge, far from the other kids. They walked and walked and Pete seemed unable to speak, so Theo finally broke the ice with, "What happened to your cheek?"

"You know all about lawyers and stuff, right?"

"I guess. Both of my parents are lawyers. I've sort of absorbed a lot. What's going on?"

"My dad drinks a lot, does some drugs. He came home late Saturday night drunk, and he and my mom got into a big fight. He smacked her around, busted a lip, there was some blood. I'm the oldest kid, two younger sisters, and I tried to help my mom. He slapped me a few times. My sister Sharon, she's ten, called 911 and the police came. They arrested my dad and took him away. It was terrible, just terrible. He's in jail, and now my mom, and me and my sisters, too, are really afraid of what will happen when he gets out."

Theo listened carefully as they continued walking. "Has this happened before?"

"Yes, but he's never hit me. A few months back, my mom threatened to call the police and he settled down. He said he would kill her if she ever told anyone. But if she tells the police now, then he'll just go to jail and lose his job. We don't have much money, Theo. My mom works two part-time jobs, and, well, I guess we're just in big trouble. What's

my mom supposed to do? Keep it quiet and keep getting beat up until he kills her, or tell the police everything and put him away in jail? We don't know what to do, Theo."

Theo was only thirteen. These questions would stump any adult. "He's still in jail?"

"Yes. He called the house last night from jail and said he would get out today. My mom is scared to death. So am I."

"Does your mom know a lawyer?"

Pete grunted. What a ridiculous question. "We can't afford a lawyer, Theo. That's why I'm talking to you."

"I'm not a lawyer, and I can't give legal advice."

"I know that. But what should we do?"

Theo wasn't sure what to do, but he had to do something. If he did nothing, Pete's mother and maybe Pete himself could be in real danger. Theo said, "My mother will know what to do. She's the best divorce lawyer in town, and she's not afraid of anything. Can you and your mom come to our office this afternoon?"

"I don't know. I'm not sure my mom will do that because if my dad finds out she's talking to a lawyer he might go crazy again. She's trapped, Theo. My mom is trapped and doesn't know where to go or what to do."

Theo stopped and put a hand on Pete's shoulder. "Here's the deal, Pete. I'm not sure what to do and you're not sure what to do, but we're just kids, right? My mother deals with this stuff all the time, and she'll give your mom the best advice possible. She will know exactly what to do. Trust me, and trust her. I'll give you the address of our office, and I'll talk to my mother. I'll meet you there this afternoon, and things will start to get better. I promise."

Pete's lip quivered and his eyes were moist. "Thanks, Theo," he managed to say before his voice choked up.

An hour later, Theo was suffering through a review of basic biology when his mind drifted back to his conversation with Pete. The poor kid was living a nightmare, afraid of getting punched by his brute of a father and afraid for his mother's life. How was a kid like Pete supposed to sit through four days of testing, concentrate on the exams, and score well enough to get properly placed on the right track for high school? And that placement could well determine his future. It made little sense, at least to Theo.

Chapter 3

When the last bell rang, Theo grabbed his backpack and fled the school. He jumped on his bike and raced away. Ten minutes later he slid to a stop in front of Boone & Boone, a two-story office in what was once a family residence on Park Street. He pushed his bike up the front sidewalk and parked it on the porch. He took a deep breath and walked inside, where he was immediately assaulted by Elsa, the law firm's ancient secretary and receptionist. She also considered herself to be Theo's second mother. When she saw him she gushed, "Well, hello, Theo!" and jumped from her chair to grab him. She hugged him tightly, then pushed back, looked at his attire, and said, "Didn't you wear that shirt last Friday?"

"I did not." He found it so irritating to be examined daily by Elsa. He was thirteen; he didn't care what he wore. Why should she?

"How was your day?" she said, pinching a cheek.

"Awful. Just awful. And it only gets worse tomorrow."

"Now, Theo, just think of all the unlucky kids around the world who don't have nice schools and good teachers and healthy lunches. You should always count your blessings and—"

"I know, I know," Theo said, stepping back. He got so tired of these little lectures. "What's in the kitchen?" He was always starving by three o'clock in the afternoon, and there was always something to snack on in the firm's kitchen. Judge finally got up from his bed under Elsa's desk, one of his many resting places throughout the offices, and walked over to say hello. Theo rubbed his head. What a life.

"I think Dorothy brought some brownies," Elsa said.

"Not those little peanut butter things. They taste like cardboard." Not even Judge would touch Dorothy's brownies.

"Now, Theo," Elsa said, already losing interest and eager to get back to work. Elsa was skinny and had no appetite, and she liked to show off her thinness by wearing all manner of tight pants and sweaters. Mrs. Boone said that Elsa wore things that only she could get by with because she was at least seventy years old.

"Is my mother in?" he asked.

"Yes, but she's with a client."

"I need to book an appointment with her."

"Theo, you don't have to make an appointment to see your mother."

"It's not for me, Elsa, but for a friend. I'm not getting a divorce yet."

Elsa glanced at a large calendar in the center of her desk. It was her daily planner, a terribly important sheet of paper because it kept track of everything from meetings with clients and court appointments to vacations and Theo's visits to the orthodontist. "She's free at four thirty."

"Thanks," Theo said. "If a guy named Pete Holland calls, let me talk to him."

Theo bounded up the stairs to the second floor, the domain of his father. As usual, Mr. Boone was sitting behind his large cluttered desk, pipe in his mouth, tie pulled loose, with the look of a man who'd been plowing through paperwork for days. He smiled and said, "Hello, Theo, a good day at school?"

Theo fell into a chair and Judge sat beside him. "Just awful, Dad, terrible. I'm sick of school."

"Well, dropping out is not an option. I suggest you stop the whining and get tough. These tests are important, and you need to do well."

Thanks for nothing, Dad. They talked for a few minutes until the phone rang. Mr. Boone reached for it and said, "Now shove off and go do your homework."

Perhaps the only good thing about the week was that there would be no homework. Theo went downstairs, rummaged through the refrigerator, found nothing but some stale doughnuts, and eventually wandered back to his small office where he killed some time. Bored, he was soon sleepy, so he put his feet on his desk, kicked back in his chair, and was about to doze off when his mother tapped on his door and stepped in.

"Hello, Theo. Elsa said you needed to see me."

"Sure, Mom. There's a kid at school who needs your help."

"What's the problem?"

"It's a long story, but the kid and his mother might be in danger."

"Let's go to my office and talk."

It was almost five p.m. when Pete Holland arrived with his mother and two younger sisters. The little girls were wide-eyed and seemed too frightened to speak. Pete, at thirteen, was trying to be the man of the family, but he, too, was overwhelmed. His mother, Carrie, had a swollen eye and a cut on her upper lip. She looked like she had been crying for hours and began again as soon as Mrs. Boone introduced herself and said she could help. She led Carrie into her office and closed the door. Theo pointed to the conference room and said, "Let's wait in there." Pete and his sisters followed Theo while Elsa hurried to the kitchen. She returned with the same stale doughnuts and some soft drinks. Even Judge seemed concerned and allowed the girls to rub his head.

Pete said, "My dad got out of jail this afternoon and he's looking for us. My mom's really scared and doesn't know what to do."

Sharon, the ten-year-old, finally spoke and said, "Mom says we can't go home." Sally, the seven-year-old, chewed on a doughnut and looked at Theo as if he had two heads.

"What are we going to do?" Sharon asked, as if Theo had all the answers.

Elsa, who had been through similar dramas, said, "Mrs. Boone will know what to do. Right now, let's just have a chat and talk about school. Did you bring your backpacks? Maybe we could do some homework." They shook their heads. No backpacks.

Since it was Monday, Theo called his uncle Ike and said he couldn't make their usual Monday meeting. He promised to stop by later in the week.

Mr. Boone stopped by to say good-bye and quickly realized that perhaps he should hang around for a while. He took off his coat, sat at the table, and began convincing Sally that she should chat with him. In spite of the law firm's efforts to comfort the children, the mood was still awkward, even tense. Their mother was talking to a lawyer, and their lives were unsettled.

After an hour, the door to Mrs. Boone's office opened. She and Mrs. Holland walked out and entered the conference room. Mr. Boone introduced himself properly; Mrs. Holland was too upset to say much. Her eyes were wet, and she dabbed them with a tissue. Mrs. Boone looked at Elsa and Mr. Boone and said, "Mr. Holland posted bond this afternoon and was released from jail around two. He's charged with assault and has a court date next week. He's been calling Mrs. Holland nonstop and leaving some messages that are threatening. It appears as though he's driving around town, searching for his family."

Mrs. Holland interrupted with, "And he's drinking, I can tell."

Mrs. Boone nodded and continued, "I've talked to the police, and they are looking for him. I have advised Mrs. Holland not to go home tonight and she agrees. There is a friend or two the family could possibly stay with, but her husband would probably find them. I've called the shelter and there's no available space, at least not for tonight."

"So we have to hide?" Pete asked.

"We're hiding now," his mother said.

"I just want to go home," Sharon said, and began crying.

"We can't go home," Pete said sharply.

"What's the plan?" Mr. Boone asked.

"I think we should go to our house and have a pizza party," Mrs. Boone replied. "We'll watch television and see what happens."

"Great idea," Mr. Boone said.

"I'll get the pizza," Elsa said, jumping to her feet.

Sally looked at Mr. Boone and managed to smile.

Two hours later, the Boones' den was covered with quilts, pillows, and kids. The pizza was long gone. Sally huddled with her mother on the sofa while Pete, Sharon, Theo, Elsa, and Judge were sprawled about the floor, all watching reruns of Everybody Loves Raymond. Mr. Boone was in his study reading a book, and Mrs. Boone eased from room to room, occasionally talking quietly on the phone in the kitchen. Theo met her there and whispered, "What's going on, Mom?"

She whispered back, "The police have not been able to find Mr. Holland. They can't go home tonight; it's just too dangerous. He's probably drinking, probably drunk by now, and who knows what will happen. They'll have to stay here tonight."

Theo understood and didn't mind protecting the family. "But what about tomorrow?"

"Mrs. Holland's parents live about four hours from here. That might be an option, maybe for a few days. The police will eventually find Mr. Holland and arrest him again for making threats. I'll probably go to court and ask the judge for a protective order. As of now, she says she wants to file for a divorce and get him out of the house, but that might not be so easy. I don't know, Theo, we'll just have to wait and see. Things could change by the hour. The important thing is to keep them safe."

"She's crazy if she doesn't get a divorce."

"It's never that easy, Theo, believe me. A lot of women put up with abuse because they think they have to. They can't afford to live without their husband and his job. I see this all the time."

"I'm not going to be a divorce lawyer."

"Let's talk about that later, okay?"

"Sure, Mom, and thanks for doing this. I feel like I'm responsible."

"You did the right thing, Theo. Lawyers have to get involved in unpleasant cases to help people. Who else could help at this point?"

"The police."

"And they're trying. You guys can sleep in the den and watch TV until late. Let's try and make it fun."

"Does this mean I can skip school tomorrow?"

"It does not."

Январь в мировой истории

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**

главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

Гай Юлий Цезарь перешел Рубикон

Знаменитый римский полководец Гай Юлий Цезарь, покорив соседних галлов и одержав ряд других блестящих побед, решил овладеть верховной властью в Риме. Сенат запретил ему переходить границу между Галлией и самой Италией. Но 10 января 49 г. до н.э. Цезарь принял решение форсировать с войсками Рубикон и идти на Рим, предопределив не только свою собственную судьбу, но также и дальнейший ход истории Рима.

Перейдя Рубикон во главе войск, Цезарь тем самым начал гражданскую войну, из которой он вышел победителем и стал диктатором в Римском государстве.

«Перейти Рубикон» теперь означает совершить поступок, который уже не может быть отменен, принять опасное и бесповоротное решение. «Жребий брошен» говорится в значении «колебания кончены, я начал действовать, и изменять что-либо уже поздно».

Последние бои гладиаторов в Риме

1 января 404 г. состоялись последние бои гладиаторов в Риме. Более шести с половиной столетий (с середины III в до н.э.) легендарные сражения специально обученных рабов и военнопленных на обагряемой кровью арене цирка приводили толпу и патрициев в неистовый восторг.

К началу IV в. гладиаторские бои и звериные травли стали постепенно приходить в упадок. Это было время, когда некогда великая Римская империя стала буквально изнемогать под ударами многочисленных «варварских» племен. Положение усугублялось непрекращающимся экономическим кризисом — сами римляне практически не работали, а привозимые товары непрерывно дорожали. А потому у римских императоров того периода хватало забот, помимо устройства дорогостоящих игр. И тем не менее они продолжались, хотя уже и без прежнего размаха. Окон-

чительно гладиаторские бои были запрещены за 72 года до падения Римской империи.

Конец кровавым оргиям на арене положила христианская церковь, ставшая в поздней Римской империи серьезной как духовной, так и политической силой. Выдержав страшные гонения в первые 300 лет и потеряв десятки тысяч первых последователей Христа, замученных все на той же арене, Церковь в 365 г. добилась повсеместного запрета звериной травли в цирках. В 404 г. монах Телемах, проникнув в Колизей в разгар боя гладиаторов, вступил на арену и пытался остановить кровопролитие. Зрители побили камнями поборника мира. Телемах был причислен к лику мучеников. Это событие стало последней каплей, переполнившей чашу терпения императора-христианина Гонория, наложившего на бои официальный запрет.

Император Лев III Исавр объявил поклонение иконам преступлением

15 января 730 г. на совете сенаторов и высшего духовенства, созванном византийским императором Львом III Исавром, поклонение иконам было объявлено преступлением. Началась эпоха иконоборчества. Иконоборчество — религиозно-политическое движение в Византии в VIII — начале IX в., направленное против почитания икон. Иконоборцы считали изображения святых «идолами», а почитание икон — «идолопоклонством», ссылаясь на ветхозаветные заповеди («Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху... не поклоняйся им и не служи им»).

В 730 г. император Лев III Исавр запретил почитание икон. Итогом иконоборчества стало уничтожение тысяч икон, а также мозаик, фресок, изваяний святых и расписных алтарей во многих храмах. Иконоборчество было официально закреплено на иконоборческом соборе в 754 г. при поддержке императора Константина V Копронима, сурово ополчившегося против иконопочитателей, особенно монахов.

Однако позднее, в 787 г., при поддержке императрицы Ирины, вдовы Льва IV Хазара, VII Вселенский собор утвердил догмат иконопочитания и отменил решение собора 754 г. (который было постановлено не считать вселенским). Императоры Никифор I Геник и Михаил I Рангаве, правившие после Ирины, придерживались иконопочитания; но после сокрушительного поражения Михаила I в войне с болгарами в 813 г. на престол вззошел Лев V Армянин, при котором иконоборчество возобновилось, а решения собора 754 г. были признаны вновь.

Наконец, в период регентства императрицы Феодоры патриарх-иконоборец Иоанн VII был свергнут. При сменившем его новом патриархе Мефодии в 843 г. состоялся новый собор, утвердивший и одобливший все определения VI Вселенского собора и снова подвергший иконоборцев отлучению. Тогда же был установлен и впервые совершен (11 марта 843 г.) чин провозглашения вечной памяти ревнителям православия и анафематствования еретикам, совершаемый в Православной церкви и до нашего времени в неделю «Торжество православия».

Основан орден тамплиеров

14 января 1119 г., в день святого Илария, был основан орден тамплиеров — рыцарей Христа и Храма Соломона, один из первых по времени основания религиозных военных орденов. Орден был основан небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода, чтобы поддержать новое Иерусалимское королевство во враждебном окружении побежденных мусульманских соседей, а также обеспечить охрану множеству европейских пилигримов, направившихся в Иерусалим после его завоевания.

Одним из важнейших видов деятельности ордена была работа с финансами. У ордена можно было взять ссуду под 10 % (для сравнения: кредитно-ссудные кассы и евреи давали ссуды под 40 %). Именно тамплиеры являются изобретателями чеков, причем если сумма вклада исчерпывалась, то ее можно было увеличить с последующим восполнением родственниками. Каждый чек снабжался отпечатком пальца вкладчика. За операции с чеками орден брал небольшой налог.

Наличие чеков освобождало людей от необходимости перемещений драгоценных металлов (игравших роль денег), теперь можно было отправляться в паломничество с небольшим кусочком кожи и в любом комтурстве (минимальная административная единица тамплиеров) получить полновесную монету! Таким образом, денежная собственность владельца чека стала недоступной для разбойников, число которых в Средневековье было достаточно велико.

Орден обладал огромными земельными владениями: в середине XIII в. ему принадлежало около 9 000 мануариев; к 1307 г. — около 10 500 мануариев. Мануарием в Средние века называли земельный участок размером 100—200 га, доход с которого позволял вооружить рыцаря. Особенно велико было влияние тамплиеров в Испании, Франции и Англии. Орден сложился в жесткую иерархическую структуру с великим магистром во главе, включал четыре разряда — рыцарей, капелланов, оруженосцев и слуг. Во времена наибольшего могущества в ордене насчитывалось около 20 000 членов, рыцарей и сервентов.

Авиньонское пленение пап

В январе 1377 г. закончилось так называемое авиньонское пленение пап, длившееся почти полвека. В течение этих десятилетий папский престол находился не в Риме, а в Авиньоне и папы оказывались в огромной зависимости от французских королей. За эти годы Авиньон стал символом развращенности и коррумпированности католической церкви. Когда в 1377 г. папе римскому удалось все-таки вернуться в Рим, это ничего не изменило. И сами папы, и их окружение поражали всех своей жадностью, порочностью и жестокостью. Некоторое время после этого один папа оставался в Авиньоне, другой был в Риме. Оба проклинали

ли друг друга, вызывая большую растерянность верующих. Кардиналы сделали попытку разрешить конфликт и выбрали другого папу. Таким образом, у католической церкви оказалось уже не два, а три главы, и все они продолжали сыпать проклятиями. Все это лишь усиливало критику в адрес католической церкви и приближало антицерковное движение, которое позже назовут Реформацией. Вывод простой — в тяжелые моменты надо не ссориться, а объединяться. Все это знают, но мало кто следует этому совету.

Начало опричнины

3 января 1565 г. — начало опричнины. Царь Иван Грозный, за месяц до этого уехавший с семьей и приближенными из Москвы в Александровскую слободу (ныне город Александров Владимирской области), прислал в столицу две грамоты. Первая была адресована митрополиту Афанасию. В ней, перечисляя злоупотребления и измены бояр и обвиняя духовенство в заступничестве за изменников, Иван Васильевич объявлял, что оставляет свое государство и поселится там, где Бог ему укажет. В другой грамоте, адресованной «православному христианству града Москвы», Грозный писал, что гнева на православных Москвы не имеет.

Тогдашнее общество было потрясено. Посланцы всех слоев населения умоляли митрополита уговорить царя не бросать государство свое, детей своих. Митрополит снарядил в Александровскую слободу депутацию во главе с архиепископом новгородским Пименом. Иван Грозный принял депутацию, повторил свои укоризны в адрес бояр и в заключение сказал, что ради митрополита Афанасия, архиепископов и епископов он соглашается снова принять власть над государством, но с условием, чтобы духовенство не мешало ему казнить изменников. Условие было принято, и царь тут же объявил об учреждении опричнины, иначе говоря — разделил государство на земщину и опричнину.

Из доверенных царю людей стал формироваться опричный корпус. Твердую рукой царь принялся переселять бояр-княжат в новые далекие области, отрывая их от насиженных мест и руша их давние связи, а на родовые княжеские земли стал сажать своих «худородных» опричников. Произошла широкомасштабная перетасовка земельных владений, в результате которой все казавшиеся Ивану Грозному подозрительными княжеские семьи были превращены в служилых людей. Но опричный террор был еще впереди.

Создана древнейшая масонская ложа

9 января 1599 г. в шотландском городе Массельбурге была создана древнейшая из официально зарегистрированных масонских лож. Как гласят легенды, первыми масонами были строители Храма Соломона в Иерусалиме. Потом масоны строили средневековые соборы, параллельно занимаясь поисками «истины».

Масонами были многие философы, музыканты, поэты и литераторы, короли и принцы. В эпоху Возрождения появилась популярная версия, в которой утверждалось родство масонов с рыцарями ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а после протеста мальтийских рыцарей была сделана попытка установить близость масонства к тамплиерам — рыцарям Храма и отыскать в Шотландии мнимую прародину масонства. Так в масонстве появилась таинственная степень — «шотландский мастер», а получившаяся в итоге неразбериха с постройкой Храма Соломона, походом в Шотландию, связью с рыцарями-храмовниками открыла дорогу множеству авантюристов...

Казнь английского короля Карла I

30 января 1649 г. на площади Уайтхолла при большом стечении народа король Англии Карл I был обезглавлен. После этих событий Англия становится конституционной монархией, что дает толчок к активному развитию промышленности и росту экономической мощи государства.

Во время своего правления Карл I допускает ряд серьезных ошибок. В Ирландии король обещает католикам ряд свобод и преференций по примеру Шотландии. Но, получив от католиков крупную сумму денег, он не сдерживает своего обещания, попросту обманув их, из-за чего в Ирландии вспыхивает восстание. Также,

не проводя собрание парламента более 12 лет, Карл I, по сути, отстранил его от управления страной. Последней каплей стало поднятие королевского знамени в Ноттингеме, что символизировало абсолютную власть короля, без учета мнения парламента. 14 июля 1645 г. в битве при Несби король терпит сокрушительное поражение и попадает в плен к шотландской знати. В плену король проводит полтора года, и только в 1647 г. Карла I выкупает парламент для проведения суда над королем.

Судебное разбирательство длилось 2 года, и у короля было множество возможностей избежать смертного приговора. Исключительно самовлюбленность и неразумность короля привели к его казни: все это время король плел интриги, пытался бежать и обвинял парламент, при этом пытаясь удержать форму абсолютной власти короля. Вследствие этого он был признан изменником родины и приговорен парламентом Англии к смертной казни.

Патриарх Никон добился принятия исправлений, внесенных в церковные книги

9 января в 1654 г. на церковном соборе патриарх Никон добился единогласного принятия исправлений, внесенных в церковные книги, и стиля иконописи, а также отмены двухперстного крестного знамения.

Необходимость церковной реформы на Руси созрела давно. Церковные книги писались тогда от руки, и из-за ошибок при переписи и редакторских вставок возникали несоответствия русских текстов греческим оригиналам, что приводило к разночтениям в молитвах и в толковании Священного писания. Устранив местные различия, Никон установил единство обрядовой традиции Русской церкви с остальным православным миром.

Указ Петра I «О ношении платья на манер венгерского»

14 января 1700 г. в Москве был объявлен Именной указ Петра I «О ношении платья на манер венгерского».

Указ предписывал «боярам, и окольничим, и думным, и ближним людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и дьякам, и жильцам, и всех чинов служилым, и приказным, и торговым людям, и людям боярским, на Москве и в городах, носить платья, венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобным; а то платье, кто успеет сделать, носить с Богоявлениева дня нынешнего 1700 г.; а кто к тому дню сделать не успеет, и тем делать и носить, кончая с нынешней Сырной недели».

По своему типу венгерская одежда была сходна с польской. Для богатых одеяний использовались шелк, бархат, батист, узорчатая парча, шерстяные ткани. Меха ценились дорого и служили признаком благосостояния. Костюм знатных и состоятельных людей, как мужской, так и женский, украшался вышивкой с ренессансными мотивами, кружевами, шнурками, галунами, позументами, ювелирными украшениями из золота и серебра с драгоценными камнями, жемчугом и широким применением цветных эмалей. Платье венгерского типа имело свободный крой, а его длина была близка старым русским одеждам.

В декабре 1701 г. вышел новый указ императора «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких седел». Петр I приказал носить иностранные одежды уже не только придворной знати и чиновникам, но и большинству москвичей и жителей других городов. В 1705 г. был обнародован указ «О бритье бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлин с тех, которые его исполнять не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков». Последующие указы, неоднократно

повторяющиеся, обязывали дворян, бояр и «всех чинов служилых людей» носить немецкое платье по будням и французское — по праздникам.

С 1701 по 1724 г. было издано 17 различных указов, регламентирующих правила ношения костюма европейского образца, типы тканей, отделку форменного и праздничного платья.

Введенный реформами Петра I мужской костюм сложился при дворе Людовика XIV и состоял из кафтана, камзола и штанов. Кафтан был длинный, до колен, узкий в талии, плотно облегающий фигуру в верхней части, с группами глубоких складок на полах, с разрезами по центру спинки и на боковых швах, что придавало ширину подолу и делало эту одежду удобной в движении, особенно при верховой езде. Кафтаны носили, как правило, нараспашку, оставляя видным камзол, либо застегнутым на несколько центральных пуговиц.

Камзол шили короче кафтана, без складок на подоле, всегда без воротника, с длинным узким рукавом без обшлага. Наколенные штаны носили короткие, за колено, на широком поясе, густо собранными по спинке. Дополняли этот костюм кружевное жабо и манжеты, кожаные башмаки с тупым носком, на каблучке, украшенные бантами или пряжками, и шелковые чулки. Повседневное платье шилось из сукна или льняной ткани и украшалось тканью контрастного цвета либо только пуговицами. Такой костюм мог носить любой горожанин. На платье аристократов шли более дорогие ткани: шелк, бархат, парча или очень тонкое сукно. Сохраняя единство кроя, платье варьировалось в зависимости от его назначения и социальной принадлежности владельца.

Данный костюм во многом отличался от традиционной русской мужской одежды: кафтана с длинными рукавами, длинного платья из бархата, сверху донизу застегнутого на множество пуговиц, шубы и меховой шапки с высокой тульей и бархатным верхом.

Реформа затронула и женский костюм. Тяжелые сарафаны, скрывающие формы тела, закрытые рубахи отошли на задний план. Согласно новой моде женщины должны были одеваться в широко и глубоко декольтированные французские платья с сильно затянутым в талии корсажем, с рукавами до локтя и широкой юбкой. Эти платья, как и мужские костюмы, украшали искусная вышивка и кружева. Женщины также должны были завивать волосы в локоны и пользоваться яркой декоративной косметикой (румяна и белила).

Таким образом, основные формы европейского костюма («платья саксонского, немецкого или французского») заменили абсолютно несхожий с ними по конструктивному и декоративному решению древнерусский костюм, вызвали к жизни новые представления о красоте, новые эстетические идеалы.

Новые порядки приживались с трудом. Переходу на европейское платье противились; указы приходилось повторять, вывешивать на городских воротах чучела с образцами, брать с ослушников пошлину, а мастерам грозить жестоким наказанием.

После смерти Петра I мужской дворянский костюм изменился в соответствии с общеевропейскими модами. В русский быт окончательно вошли французский кафтан, камзол, штаны-кюлоты и напудренные волосы.

Петр I учредил государственный орган — прокуратуру

В 1722 г. Петр I учредил новый государственный орган — прокуратуру, а в качестве одной из главных целей деятельности прокуроров назвал «ограждение населения от неправды чиновников». Прокуратура звалась «оком государевым», а генерал-прокурору повелевалось «сидеть в Сенате и смотреть накрепко». Первым генеральным прокурором России стал Павел Иванович Ягужинский.

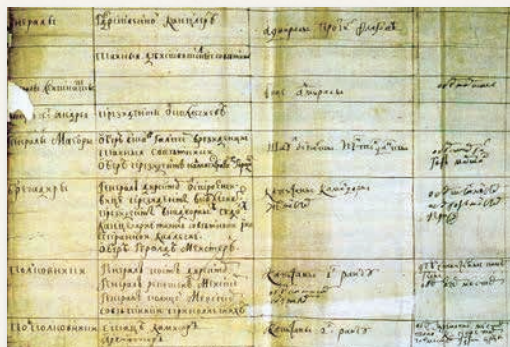
С 1996 г. 12 января отмечается в России как День работника прокуратуры.

Принятие Табели о рангах

В январе 1722 г. императором Петром I издается Табель о рангах — закон о порядке государственной службы в Российской империи. В его основу легли заимствования из «расписаний чинов» французского, прусского, шведского и датского королевств. Петр собственноручно правил черновик нового закона.

Табель о рангах предполагала постепенное движение любого человека по служебной лестнице и упраздняла характерное для допетровской Руси местничество, т.е. получение чинов в зависимости от древности рода. Таким образом, единственным способом получения более высоких чинов отныне становилась личная выслуга, а не родовое заступничество. Личная честь пришла на смену клановости.

Верховный тайный совет пригласил на российский престол Анну Иоанновну

Смерть Петра I оставила открытым вопрос о престолонаследии, предопределив таким образом эпоху дворцовых переворотов.

Петр, не желавший видеть на престоле потомков своего сына, издал указ о том, что царь сам назначает наследника престола, и стать им может кто угодно, хоть чужой человек. Но Петр умер, не успев применить закон на практике. Перед кончиной неверною рукой он смог начертать лишь два слова завещания «Оставить все...» Кому — не ясно. В итоге престол достался жене Петра, Екатерине I.

Между тем вопрос о престолонаследии оставался актуальным; вокруг потенциальных хозяев престола интриговали знатные мужи, стараясь «продвинуть»

свою кандидатуру и через нее сохранить влияние на государственные дела. После смерти Екатерины I более других преуспел в интриге Александр Меншиков, а императором стал юный внук Петра Великого Петр II. Он взошел на престол двенадцатилетним мальчиком и умер пятнадцати лет от роду, разумеется, не оставив никакого потомства, да и завещания, впрочем, тоже. Вопрос о наследнике вновь остался открытым. И вот 19 января 1730 г. Верховный тайный совет решил пригласить на российский престол Анну Иоанновну, племянницу Петра I, вдову герцога Курляндского.

Анна Иоанновна должна была подписать так называемые Кондиции, ограничивающие самодержавную власть и сохраняющие полномочия Тайного совета. Условия-то она подписала, но вступив на престол, тут же их и нарушила, упразднив Верховный тайный совет. Десятилетнее правление Анны Иоанновны было не самым счастливым временем для России, а отсутствие у Петра I прямых наследников в XVIII в. давало повод для государственных переворотов.

Императрица Елизавета Петровна произвела расправу над приближенными ее предшественниц

В 1742 г. императрица Елизавета Петровна произвела расправу над приближенными ее предшественниц — императрицы Анны Иоанновны и правительницы Анны Леопольдовны. При них страной фактически правила группа вельмож. После воцарения Елизаветы в конце 1741 г. они содержались под стражей.

29 января в 10 часов утра на Васильевском острове Петербурга была назначена их казнь и сооружен эшафот. Собралось много зрителей. Больного Остермана, бывшего канцлера, привезли на крестьянских дровнях, остальные шли пешком от Петропавловской крепости. Первым подняли на эшафот Остермана и зачитали длинный, на пяти листах, приговор — к смертной казни колесованием. Однако сразу же секретарь огласил другой документ: государыня по своей милости заменяет мучительную казнь легкой — отсечением головы. Приговоренного отвели к плахе, палач обнажил ему шею и взял в руки топор, но снова заговорил секретарь, объявивший, что по природному своему материнскому милосердию императрица повелевает никого не казнить смертью, а всех сослать в заточение. Остермана отправили в Березов, Миниха — в Пелым, в другие отдаленные местности выслали Головкина, Менгдена, Темерязева и Яковлева.

Женам осужденных императрица дозволила по своему выбору либо следовать за мужьями, либо со всеми правами состояния оставаться на прежних местах жительства. Все шестеро последовали за своими супругами. Увы, их подвиг известен несравненно меньше, чем его повторение женами декабристов в XIX в.

По иронии судьбы бывший кабинет-министр, бывший генерал-адмирал, сподвижник Петра I Генрих Остерман умер совсем рядом со своим старым недругом и еще одним соратником Петра Великого Александром Меншиковым. Быть мо-

жет, старик Андрей Иванович даже успел побывать на могиле светлейшего князя. О том неизвестно. Зато у историков нет никаких сомнений в том, кто стал главным виновником ссылки Меншикова в Сибирь. Это и был Остерман, стремительно возвысившийся при императрице Анне Иоанновне и столь же стремительно низвергнутый при Елизавете Петровне.

Меншиков ушел в мир иной гораздо раньше, в 1729 г. А в 1747 г., находясь в ссылке в Березове, скончался сам Остерман, не дожив всего неделю до своего 60-летия. В Петербург это известие пришло в июле с очередным рапортом: «Мая с 5 дня заболел грудью и голову обносит обморок, а сего ж мая 21 дня 1747 г. пополудни в четвертом часу волею Божию умре». В последний путь графа провожала его верная супруга Марфа Ивановна. Для отделки дубового гроба она пожертвовала лучшие из своих платьев. Гроб был обит снаружи «материею кофейного цвета и по краям обложен золотым позументом».

На могиле стараниями графини к лету появился памятник, а позже была возведена часовня из толстых кедровых брусьев. В эту часовню Марфа Ивановна приходила каждый день, пока в июле 1749 г. не пришел указ об ее освобождении из Сибири. В октябре 1749 г. вдова Андрея Ивановича Остермана выехала из Березова и 17 января 1750 г. прибыла в Москву. Там она и проживала, а 24 февраля 1781 г. в возрасте 84 лет умерла.

Татьянин день

25 января отмечается Татьянин день. История возникновения праздника уходит корнями в глубокую древность. Названа эта дата в честь мученицы Татианы, родившейся в Риме около 200 г. Ее родители были богатые и знатные граждане, которые втайне от всех являлись христианами. Дочь они тоже воспитали в христианской вере.

Во время гонений на христиан, организованных при римском императоре Севере, Татиана была схвачена. Девушку привели в храм Аполлона для принесения жертвы. По молитвам святой неожиданно произошло землетрясение: идол развалился на куски, а храм язычников был разрушен. Татиану подвергли мучениям, но так и не смогли заставить отречься от веры. Казнена была святая вместе с отцом.

В старину 25 января называли днем Татьяны Крещенской или праздником «Солныш». Считалось, что даже в пасмурную погоду хоть на минутку в этот день на небе появляется солнышко, освещая все вокруг своим благодатным светом.

В 1755 г. день мученицы Татианы получил новое значение — императрица Елизавета Петровна в этот день подписала указ «Об учреждении в Москве университета из двух гимназий». Проект учебного заведения был разработан Михаилом Ломоносовым, а попечителем выступал граф Шувалов. Университетскую церковь освятили в честь мученицы Татианы. С этих пор святая считается покровительницей студенчества.

Позже последовал указ Николая I, в котором он распорядился праздновать не дату открытия учебного заведения, а день подписания акта о его учреждении.

Так Татьянин день стал студенческим праздником, который еще прозвали День студента.

В деревнях этот праздник практически не отмечался, а вот в городской культуре он занял особое место. Еще в XIX в. Татьянин день стал шумным и веселым праздником студенческой братии. Студенты чтили память святой мученицы выступлениями своих хоров в храмах и торжественными молебнами.

В этот день единым целым становилась «ученая братия», отменялись возрастные границы и условности, звания и чины. Богатые и бедные,

заслуженные ученые и первокурсники — у всех имелся повод повеселиться. Маститые ученые ведь тоже когда-то были простыми студентами. В Татьянин день устраивали торжественные мероприятия с награждением и поздравлением лучших студентов.

Татьянин день, с его розыгрышами почетных профессоров, братскими пирушками, катанием на санях, стал атрибутом студенческих традиций и важным объектом студенческого фольклора. Управляющий гостиницей «Эрмитаж», французский поданный Люсьен Оливье (создатель знаменитого салата), в этот день отдавал студентам для празднования свой ресторан. На празднике не обходилось без выпивки. Но в этот день царские жандармы не трогали подвыпивших студентов, а наоборот, предлагали свою помощь. Очень скоро Татьянин день превратился в праздник российской интеллигенции.

После Октябрьской революции о празднике на долгое время забыли. Однако в 1995 г. при Московском университете снова был открыт храм святой Татьяны. И снова в нашей стране появился веселый студенческий праздник — Татьянин день.

В России вошли в обращение первые бумажные деньги

9 января в 1769 г. в России по указу Екатерины II вошли в обращение первые бумажные деньги, так называемые ассигнации. Как было отмечено в указе, вводились они «для улучшения обращения денег, от которого зависело благоденствие народа и цветущее состояние торговли, и дабы отвратить тягость медной монеты, затрудняющий ее оборот и перевоз». И действительно, в то время обыкновенный 25-рублевый мешок медных денег весил полтора пуда — 24 кг. Можно представить, какие

тяготы испытывали получатели таких месячных окладов. Денежная реформа 1769 г. приблизила российскую финансовую систему к европейской, в которой бумажные деньги уже были в ходу.

В Петербург из Парижа прибыли картины мастеров западноевропейской живописи

В 1772 г. в Петербург из Парижа прибыли 158 картин мастеров западноевропейской живописи, в том числе семь картин Рембрандта и среди них — знаменитая «Даная». Купить эти полотна посоветовали Екатерине II князь Дмитрий Голицын, в ту пору российский посол во Франции, и французский просветитель Дени Дидро, с которым русская императрица состояла в переписке. Так начиналась коллекция шедевров Эрмитажа.

Екатерина любила картины, но еще более она любила античные камни. Страсть эту она называла «камейной болезнью». В Париже по ее указу было куплено сначала собрание драгоценных камней герцога Луи-Филиппа Орлеанского из полутора тысяч гемм. Потом Эрмитаж пополнился коллекцией хранителя Венского кабинета древностей де Франса из 2 337 гемм. Так что у Екатерины были веские основания говорить: «Все собрания Европы по сравнению с нашим — лишь детские затеи».

Этой акцией, наделавшей в Европе много шума, русская императрица заложила традицию коллекционирования, ставшую в XIX в. государственной политикой. С екатерининских времен Эрмитаж только накапливал сокровища искусства. Но так было не всегда. В 20-х гг. прошлого века стали потихоньку продавать их за границу. В сложной экономической и политической ситуации новой власти было не до искусства — главным было добыть валюту. Например, на самой крупной в истории выставке Василия Кандинского, организованной в 1972 г. в нью-йоркском музее Гуггенхайма, посетители могли прочитать под некоторыми картинами надписи: «Приобретено у ленинградского Эрмитажа в таком-то году». Проданного, увы, теперь не вернешь.

Казнь Емельяна Пугачева

21 января 1775 г. в Москве, на Болотной площади, был четвертован предводитель восстания казаков и крестьян Емельян Иванович Пугачев, выдававший себя за покойного императора Петра III. Донской казак, уроженец станицы Зимовейской, Пугачев был человеком незаурядным и весьма способным руководителем. Получив неплохую военную выучку на Семилетней и Русско-турецкой войнах, Емельян Иванович с конца 1771 г. стал вести жизнь беглого казака, связавшись со старообрядцами и путешествуя по Украине и Речи Посполитой.

В 1772 г. Пугачев нашел пристанище у яицких казаков — там он впервые и назвался «ампиратором». В 1773 г. ему удалось бежать из казанской тюрьмы, а в сентябре того же года на Яике вспыхнуло мощное восстание:

в легенду о чудесно спасшемся государе поверили тысячи подданных — казаков и крестьян. Пугачевский бунт, распространившись на огромной территории от Яика до Волги, стал серьезной опасностью для монархии Екатерины II.

Императрица не могла равнодушно взирать на то, как пугачевцы в июле 1774 г. штурмовали Казань и едва не закрепились в городе. Посланные против бунтовщиков регулярные войска сумели подавить возмущение, а пытавшийся укрыться на Дону Пугачев в сентябре того же года был выдан казаками властям. Самозваного «ампиратора», доставленного Суворовым в Москву, публично казнили вместе с ближайшими соратниками. Родную станицу Пугачева — Зимовейскую — перенесли в другое место и назвали Потемкинской, а река Яик, на которой вспыхнуло восстание, была переименована в Урал.

Необычная свадьба княгини Марии и принца Альфреда

11 января 1874 г. в Петербурге состоялась свадьба Марии, дочери русского императора Александра II, и Альфреда, герцога Эдинбургского, сына английской королевы Виктории.

Необычность заключалась в том, что этому браку активно противились обе семьи. Еще не залечены были раны Крымской войны, назревал новый конфликт между Россией и Великобританией. В Петербурге сочли оскорбительным предложение королевы Виктории к невесте явиться в Лондон «на смотрины». Однако влюбленные сумели преодолеть все преграды. Дочери русского императора не понравились

ни климат, ни довольно прохладное отношение к ней королевской семьи. Тем не менее супруги прожили в любви и согласии 26 лет, до смерти Альфреда.

Мария умерла в 1920 г. Любопытно, что под нажимом Марии Александровны ее дочь — тоже Мария — не приняла предложение внука королевы Виктории и вышла замуж за румынского принца (а потом короля) Фердинанда.

Введение в России воинской повинности для всех сословий

13 января 1874 г. в рамках реформ, проводившихся Александром II, вышел Манифест о введении в России воинской повинности для всех сословий. Вместо прежней системы рекрутских наборов были введены ежегодные призывы для всех лиц мужского пола в возрасте от 21 года до 40 лет. Срок действительной службы в сухопутных войсках определялся в 6 лет, во флоте — 7 лет. Лица с высшим и средним образованием служили от 1 до 3 лет.

Однако в армию уходили далеко не все. Так, от службы освобождались единственные сыновья или кормильцы семьи, священнослужители, а в мирное время — врачи, ветеринары, фармацевты, воспитатели и преподаватели, деятели

науки и культуры. А вот представители народов Севера, Средней Азии, Кавказа и Сибири при Александре II на военную службу и вовсе не призывались.

Умерли «сиамские близнецы» Чанг и Энг Банкеры

17 января в 1874 г. умерли Чанг и Энг Банкеры, самые известные в мире «сиамские близнецы», поставившие, кроме того, рекорд долгожительства для «сросшихся пар» — не полных 63 года.

Чанг и Энг родились в 1811 г. в Сиаме (ныне Таиланд), тела их были соединены в области грудины короткой трубчатой хрящевой связкой. Отношение к такого рода играм природы в то время и в том месте было таково, что король Сиам повелел немедленно умертвить несчастных близнецов, полагая их отмеченными печатью дьявола. Понадобилась невероятная материнская самоотверженность и изобретательность, чтобы спасти жизнь детей. Между тем мальчики, вопреки соседским и даже врачебным прогнозам, выжили и приспособились к своему немыслимому положению, научившись не только ходить и бегать, но даже прыгать и плавать. Картина, конечно, была впечатляющая, и некий предприимчивый британский торговец Роберт Хантер сообразил, что из необыкновенных братьев можно извлекать доход.

Много лет продолжались гастроли Чанга и Энга по Америке и Англии, пока они, пройдя через многие трудности, не сколотили некоторый капитал. Осев в Северной Каролине, братья попробовали устроить свою личную жизнь и женились на сестрах Йетс. При этом был найден хитроумный, но, очевидно, единственно возможный компромисс: каждая семья поселилась в отдельном доме, и братья жили попеременно то в одном, то в другом. Браки оказались многодетными, и жизнь Банкеров, если учесть жуткие условия, в которые они были поставлены с рождения, оказалась вполне даже приемлемой.

К сожалению, неразлучаемые близнецы, представляющие собой в анатомическом отношении почти одного человека, резко различались по характеру, привычкам и установкам, что порождало неразрешимые конфликты: не мог же один из них плюнуть на другого и удалиться в свою жизнь. Энгу приходилось терпеть пьянство брата и вспышки его неумеренной гневливости, а когда с Чангом случился удар, поразивший неподвижностью правую половину его тела, — переживать вместе с ним все трудности, связанные с частичным параличом.

Всю жизнь Чанг и Энг мечтали об операции, которая предоставит каждому из них волеизъявленную свободу, но риск хирургического вмешательства был настолько велик, что проведение его сильно бы смахивало на преднамеренное двойное убийство. Единственного врача, который пообещал разделить близнецов в том единственном случае, если один из них умрет раньше другого, в роковой момент поблизости не оказалось. Лишь на три часа Энг пережил своего внезапно скончавшегося брата.

В Петербурге образована одна из первых революционных рабочих организаций «Северный союз русских рабочих»

4 января 1879 г. в Петербурге была образована одна из первых революционных рабочих организаций «Северный союз русских рабочих». Основателями подрывного союза стали Виктор Обнорский и Степан Халтурин. Первый побывал за границей и в качестве основы программы своей революционной организации взял перевод программы германской социал-демократии. Это было вполне в традиции российских революционеров — переводить чужую конституцию и объявлять ее единственно верной для России, как делали декабристы. Подготовленная Обнорским программа была принята на общем собрании «Северного союза русских рабочих». Ее конечной целью провозглашалось «ниспровержение суще-

ствующего политического и экономического строя государства как строя крайне несправедливого». В «Северный союз» вступило порядка двух сотен рабочих, организовавших выпуск первой в России рабочей газеты «Рабочая зоря».

От красивых переводных слов о свободах революционеры очень скоро перешли к кровавым делам. Степан Халтурин, например, вступил в террористическую организацию «Народная воля». В феврале 1880 г. он произвел мощный взрыв в Зимнем дворце, в 1882 г. участвовал в убийстве одесского прокурора. И в том же году был повешен.

Морозовская стачка

7 января в 1885 г. на фабриках «Товарищества Никольской мануфактуры» во Владимирской губернии началась стачка рабочих, вошедшая в историю как Морозовская стачка. Владелец мануфактуры, Тимофей Саввич Морозов, ловкий и оборотистый промышленник, взявший под свой контроль весь производственный цикл, по отношению к рабочим был жесток: снижал зарплату и изводил штрафами. Стачка на мануфактуре длилась две недели. Это было первое организованное выступление рабочих в России. Когда судили

зачинщиков волнений, Тимофея Морозова вызвали в суд свидетелем. Публика встретила его с возмущением. Сын Тимофея Саввича вспоминал: «В бинокли на него смотрят, как в цирке. Кричат: “Изверг! Кровосос!” Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на паркете — и затылком об пол, как нарочно, перед самой скамьей подсудимых. Такой в зале поднялся глум, что председателю пришлось прервать заседание».

После суда Тимофей Морозов месяц пролежал в горячке и встал с постели состарившимся и озлобившимся. О фабрике и слышать не хотел: «Продать ее, а деньги в банк!» Только железная воля его жены спасла мануфактуру от продажи.

Кровавое воскресенье

22 января в 1905 г. (9 января по старому стилю) власти устроили так называемое Кровавое воскресенье — расстрел мирной демонстрации петербургских рабочих. Этот день стал переломным в истории России: была утрачена вера в доброго, справедливого царя, что открыло дорогу революции. Предупреждение Льва Толстого, что теперь за Николая II никто не заступится, сбылось в 1918 г. А ведь никаким бунтом в Кровавое воскресенье и не пахло, рабочие шли к Зимнему дворцу с царскими портретами и хоругвями. Они намеревались вручить петицию своему государю. Войска не пропустили их и открыли огонь. По официальным данным, было убито 130 человек, по данным революционных авторов — около тысячи.

Историки считают Кровавое воскресенье до сих пор неразгаданной тайной. Данные о погибших сильно расходятся — чуть ли не в десятки раз. И до сих пор не установлено, кто же персонально отдал приказ стрелять на поражение. Николай II в этот момент находился в Царском Селе; документы свидетельствуют, что никто из правящей верхушки не пытался прогнозировать события и просчитывать возможные варианты.

Войскам был дан приказ не пропускать колонны демонстрантов к центру города. Но не было указаний, как поступать, если рабочие не подчинятся приказу повернуть обратно. Вопрос о применении оружия заранее не рассматривался. Многие специалисты считают, что стрельба была начата по команде офицеров невысокого ранга, т.е. решение было чисто военным, а не политическим. Сохранились свидетельства одного офицера, который наивно сказал: «Ну как же было не стрелять, когда нас вывели с оружием!» Доказательства того, что священник Григорий Гапон, руководитель шествия, был уже тогда полицейским провокатором, выглядят не очень убедительно.

Марию Склодовскую-Кюри не приняли во Французскую академию

23 января 1911 г. Марию Склодовскую-Кюри не приняли во Французскую академию.

После месяца оскорбительной полемики кандидатура первой женщины — нобелевского лауреата была отвергнута большинством с перевесом всего в один голос. Свой отказ ученые мужи мотивировали так: среди академиков никогда не было женщин. Зачем, мол, создавать прецедент?!

А что же Мария? Через полгода она получила вторую Нобелевскую премию, на сей раз по химии, и стала первым в мире ученым, удостоенным этой престижной награды дважды. В ее жизни вообще многое было впервые.

Ликвидация казачества на Дону и Кубани

24 января 1919 г. Яков Свердлов подписал циркулярное письмо ЦК ВКП(б) о ликвидации казачества на Дону и Кубани.

Казаки, при царском режиме имевшие значительные привилегии, активно выступали против советской власти, которая стремилась эти привилегии отобрать.

Согласно письму, у казаков были конфискованы оружие, лошади, практически весь урожай. Зажиточные хуторяне подлежали расстрелу. Чтобы подавить сопротивление, в станицах брали заложников из числа стариков, женщин и детей. На

массовые расстрелы казаки ответили мощным Вёшенским восстанием. В начале июня 1919 г. 30 тысяч восставших соединились с армией Деникина и нанесли большевикам серьезное поражение на Южном фронте. Расстреляв без суда несколько тысяч человек, советская власть одумалась. В конце марта массовый террор был официально приостановлен, но местные руководители продолжали самосуд вплоть до августа. Когда в октябре 1919 г. Деникин прорвался к Туле, Ленин вернул Дону и Кубани «полную автономию». Однако уже в конце 1920 г. политика террора возобновилась. Бывших деникинцев расстреливали, их жен и детей помещали в концлагеря.

В Германии к власти пришел Гитлер

В последних числах января 1933 г. в Германии сменился рейхсканцлер. Множество обывателей лишь пожали плечами: к смене правительств давно привыкли, как и к состоянию бесконечного кризиса. Никому и в голову не приходило, что жизнь в стране всего через несколько месяцев изменится кардинально. Германия вступала в эпоху, которая многим поначалу покажется возрождением, но на деле обернется самой страшной катастрофой в истории немецкого народа.

22 января 1933 г. состоялась двухчасовая встреча с глазу на глаз рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга с Адольфом Гитлером. После этой встречи рейхспрезидент сказал сопровождавшему его чиновнику: «Теперь нет иной возможности, кроме как Гитлера поставить канцлером». Предполагается, что Гитлер в ходе этой беседы угрожал фон Гинденбургу дальнейшими разоблачениями, а в случае, если президент пойдет ему навстречу, Гитлер обещал немедленно прекратить расследование по «делу Гинденбурга». В результате 30 января 1933 г. Пауль фон Гинденбург назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером.

«Заговор кремлевских врачей»

В 1953 г. 13 января газеты «Правда» и «Известия» вышли с сообщением о раскрытии «заговора кремлевских врачей». Девять ведущих врачей (большинство из них — евреи) обвинялись в отравлении секретаря ЦК Андрея Жданова и начальника Главного политического управления Красной армии Александра Щер-

бакова. Вот цитата из публикации: «Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи Жданов и Щербаков... Большинство участников террористической группы... были куплены американской разведкой» (при этом перечислялись фамилии).

После смерти Сталина «дело врачей» было объявлено фальсификацией, а обвиняемые оправданы, но двое невинно обвиненных к тому времени уже скончались во время следствия.

Первая советская Комплексная антарктическая экспедиция

5 января 1955 г. к берегам Антарктиды была доставлена первая советская Комплексная антарктическая экспедиция. В район Земли Королевы Мэри с транспортных судов «Обь» и «Лена» десантировались 70 советских исследователей под руководством доктора географических наук, крупного ученого-океанолога и опытного полярника Михаила Михайловича Сомова. 13 февраля ими была открыта научная станция «Мирный», а спустя несколько месяцев еще две — «Пионерская» и «Оазис». А исторически первая высадка на Белый материк, открытый в 1820 г. русскими моряками под началом Беллинсгаузена и Лазарева, состоялась 23 января 1895 г. Тогда на мыс Адэр высадились норвежцы во главе с капитаном Кристенсеном.

Ядерная атака на СССР

1 января 1957 г., согласно плану «Дропшот», принятому в США в 1949 г., должен был наступить «день Д» — ядерное нападение на СССР.

По замыслам заокеанских стратегов США должны были к этому времени достигнуть подавляющего количественного преимущества 10:1 по атомному оружию и некоторого опережения по обычным вооружениям. На СССР должны были быть сброшены 300 атомных бомб и 29 тысяч тонн обычных.

В плане 1949 г. «провидчески» утверждалось: «1 января 1957 года США будут вовлечены в войну против СССР из-за акта агрессии со стороны СССР и его сателлитов».

Далее планировались удары и оккупация территории СССР и его союзников.

Этому плану не дано было сбыться, так как силами советских ученых и инженеров было создано атомное и ракетное оружие, обеспечивающее нанесение необратимого урона потенциальному агрессору.

Денежная реформа 1961 г.

1 января 1961 г. в СССР была проведена денежная реформа: изменение масштаба цен (деноминация) и замена денежных знаков (10 старых рублей обменивались на 1 новый рубль).

Денежная реформа 1961 г. на первый взгляд представляла собой обычную деноминацию: старые сталинские «портянки» заменили на новые хрущевские «фантики», меньшие по размерам, но более дорогие по номиналу.

Находившиеся в обращении денежные знаки образца 1947 г. были обменены без ограничений на вновь выпущенные по соотношению 10:1, и в том же соотношении были изменены цены всех товаров, тарифные ставки заработной платы, пенсии, стипендии и пособия, платежные обязательства и договоры. Делалось это якобы лишь «в целях облегчения денежного обращения и придания большей полноценности деньгам».

Однако тогда, в 1961 г., мало кто обратил внимание на одну странность: до проведения реформы доллар стоил четыре рубля, а после ее проведения курс был назначен в 90 копеек. Многие наивно радовались, что рубль стал дороже доллара, но ведь если менять старые деньги на новые в соотношении 1:10, то доллар должен был стоить не 90, а лишь 40 копеек. То же самое произошло и с золотым содержанием: вместо того, чтобы получить золотое содержание, равное 2,22168 г, рубль получил лишь 0,987412 г золота. Таким образом, рубль был недооценен в 2,25 раза, а покупательная способность рубля по отношению к импортным товарам, соответственно, во столько же раз уменьшилась.

Недаром бессменный с 1938 г. глава Наркомфина, а потом и министр финансов Арсений Григорьевич Зверев, не согласившись с планом реформы, ушел 16 мая 1960 г. с поста главы ведомства. Ушел он сразу после того, как 4 мая 1960 г. в Кремле было подписано постановление № 470 Совета министров СССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». Зверев не мог не понимать, к чему приведет такая реформа, и не пожелал участвовать в этом деле.

Последствия этой реформы были ощутимыми: импорт резко подорожал, и заграничные вещи, которыми советского покупателя и до этого не особенно-то баловали, перешли в разряд предметов роскоши.

Лишение академика А. Д. Сахарова государственных наград СССР

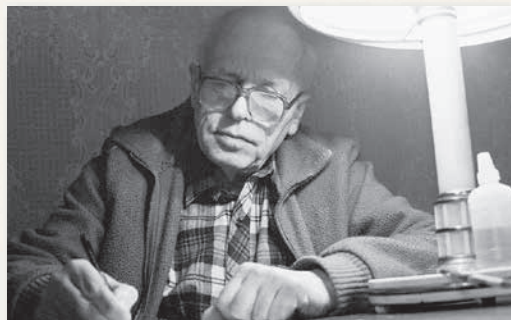
Указ Президиума Верховного Совета СССР «О лишении Сахарова А. Д. государственных наград СССР» 8 января 1980 г. подписали Л. Брежнев и М. Георгадзе, но обнародован документ был только в конце месяца. Сахарова лишили звания Героя Социалистического Труда и всех имеющихся у него государственных наград СССР в связи с систематическим совершением действий, порочащих его как награжденного, и принимая во внимание многочисленные предложения советской общественности.

Академик узнал об этом указе только через две недели. Сахаров был задержан 22 января 1980 г. прямо на улице и доставлен в Прокуратуру СССР. Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков зачитал ему упомянутый выше указ, а также решение «О высылке А. Д. Сахарова из Москвы в место, исключающее его контакты с иностранными гражданами». Таким местом избрали город Горький, закрытый в то время для иностранцев.

В один момент талантливый ученый потерял все. С 1948 г. Сахаров в течение 20 лет работал над созданием советского термоядерного оружия, в частности проектировал первую советскую водородную бомбу. О том, сколь успешен был Сахаров на этой стезе, говорят три звезды Героя Социалистического Труда, орден Ленина, Сталинская и Ленинская премии, многочисленные научные регалии и другие блага, которыми его щедро осыпало Советское государство. Энтузиазм молодого Сахарова поражал даже военных.

Так, его идеи об использовании сверхмощных ядерных зарядов для проведения подводных взрывов, вызывающих гигантское цунами, способное смыть все города на побережье США, даже не склонным к сантиментам советским генералам и адмиралам показались чрезмерными. Сахаров вообще предлагал не обслуживать вашингтонскую стратегию разорения Советского Союза гонкой вооружений. Он выступал за размещение вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережий США ядерных зарядов по 100 мегатонн каждый. И при агрессии против нас либо наших друзей нажать кнопки. Было это сказано им до ссоры с Никитой Сергеевичем Хрущевым в 1961 г. из-за разногласий по поводу испытания термоядерной бомбы мощностью в 100 мегатонн над Новой Землей.

Однако в 1960-х гг. у Сахарова происходит резкая переоценка ценностей. Он решает посвятить себя борьбе за мир, разоружение и справедливое мироустройство. В середине 1960-х гг. общественная деятельность Сахарова начинает вытеснять научную. Он пишет письма против «лысенковщины», против реабилитации сталинизма, в защиту писателей и общественных деятелей, вступивших в конфликт с советской властью из-за политических расхождений. Наверное, надоедливого академика могли бы выслать из СССР, как Солженицына и Ростроповича, однако все упиралось в «ядерные секреты» — слишком много он знал!

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >